НОВЫЕ НАХОДКИ НА

КАРА-ТЕПЕ

В СТАРОМ ТЕРМЕЗЕ

.1
R

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ СССР
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ОРДЕНА ЛЕНИНА ЭРМИТАЖ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ МУЗЕЙ ИСКУССТВА
НАРОДОВ ВОСТОКА
ВСЕСОЮЗНАЯ ЦЕНТРАЛЬНАЯ
НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ ЛАБОРАТОРИЯ
ПО КОНСЕРВАЦИИ И РЕСТАВРАЦИИ
МУЗЕЙНЫХ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ЦЕННОСТЕЙ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

МАТЕРИАЛЫ СОВМЕСТНОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ НА КАРА-ТЕПЕ

ПОД ОБЩЕЙ РЕДАКЦИЕЙ
Б. Я. Ставиского

ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

НОВЫЕ НАХОДКИ НА КАРА-ТЕПЕ В СТАРОМ ТЕРМЕЗЕ

ОСНОВНЫЕ ИТОГИ РАБОТ
1972—1973 гг.

МОСКВА 1975

902.6
Н72

«Новые находки на Кара-тепе в Старом Термезе» — четвертый выпуск материалов археологической экспедиции, уже пятнадцать лет работающей близ Термеза. В нем помещены статьи и заметки о новых находках экспедиции, обработке и систематизации этих находок.

Н $\frac{10602\text{-}195}{013(02)\text{-}75}$ 255-75

© Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука», 1975.

Светлой памяти
Евгении Георгиевны Пчелиной
(31.XII.1895—25.XI.1973),
одного из пионеров
археологического изучения Кара-тепе,
и Фанни Артуровны Заславской
(13.III.1920—9.I.1973),
участницы раскопок
Кара-тепе в 1972 г.

ОТ РЕДАКТОРА

Настоящий сборник, четвертый в серии Материалов экспедиции на Кара-тепе[1], посвящен одному из замечательных памятников древней культуры Средней Азии — крупному буддийскому культовому центру, располагавшемуся во II—IV вв. н. э. на холме Кара-тепе, в северо-западной части огромного городища Старого Термеза. Значение этого памятника (и материалов, добытых при его раскопках) для изучения истории культуры и искусства Средней Азии трудно переоценить. Он относится ко времени существования могущественной, но все еще слабо изученной (а потому и загадочной) среднеазиатско-индийской Кушанской империи и связан с буддизмом — пришедшим из Индии религиозным учением, которое долго господствовало в Южной, Центральной и Восточной Азии. История Кара-тепе ярко отражает широкие международные связи кушанской эпохи и вместе с тем характеризует культуру и искусство родины и основной области Кушанского государства Бактрии — Тохаристана. Кара-тепе обогатил нашу науку разнообразными данными, освещающими многие вопросы истории, культуры и искусства Бактрии, Средней Азии, Кушанского государства.

Изучение нашей экспедицией Кара-тепе, начатое в 1961 г., явилось продолжением разведочных работ, спорадически проводившихся здесь в 1928—1936 гг. А. С. Стрелковым, Г. В. Парфеновым, В. Н. Кесаевым, Б. Б. Пиотровским, и рекогносцировочных раскопок, осуществленных в 1937 г. Е. Г. Пчелиной, участницей крупной Термезской экспедиции во главе с профессором М. Е. Массоном[2]. Предыдущие три выпуска Материалов нашей экспедиции содержали отчеты о раскопках Кара-тепе (вплоть до 1971 г.), публикацию и разбор найденных в ходе раскопок индийских, бакт-

---

[1] См. «Кара-тепе — буддийский пещерный монастырь в Старом Термезе», М., 1964 (далее — «Кара-тепе I»); «Буддийские пещеры Кара-тепе в Старом Термезе», М., 1969 («Кара-тепе II»); «Буддийский культовый центр Кара-тепе в Старом Термезе», М., 1972 («Кара-тепе III»).

[2] О работах по изучению Кара-тепе в 1928—1936 гг. см.: Е. Г. Пчелина, Начало работ по обследованию буддийского монастыря Кара-тепе в Старом Термезе,— «Кара-тепе I», стр. 82—99.

рийских и среднеперсидских надписей, терракот и фрагментов каменных рельефов и архитектурных деталей, сведения об антропологических и палеопатологических исследованиях останков людей, результаты анализов красок росписей и каменных рельефов, исследование вопросов политической истории Бактрии — Тохаристана и аннотированную библиографию работ по Кара-тепе 1961—1970 гг.

Настоящий сборник посвящен итогам изучения Кара-тепе в 1972 и 1973 гг. Как и ранее, полевые работы в эти годы осуществлялись экспедицией, организованной совместными усилиями трех учреждений Министерства культуры СССР — Государственного Эрмитажа, Государственного музея искусства народов Востока (ГМИНВ) и Всесоюзной центральной научно-исследовательской лаборатории по консервации и реставрации музейных художественных ценностей (ВЦНИЛКР) при поддержке Института востоковедения АН СССР [3].

Раскопки Кара-тепе в 1972—1973 гг. велись в так называемых первой и второй группах помещений. В первой группе, включавшей три двора, два пещерных и один наземный храмы, наземное святилище и ряд вспомогательных пещерных и наземных помещений, основные работы велись в центральной части, т. е. в комплексе Б, где завершены зачистка большого храмового двора и извлечение из завала остатков сюжетной полихромной росписи, украшавшей в древности стены одного из четырех колонных айванов. Вопреки ожиданиям в восточной стене двора оказался проход, ведущий наружу или в какие-то дополнительные наземные помещения. Принципиальное значение для понимания устройства и архитектуры Кара-тепе имеет обнаруженная Л. К. Сергеевой близ вершины холма, над пещерным храмом П-II комплекса Б, наружная сырцовая постройка, исследование которой, однако, пока что лишь начинается. Для истории Кара-тепе, а возможно, и Термеза в целом важно открытие новых захоронений с кушано-сасанидскими монетами, чайниковидными керамическими сосудами и другими изделиями; эти захоронения были совершены в уже покинутых наземных помещениях, поверх слоя запустения, во второй половине IV в. н. э. и связаны, вероятно, как и вскрытые ранее групповые захоронения в пещерных храмах П—I и П—II, с какой-то эпидемией.

В результате раскопок второй группы помещений, осуществляемых с 1971 г. отрядом ГМИНВ во главе с Н. С. и В. Л. Сычевыми, выявляется новый комплекс В, включавший большой двор, в который с юга выходят

---

[3] В полевых работах на Кара-тепе в 1972 г. участвовали: Б. Я. Ставиский (начальник экспедиции, зав. отделом ВЦНИЛКР), старшие научные сотрудники ГМИНВ Н. С. Сычева, В. Л. Сычев, Э. В. Ганевская, научный сотрудник ИВАН СССР Ф. А. Заславская, художник-реставратор ВЦНИЛКР Ю. М. Егоров, аспирант МГУ О. Н. Щеголев, архитектор В. Г. Дончик, археолог Л. К. Сергеева, лаборант О. В. Семененко. В 1973 г. на Кара-тепе работали: Б. Я. Ставиский, Н. С. и В. Л. Сычевы, Ю. М. Егоров, Л. К. Сергеева, В. Г. Дончик, О. В. Семененко, ст. научн. сотр. ГТГ Н. В. Розанова, сотрудники ВЦНИЛКР А. Д. Дорофеев и С. Ю. Внуков, архитектор В. Б. Кузнецов, лаборант Т. И. Смирнова, а также — кратковременно — научные сотрудники ИВАН СССР индолог В. В. Вертоградова, арабист С. Б. Певзнер и зав. сектором ВЦНИЛКР Л. А. Лелеков.

шесть сводчатых сырцовых айванов с проходами в глубь холма — в пещерные помещения. Планировка и устройство этого комплекса заметно отличается от планировки и устройства комплексов А и Б первой группы помещений. Отлична от раскапываемых ранее пещерных храмов и келий монахов-служителей и пещера I этого комплекса, имевшая вид длинной, узкой и невысокой сводчатой комнаты с боковой нишей и небольшой каморкой, скрытой в глубине ниши. Наличие расписных панелей на боковых и остатков сюжетной росписи на торцовой стенах основного помещения этой пещеры, а также тщательность ее отделки не исключают возможности видеть в ней культовое помещение — святилище или молельню, нишу рассматривать как предназначенную для крупной буддийской статуи или статуй, а каморку — как кладовку или, что представляется менее вероятным, келью монаха-служителя. Эта пока единственная раскопанная полностью пещера комплекса В была заброшена, а вход в нее заложен и даже оштукатурен еще тогда, когда соседние помещения и двор комплекса продолжали функционировать, благодаря чему найденные здесь предметы (в том числе керамический зонтик с расписными изображениями буддийских персонажей, фрагменты художественной керамики и черепки с надписями) могут определенно быть датированы более ранним этапом, чем материал из других, бытовавших позднее, помещений. Возможно, что найденная в пещере I медная монета Канишки указывает на дату, когда эта пещера была заброшена (скорее всего из-за угрозы обвала).

За предварительными отчетами о раскопках комплексов Б и В в настоящем сборнике следует статья Ю. М. Егорова, А. В. Ивановой и Л. А. Лелекова о полевой обработке фрагментов стенных росписей на Кара-тепе. Эта работа, безусловно, очень актуальна, так как в ходе широких археологических изысканий советских археологов в Средней Азии (и в Северном Афганистане) каждый год открываются все новые образцы монументальной живописи, нуждающиеся в немедленной консервации и последующей реставрации. Разработка методики полевой и камеральной обработки стенных росписей, представляющих бесценное художественное наследие народов наших братских среднеазиатских республик, дружественного Афганистана и близлежащих стран и областей, стала сейчас одной из важнейших задач реставраторов-монументалистов. Как известно, 25 лет назад реставраторы Государственного Эрмитажа во главе с П. И. Костровым, использовав достижения химии полимеров тех лет, создали методику закрепления и реставрации стенных росписей и спасли от гибели многие памятники древнего искусства Средней Азии. Их методика и сейчас остается наиболее разработанной, что не исключает, конечно, необходимости поиска новых, еще более совершенных способов консервации и реставрации древней среднеазиатской живописи с учетом новейших достижений бурно развивающейся химической науки. Думается, что публикуемая статья трех сотрудников отдела методов реставрации монументальной живописи ВЦНИЛКР внесет свою лепту в это благородное дело.

Как и в предыдущих выпусках Материалов экспедиции на Кара-тепе, в этом сборнике печатаются статьи и заметки, в которых рассматриваются открытые нашей экспедицией разнообразные и разноязычные надписи.

Учитывая крайне небольшое число известных сейчас науке памятников бактрийской письменности, можно понять, что каждая новая публикация бактрийских надписей Кара-тепе (а такие надписи мы находим практически ежегодно) ведет к уточнению понимания не только изданных ранее каратепинских надписей, но и аналогичных надписей Афганистана и Индостана. Свидетельством этого служат публикуемые в сборнике статьи известного ленинградского ираниста В. А. Лившица и западногерманского лингвиста проф. Хельмута Хумбаха, уже не раз уделявшего внимание каратепинским надписям (статья Х. Хумбаха была, в частности, опубликована в предыдущем, третьем, выпуске Материалов нашей экспедиции). Поновому осмысляются теперь и индийские надписи Кара-тепе, за публикацией которых столь пристально следят индологи всего мира: находка сосуда с полностью сохранившейся надписью брахми, изданию и анализу которой посвящена статья В. В. Вертоградовой, позволила поставить вопрос о существовании в буддийском культовом центре на Кара-тепе необычных сосудов с надписями не дарственного, а поучительного характера, отражающими дискуссии между различными школами буддизма. Арабистов и медиевистов-востоковедов заинтересуют, вероятно, арабские надписи-граффити, процарапанные на стенах пещер Кара-тепе через много столетий после того, как они перестали служить буддийскими святынями; их публикует С. Б. Певзнер, изучавший эти надписи на Кара-тепе и сделавший их прорисовки в полевой сезон 1973 г. На одной из таблиц (илл. 10) приведена также двуязычная надпись-граффити, оставленная на карнизе входного сводчатого айвана пещеры III комплекса В посетителем, знавшим бактрийский и среднеперсидский языки: здесь дважды повторено одно имя — Мирано (по-бактрийски; прочитано Б. Я. Стависким) и Михран (по-среднеперсидски; прочитано В. Г. Лукониным).

Среди эпиграфических находок на Кара-тепе 1973 г. следует отметить три фрагмента тонкостенного керамического сосуда с надписью, от которой сохранилось семь знаков (пять — полностью, два — частично), близких акшарам индийского письма кхароштхи. По определению В. В. Вертоградовой, это, скорее всего, знаки того вида письменности, который недавно выявлен французским исследователем Ж. Фюсманом. Ж. Фюсман считает, что эта разновидность была основана на кхароштхи и предназначалась для записи одного из восточноиранских языков (см.: G. Fussman, Documents épigraphiques kouchans, BEFEO, t. LXI, 1974, стр. 1—66). Четыре акшары, тождественные написанным на сосуде из Кара-тепе, значатся в таблице, составленной Ж. Фюсманом, причем три из них имеют характерный диакритический знак, по-видимому, огласовку. Две акшары из Каратепе, очевидно, могут дополнить таблицу Фюсмана.

Большое место в настоящем сборнике занимает статья Н. С. Сычевой, представляющая публикацию и исследование керамики Кара-тепе, над которой Н. С. Сычева работает начиная с 1966 г. Возможно, что не все положения автора этой статьи будут признаны исследователями керамики других археологических памятников Средней Азии и сопредельных областей и стран; вполне может быть, что последующие раскопки Кара-тепе внесут дополнения или уточнения в выводы Н. С. Сычевой, но как публи-

кация материалов керамики и попытка их интерпретации эта статья привлечет к себе внимание специалистов.

Работа старшего научного сотрудника сектора химических методов исследования ВЦНИЛКР В. Я. Бирштейна о первых успехах, достигнутых в изучении связующих красок и грунта стенных росписей Кара-тепе и других древних памятников Средней Азии, открывает новые пути для технологических исследований древней монументальной живописи.

В настоящем сборнике приняли участие исследователи разных специальностей из разных учреждений и городов, в том числе, как это имело место и в двух других, предыдущих, выпусках Материалов нашей экспедиции, и зарубежный ученый. Я уверен, что сплочение столь разных специалистов вокруг материалов Кара-тепе обеспечит более разностороннее и углубленное изучение этого памятника и связанных с ним проблем и вопросов.

Издание этого сборника и нормальная работа экспедиции вообще были бы невозможны без той поддержки, которую постоянно оказывают исследователям Кара-тепе дирекция и руководство Отдела Востока Эрмитажа, руководители ГМИНВ и ВЦНИЛКР, директор ИВАН СССР академик Б. Г. Гафуров. Всем им я считаю своим приятным долгом выразить глубокую признательность. Мне хочется также поблагодарить за участливое внимание к нашей экспедиции сотрудников Сурхандарьинского музея и Термезского государственного пединститута, партийные, советские и военные организации г. Термеза и вообще всех тех, кто помогал нам своим трудом, советами, сообщениями и замечаниями.

Б. Ставиский

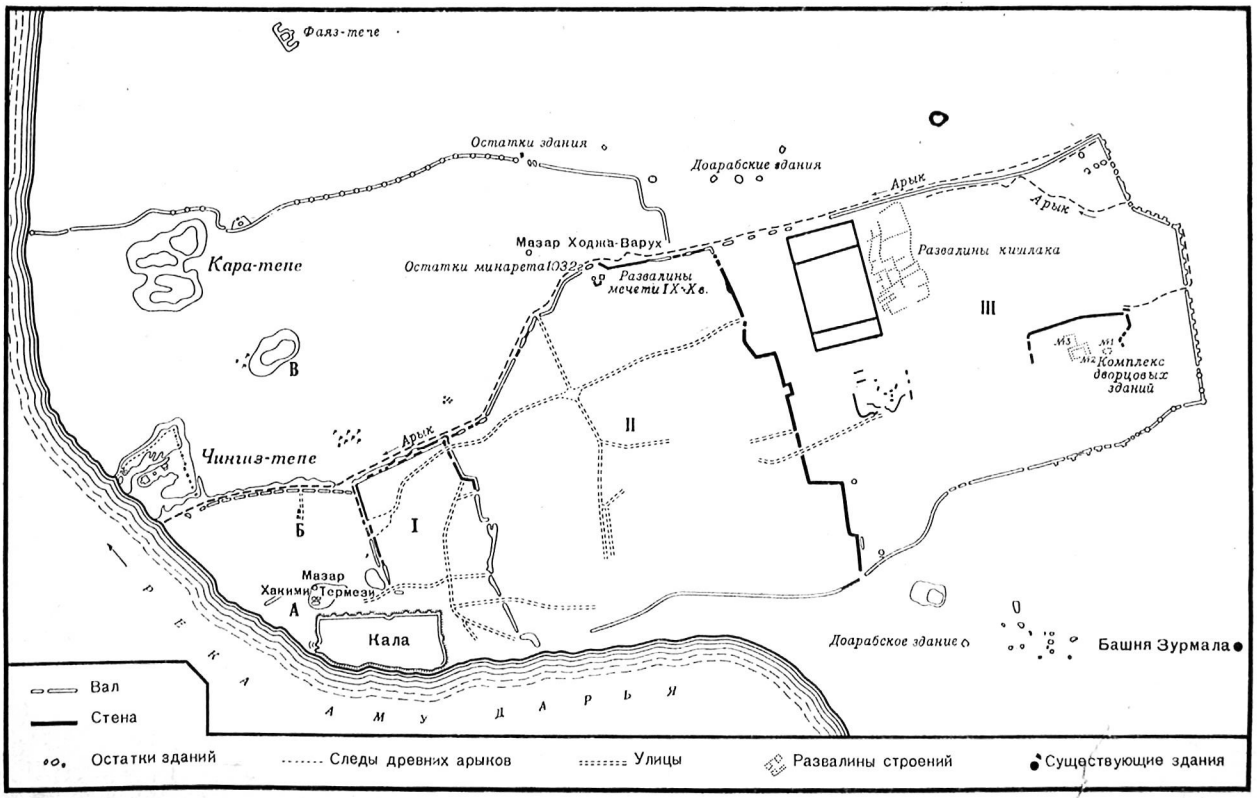

Фаяз-тепе
Остатки здания
Доарабские здания
Арык
Арык
Мазар Ходжа-Варух
Остатки минарета 1032 г.
Развалины мечети IX-X в.
Развалины кишлака
Кара-тепе
В
III
М3
М1
М2 Комплекс дворцовых зданий
Чинлиз-тепе
Арык
II
Б
I
Мазар Хакими Термези
А
Кала
Доарабское здание
Башня Зурмала
Вал
Стена
Остатки зданий
Следы древних арыков
Улицы
Развалины строений
Существующие здания

Рис. 1

Б. Я. Ставиский, Л. К. Сергеева

РАСКОПКИ КОМПЛЕКСА Б
в 1972—1973 гг.
(предварительное сообщение)

Так называемый комплекс Б, раскопки которого велись в 1972 и 1973 гг., располагается в северной части восточного склона южной вершины трехглавого холма Кара-тепе (рис. 2). Раскопки здесь были начаты в 1937 г. Е. Г. Пчелиной, участницей Термезской археологической комплексной экспедиции, возглавляемой М. Е. Массоном. Е. Г. Пчелина, на долю которой, таким образом, выпала честь стать одним из пионеров археологического изучения Кара-тепе, обнаружила и частично расчистила остатки небольшого наземного и двух пещерных храмов [1].

Работами нашей экспедиции в 1961—1964 гг. было установлено, что наземный храм и один из двух пещерных храмов, раскопанных Е. Г. Пчелиной, связаны с большим храмовым двором, а второй пещерный храм — с другим двором, по планировке и устройству близким к первому; первый (южный) двор и связанные с ним помещения получили условное обозначение «комплекс А», второй двор и соединявшиеся с ним помещения — «комплекс Б» [2]. Раскопки этих комплексов продолжались и в последующие годы [3]. При этом вплоть до 1970—1971 гг. считалось, что комплексы А и Б были изолированы друг от друга. Предполагалось также, что подобные комплексы в сочетании с пещерами несколько иного типа окаймляли всю южную вершину Кара-тепе [4].

---

[1] См.: Е. Г. Пчелина, Начало работ по обследованию буддийского монастыря Кара-тепе в Старом Термезе,— «Кара-тепе I», стр. 85—99, рис. 3—5; ее же, Древнебуддийский монастырь Кара-тепе, Термез,— «Доклады и сообщения исторического факультета МГУ», вып. 4, М., 1946, стр. 52—56.

[2] См.: Б. Я. Ставиский, Основные итоги раскопок Кара-тепе в 1961—1962 гг.,— «Кара-тепе I», стр. 9—20; его же, Основные итоги раскопок Кара-тепе в 1963—1964 гг.,— «Кара-тепе II», стр. 8—15.

[3] См.: Б. Я. Ставиский, Итоги раскопок Кара-тепе в 1965—1969 гг.,— «Кара-тепе III», стр. 9—30.

[4] См.: Б. Я. Ставиский, Основные итоги раскопок Кара-тепе в 1963—1964 гг., стр. 28—29; его же, Итоги раскопок Кара-тепе в 1965—1969 гг., стр. 48.

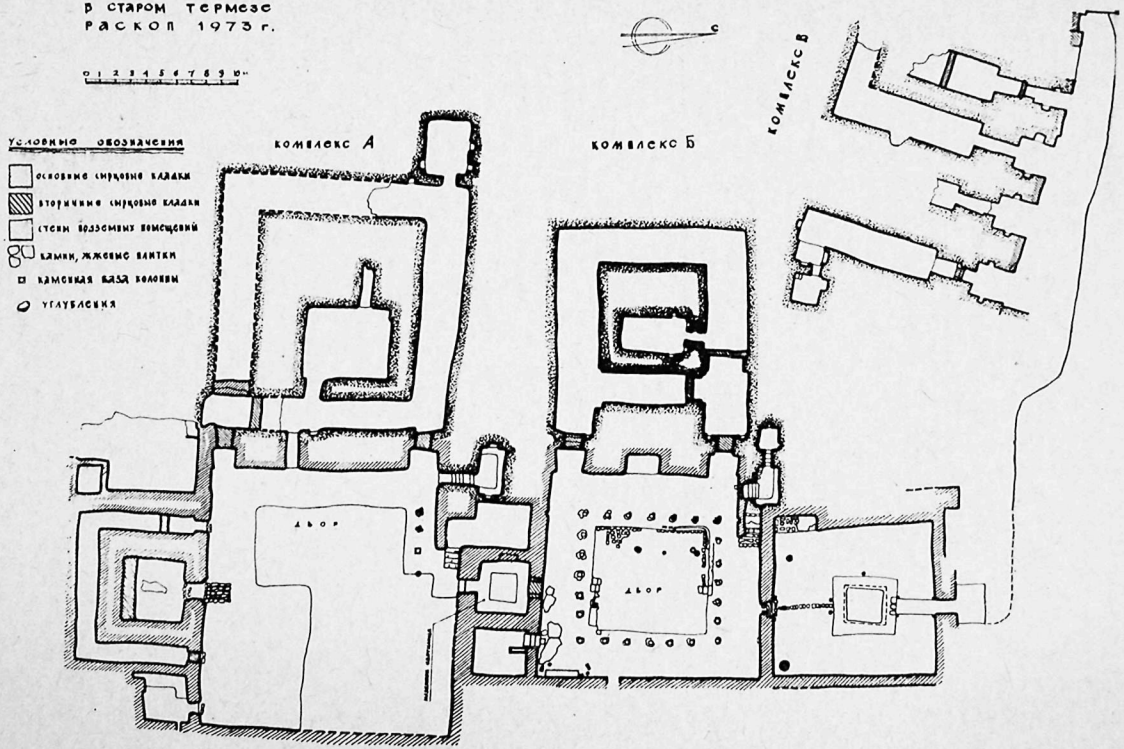

КАРА-ТЕПЕ
в старом термезе
раскоп 1973 г.
0 1 2 3 4 5 6 7 8 9 10
Условные обозначения
основные сырцовые кладки
вторичные сырцовые кладки
стены подземных помещений
камни, жженые плитки
каменная база колонны
углубления
комплекс А
комплекс Б
комплекс В
двор
двор

Рис. 2

В результате раскопок 1970—1971 гг. выяснилось, что храмовые дворы комплексов А и Б первоначально соединялись через небольшое наземное святилище; это помещение — с вотивной ступой в центре, каменной вымосткой пола по периметру и многокрасочной росписью на стенах — имело выходы как на север (во двор комплекса Б), так и на юг (во двор комплекса А), позднее закрытые сырцовыми закладками, причем со стороны южного двора такая закладка была даже покрыта глиняной штукатуркой, выкрашенной в красный цвет [5]. Был также открыт большой «северный двор» (с остатками ступы в центре), сообщавшийся с храмовым двором комплекса Б через широкий входной проем с деревянной дверью. Тогда же удалось определить, что к северу от «северного двора» и к югу от комплекса А находятся участки естественного склона холма, которые в древности использовались для выброса различного мусора, в том числе и битой глиняной посуды [6]. Таким образом, к началу раскопочного сезона 1972 г. было установлено, что комплексы А и Б вместе с «северным двором» составляли изолированную «первую группу помещений», отделенную от других групп помещений, в частности от комплекса В, незастроенными участками склонов.

В результате раскопок 1937 и 1961—1971 гг. в комплексе Б, занимавшем среднюю часть вытянувшейся с севера на юг «первой группы помещений», были полностью расчищены пещерный храм П-II (обозначенный так в отличие от пещерного храма П-I в комплексе А и выявленных на северном склоне пещерных помещений П-III, П-IV и П-V), расположенная около его северного входа пещерная келья монаха-служителя, бóльшая часть храмового двора и лежавшее к югу от него наземное святилище. В 1972—1973 гг. раскопки в комплексе Б велись на трех участках: *а*) в храмовом дворе, *б*) в наземном помещении (к востоку от наземного святилища) и *в*) близ вершины холма, над пещерной кельей и храмом П-II.

1) Раскопки в храмовом дворе

В храмовом дворе комплекса Б раскапывалась его восточная часть. В ходе предыдущих раскопок было установле-

---

[5] Б. Я. Ставиский, Работы на Кара-тепе в 1970—1971 гг.,— «Каратепе III», стр. 81—85. После обнаружения этого помещения стало ясно, что культовую постройку, примыкавшую с юга к храмовому двору комплекса А, следует называть наземным храмом (ранее оно значилось как наземное святилище).

[6] Б. Я. Ставиский, Работы на Кара-тепе в 1970—1971 гг., стр. 85—89.

но, что центральную, пониженную часть двора (лишенную какого-либо перекрытия) с запада, севера и юга окружали айваны, т. е. портики с колоннами, поддерживавшими плоскую деревянную кровлю. Казалось вполне вероятным, что такой же айван располагался и на восточном краю двора и двор, таким образом, имел четыре айвана, окаймлявшие его по периметру со всех четырех сторон[7]. К 1972 г. западный айван был раскопан полностью, южный — примерно наполовину, северный — почти на две трети; почти полностью была раскопана и центральная, углубленная более чем на полметра ниже айванов часть двора (здесь остался незачищенным лишь участок ее восточного края).

В ходе раскопок предыдущих лет в западном айване были найдены in situ три каменные базы колонн и отпечатки еще четырех таких же баз на ганчевых (гипсовых) обмазках, которыми в древности базы прикреплялись к первоначальной глиняной обмазке пола айванов; в западной части южного айвана к 1972 г. были расчищены три отпечатка от баз колонн, кроме углового (общего для этого и западного айванов), а в западной части северного айвана, если не считать общей для него и западного айвана каменной базы колонны,— четыре подобных же отпечатка[8].

В результате работ 1972 и 1973 гг. храмовый двор комплекса Б раскопан полностью (рис. 2, 3). Вдоль его восточного края действительно тянулся восточный айван, который смыкался с южным и северным айванами. Все эти три айвана, как и западный, имели по семь колонн, отпечатки каменных баз которых на ганчевых (гипсовых) обмазках повсеместно прослеживались довольно четко.

У восточной стены восточного айвана, сложенной из кирпича-сырца (размером 34×34×12 *см*), в 54 *см* от юго-восточного угла всего двора, зачищена суфа (илл. 1). Она тянулась с юга на север на 2,22 *м*. Ширина ее — 0,4 *м*, высота — также 0,4 *м*, верхняя и боковые поверхности обмазаны глиняной штукатуркой и выкрашены в красный цвет. Суфа стоит непосредственно на глиняном полу айвана. Однако сооружена она не одновременно со стеной, а пристроена к ней. При этом суфа частично закрыла утопленный в кладке стены вертикальный паз от деревянного столба, в основании которого стояла обнаруженная при раскопках 1973 г. in situ

[7] Там же, стр. 95—96; на стр. 94, рис. 30, помещен выполненный архитектором И. А. Мачерет вариант графической реконструкции западной половины храмового двора комплекса Б, дающий общее представление обо всем этом дворе в целом. Сходное заключение о дворе комплекса А см.: Б. Я. Ставиский, Основные итоги раскопок Кара-тепе в 1961—1962 гг., — «Кара-тепе I», стр. 9—11.

[8] Б. Я. Ставиский, Работы на Кара-тепе в 1970—1971 гг., стр. 72—81.

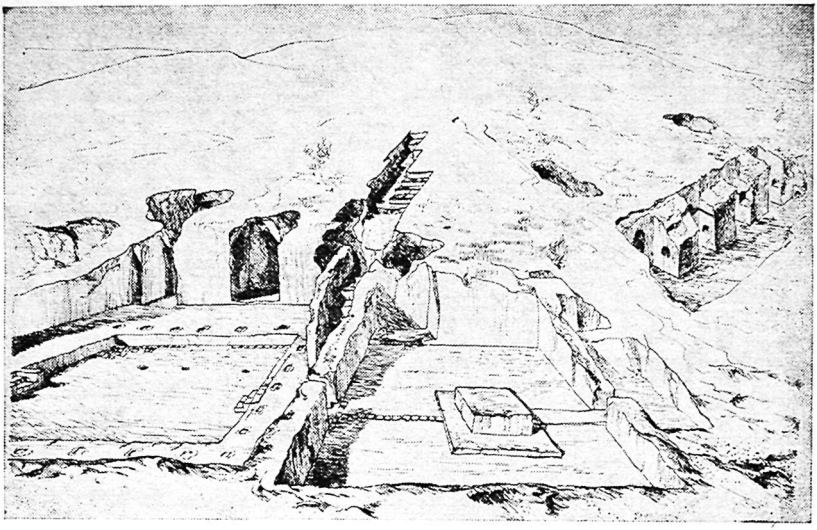

Рис. 3

профилированная полубаза, высеченная в блоке мергелистого известняка. Эта полубаза аналогична четырем таким же находкам 1971 г.; одна из них была обнаружена in situ в основании вертикального паза в восточной части северной стены двора, три остальные найдены при раскопках наземного святилища [9], куда их, вероятно, выбросили в древности из того же храмового двора комплекса Б. Как и остальные подобные пазы от деревянных столбов, утопленных в стены храмового двора комплекса Б, паз в южной части восточной стены расположен на линии без колонн, а находившийся в этом пазу деревянный столб как бы продолжал колоннаду южного айвана, служа восточной опорой для основной несущей балки перекрытия этого айвана.

Севернее суфы (в 4,86 *м* севернее юго-восточного угла двора) в восточной стене открыт дверной проем шириной 80 *см,* ведущий из двора на восток, наружу из комплекса Б, или в какие-то лежащие восточнее двора наземные помещения. Со стороны двора у края проема зачищены следы от пазов деревянной дверной коробки. Таким образом, этот проход имел деревянную, по всей видимости запирающуюся, дверь. Однако его расположение (не посредине восточного айвана, а ближе к юго-восточному углу) и небольшие раз-

[9] Там же, стр. 78, 80, 84 и 85 и рис. 25а на стр. 86.

меры заставляют рассматривать этот проход как второстепенный, уступающий по своему значению как проходу, ведущему в северный двор, так и первоначальному проходу из двора комплекса Б в наземное святилище (а через него и во двор комплекса А). В той же, юго-восточной части двора в 1973 г. был открыт еще один проход, ведущий из двора, на этот раз на юг. Проход этот был такой же ширины, как дверной проем в восточной стене (его ширина равнялась примерно 80 *см*). Находился он в 2,28 *м* западнее юго-восточного угла двора (и в 2,45 *м* восточнее прохода в наземное святилище) и вел в наземное помещение, располагавшееся между храмовыми дворами комплексов А и Б, к востоку от наземного святилища.

В ходе раскопок 1969—1971 гг. в южном айване храмового двора комплекса Б были расчищены следы полихромной сюжетной росписи на южной стене и фрагменты этой же росписи в завале, около стены [10]. В 1972 и 1973 гг. работы по выявлению остатков здесь стенной росписи были завершены: последние дошедшие до нас ее куски извлечены из завала и доставлены для последующей камеральной обработки в отдел методов реставрации монументальной живописи ВЦНИЛКР [11].

Среди обнаруженных в 1972—1973 гг. фрагментов особенно интересны куски штукатурки с неплохо сохранившимися изображениями женщин в богатых нарядах, с лицами, переданными в трехчетвертном повороте вправо (рис. 4). Эти фрагменты в восточной части южного айвана, близ прохода в наземное помещение (к востоку от прохода в наземное святилище), найдены в завале, куда упали, видимо еще в древности, с южной стены.

К сожалению, о первоначальном размещении этих изображений судить трудно.

Напомню, что западнее входа, ведущего из южного айвана храмового двора комплекса Б в наземное святилище, на стене была обнаружена нижняя часть композиции с донаторами. До нас дошли изображения ног и подолов одежды пяти мужчин и двух женщин, переданных стоящими в шеренгу, лишь слегка заслоняя друг друга. Все эти персонажи изображены фронтально: они стоят, расставив ноги, носками в стороны [12]. Однако, судя по найденному в западной части айвана фрагменту росписи с головой старика-донатора [13],

---

[10] Б. Я. Ставиский, Итоги раскопок Кара-тепе в 1965—1969 гг., стр. 27, 35; его же, Работы на Кара-тепе в 1970—1971 гг., стр. 77—78.

[11] Эти работы были осуществлены сотрудниками ВЦНИЛКР: художником-реставратором Ю. М. Егоровым и лаборантом А. Д. Дорофеевым.

[12] См. «Кара-тепе III», рис. 22—23 на стр. 76—77.

[13] См. «Кара-тепе III», табл. V.

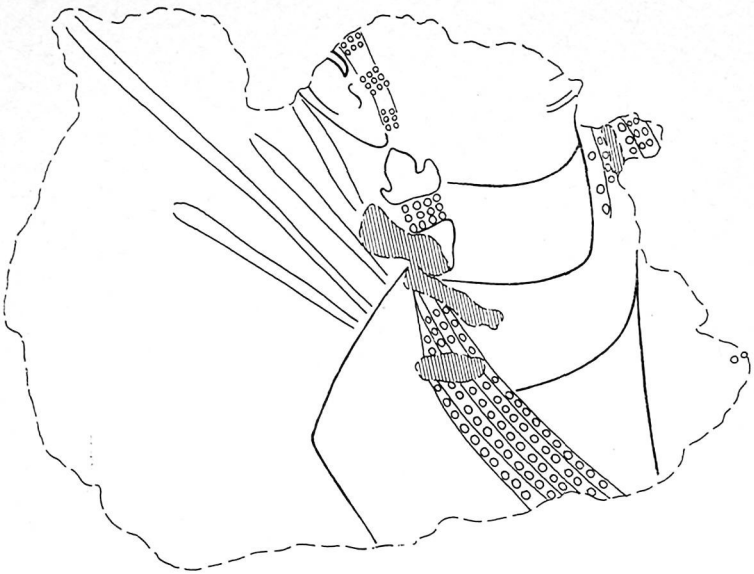

Рис. 4

можно предполагать, что в отличие от туловищ донаторов их лица были изображены в профиль, повернутыми влево, т. е. позы донаторов в целом напоминали стоящих в полный рост царей и божеств на кушанских монетах [14].

Помимо этой композиции, занимавшей нижнюю часть стены западной части айвана, в ходе раскопок 1970—1971 гг. в завале, перед проходом в наземное святилище, были найдены большие куски сцены с Буддой и монахами, расположившимися под деревьями [15]. Представляется вполне вероятным, что эта сцена размещалась над входом в наземное святилище, т. е. как бы образовывала второй ярус живописи южного айвана, хотя нельзя исключить, видимо, и того, что сцена с Буддой и монахами могла украшать нижнюю часть стены айвана к востоку от входа в святилище. На самой стене здесь сохранились лишь незначительные следы росписей — кусочки красной и синей краски на остатках белой ганчевой подгрунтовки, позволяющие утверждать, что здесь в древности существовала живопись, но оставляющие откры-

[14] См., например: I. Rosenfield, The Dynastic Arts of the Kushans, Berkeley, 1967, табл. II—XII и рис. 2 на стр. 29; рис. 9 на стр. 83, рис. 14 на стр. 114.

[15] См.: Б. Я. Ставиский, Работы на Кара-тепе в 1970—1971 гг., стр. 77—78.

тым вопрос о ее характере. И пока нам остается лишь гадать, как была украшена по низу стена восточной части айвана — сценами ли из жизни Будды (включая сцену с монахами) или же полностью утраченной композицией с донаторами, симметричной той, которая находилась к западу от входа в святилище (возможно, что этот вопрос более прояснится после завершения камеральной обработки и изучения всех найденных возле южной стены двора фрагментов росписей).

Представляется более вероятным, что повернутые в три четверти головы женщин скорее связываются со сценами, повествующими о деяниях Будды, чем с шеренгой донаторов: во-первых, именно в сцене с Буддой и монахами встречены изображения с аналогичным поворотом, и, во-вторых, белые разводы на синем фоне с изображениями женских голов кажутся более уместными в сочетании с Буддой и монахами под деревьями, чем по соседству с «абстрактным» синим фоном фрагмента с головой старика-донатора.

Во время раскопок восточного айвана храмового двора комплекса Б в 1973 г. возле суфы на полу было найдено несколько изделий из мергелистого известняка: фрагмент рельефа (в двух кусках) с изображением морды быка (рис. 5б), часть капители колонны с аканфовой листвой (рис. 5а), кусок ствола колонки и часть предмета со сферической поверхностью (возможно, деталь облицовки ступы или основания буддийской статуи). Там же, в юго-восточном углу двора найден фрагментированный бронзовый предмет, в древности покрытый позолотой, а примерно в 1 *м* севернее угловой базы южного и восточного айванов — черепок с частью индийской надписи.

2) Раскопки в наземном помещении

В 1972—1973 гг. в комплексе Б одновременно с раскопками в юго-восточном углу храмового двора велись работы и в наземном помещении, занимавшем участок к востоку от наземного святилища, между дворами комплексов Б и А. В плане помещение это неправильной формы: его длинные западная и восточная стены имеют длину соответственно 3,60 и 3,45 *м*, а короткие южная и северная — 2,70 и 3,20 *м*. Стены сложены из кирпича-сырца размером 34—35×34—35×14—15 *см* и 32×32×14—15 *см*, причем сырцовые кирпичи разных размеров были употреблены в одних и тех же кладках. Стены, как и глиняная обмазка пола, покоятся на выровненной поверхности материкового песчаника. Поверхности стен покрывала толстая глиняная штукатурка (толщиною

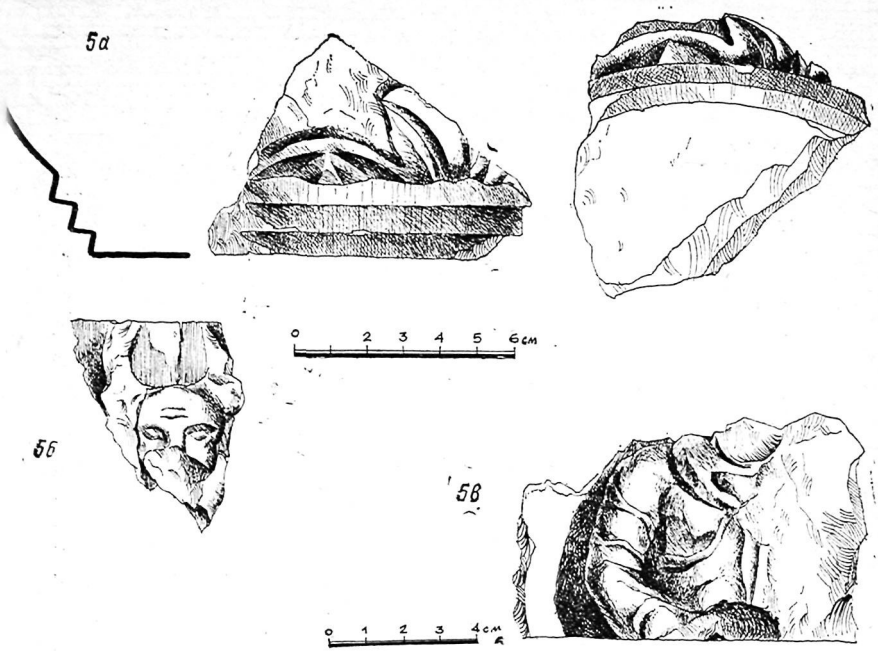

Рис. 5

до 2 *см*). Стены сохранились на разную высоту: от 1,5 *м* в северо-западном до 1,1 *м* в северо-восточном углах. На стенах поверх глиняной штукатурки местами сохранилась тонкая ганчевая побелка, а поверх нее следы монохромной (красной) росписи. Наиболее хорошо остатки росписи прослежены на западной стене в северо-западном углу. Здесь по низу стены тянется полоса белого цвета (шириной до 16 *см*), выше, до высоты 90 *см* над полом, шла сплошная красная панель, а еще выше на белом ганчевом фоне удалось выявить слабо различимые остатки геометрического узора: группы из пяти красных квадратиков (высотою 4,5—5 *м* каждый) составляли трехступенчатые горки, окаймлявшие по верху панель.

В северо-западном углу помещения (в 28 *см* от него), в северной стене, находился входной проем, соединявший помещение с южным айваном храмового двора комплекса Б. Ширина прохода у внутреннего его края — 85 *см*, у выхода в айван — 80 *см*. Поскольку пол помещения располагался почти на 30 *см* ниже пола дворового айвана, в проходе были две ступеньки: первая (со стороны помещения) при ширине 35 *см* возвышалась над полом помещения на 16 *см*, вторая,

шириною 50 *см*,— на 12 *см* выше первой. Снаружи, на полу южного айвана двора, перед этим входным проемом была положена жженая кирпичная плитка (размером 33×33×10 *см*), образующая как бы порог (или третью ступеньку).

Восточнее входного проема к северной стене помещения была пристроена тонкая глинобитная загородка. Эта своеобразная ширма (или экран) имела профилированное глиняное основание и была, как и ее основание, обмазана толстым слоем ганча. Длина сооружения (не считая основания) с севера на юг — 90 *см*, высота основания — 22,5 *см*, высота сохранившейся части экрана (над основанием) — 45 *см*, первоначальная высота всего сооружения, судя по отпечатку на северной стене,— не менее 1,25 *м* (выше этого уровня поверхность стены здесь не прослеживается, а идет тонкий дерновый слой).

Наземное помещение расчищено еще не полностью. В западной его части, раскопанной до конструктивного песчаникового пола, первоначальный глинобитный пол был гладким и плотным. Поверх него лежал слой песка с включением кусков кирпича-сырца, более толстый в северо-восточном и понижавшийся в юго-западном углу: у восточного края входного проема в северной стене он имел толщину 70 *см*, в северо-западном углу — 50 *см*, в 1,7 *м* южнее северо-западного угла у западной стены — 20 *см*. Поверх этого слоя, связанного с запустением (а возможно, и частичным разрушением) помещения, располагался глинистый натек с плотной гладкой поверхностью. На этом слое в юго-западной части помещения вдоль западной стены были расчищены остатки захоронения (рис. 6 и илл. 7). Сохранность костей погребенного оказалась очень плохой: от черепа остались лишь мелкие кусочки, полностью истлели предплечья и кисти обеих рук, нижняя часть правой ноги. Не совсем ясна и поза погребенного: он явно был положен на спину, головой на север, ногами на юг, однако первоначальное положение его рук и ног непонятно (скорее всего руки были раскинуты в стороны, а ноги согнуты в коленях). Захоронение было совершено, повидимому, еще тогда, когда помещение, хотя и покинутое, сохраняло перекрытие или хотя бы часть его. Во всяком случае, выше него лежал толстый (до 70 *см*) слой плотного сырцового завала, образованный в результате разрушения основных частей верха стен и, видимо, перекрытия; поверх этого слоя был четко виден позднейший глинистый натек, перекрытый рыхлым лёссом и песком, составлявшими верхнюю часть заполнения помещения.

Вместе с останками погребенного были найдены керамический сосуд в виде чайника с изогнутым носиком (илл. 23а),

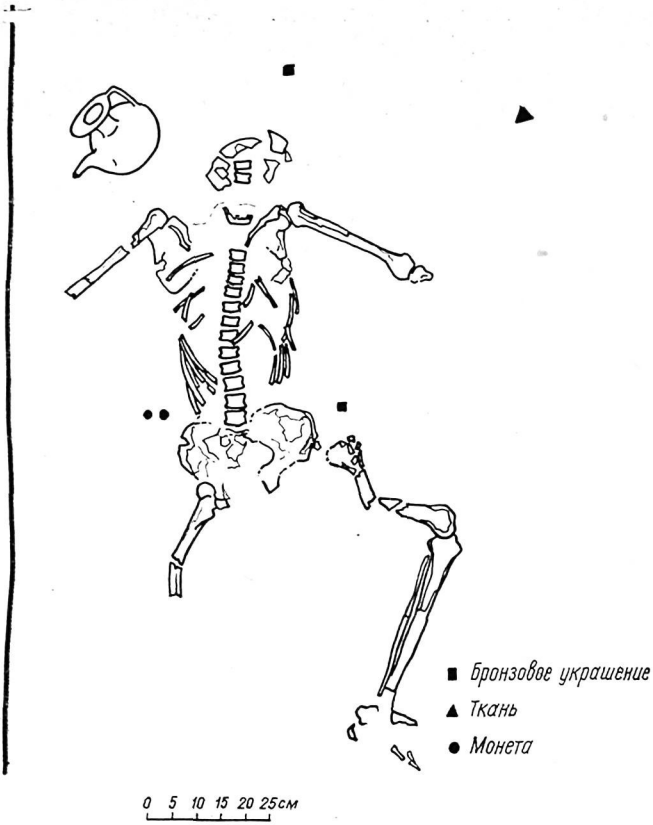

Рис. 6

лежавший левее покойника, на уровне головы; бронзовое украшение — среди обломков черепа; кусочек зеленой ткани — правее покойника на уровне плечевого пояса; две мелкие медные кушано-сасанидские монеты второй половины IV в. (слева в области поясницы) и обломок еще одной такой же монеты (? — справа от пояса).

В завале, заполнявшем наземное помещение, в 1972 г. были найдены также два черепка с надписями: один — с бактрийской, кушанским письмом, второй — с индийской, письмом брахми.

Первоначальное назначение наземного помещения, во всяком случае до завершения его раскопок, неясно, но, судя по росписям стен и сооружению, напоминающему экран, оно, вероятнее всего, могло быть кельей монаха.

3) Раскопки постройки близ вершины холма (рис. 7, 8, илл. 2, 3)

В ходе раскопок 1961—1971 гг. в северо-западных углах храмовых дворов комплексов А и Б были расчищены высеченные в материковом песчаниковом грунте и выложенные жженными кирпичными плитками лестницы, ведущие (поверх пещерных келий монахов-служителей) на склон холма [16]. В комплексе А лестница выводила в расположенное на склоне холма довольно значительное замкнутое помещение, лежавшее западнее наземного святилища (и выше его). В комплексе Б были расчищены девять ступенек лестницы (девятая ступенька находилась на уровне 2,25 *м* выше пола айванов храмового двора этого комплекса), после чего раскопки здесь были приостановлены, так как дальше шел провал в пещерную келью монаха-служителя, лежавшую ниже.

В 1972 г. была предпринята попытка найти продолжение этой лестницы дальше на запад, за провалом [17]. При этом в 1,95 *м* от западного края сохранившейся части лестницы была неожиданно выявлена западная поверхность сырцовой стены, тянувшейся с юга на север. Стена эта сохранилась плохо: на юге ее край обвалился, видимо, во двор комплекса Б (точнее, в его западный айван), на востоке — в провал в глубь пещерной кельи. Однако участок западной поверхности сохранился четко и был прослежен на высоту до полуметра. Как выяснилось в ходе дальнейших исследований, здесь находилось место стыка этой стены с другой сырцовой стеной, идущей с востока на запад, вверх по склону холма, по направлению к его вершине. Толщина стены, которая тянулась здесь с юга на север и тем самым ограничивала лестницу и связанный с нею проход, судя по сохранившимся ее остаткам между западной поверхностью и краем провала, была не менее 60 *см*. Проход с лестницы, таким образом, шел не на запад, к вершине холма, как это предполагалось ранее [18], а вдоль стены, на северный склон холма, где нам и предстоит искать остатки наземного помещения (или помещений).

---

[16] О лестнице во дворе комплекса А см.: Б. Я. Ставиский, Основные итоги раскопок Кара-тепе в 1961—1962 гг., стр. 17 и рис. 10—11; его же, Основные итоги раскопок Кара-тепе в 1963—1964 гг., стр. 10. О лестнице во дворе комплекса Б см.: Б. Я. Ставиский, Итоги раскопок Кара-тепе в 1965—1969 гг., стр. 25, рис. 3 на стр. 17, рис. 9 на стр. 26 и табл. I, вверху.

[17] Раскопки здесь и во всех сооружениях, описываемых далее, вела в 1972—1973 гг. Л. К. Сергеева.

[18] Б. Я. Ставиский, Итоги раскопок Кара-тепе в 1965—1969 гг., стр. 25.

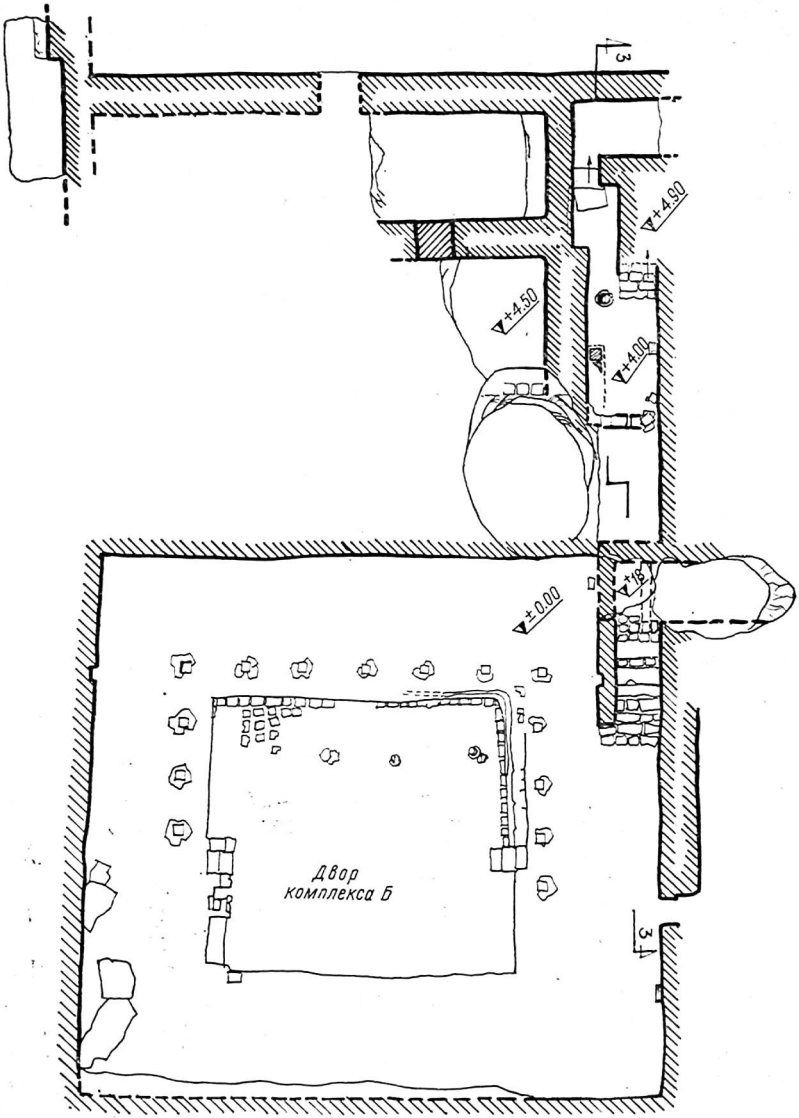

Рис. 7

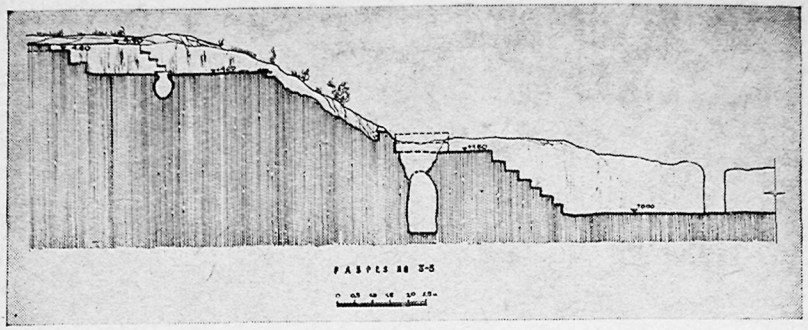

Рис. 8

Раскоп на этом участке был расширен на запад, вдоль южной поверхности сырцовой стены, идущей с востока в сторону вершины холма. Работы здесь требовали особой осторожности, так как на востоке находится провал в пещерную келью, а на юге — обрывистый край северо-западного угла двора комплекса Б и западнее — провал в глубь северного коридора пещерного храма П-II. Как выяснилось, опасности рухнуть вниз на этом участке боялись, видимо, и древние обитатели Кара-тепе. Во всяком случае, здесь не найдено никаких следов культурного слоя: на протяжении 3,1 *м* на запад от выявленного стыка стен под тонким дерном всюду появлялся слой надувного песка или развеянной песчаниковой поверхности холма, постепенно переходящей (без каких-либо четких границ) в материковый песчаник, составляющий естественную породу холма Кара-тепе. При этом уровень материка все время повышается на запад. Таким образом, здесь в древности располагался отгороженный, но не используемый участок естественного склона.

В 3,2 *м* западнее стыка стен возле провала в пещерную келью, в 2,2 *м* выше самой западной сохранившейся ступеньки лестницы из двора комплекса Б, была обнаружена плотная и ровная поверхность пола какого-то помещения. Дальнейшее расширение раскопа привело к обнаружению постройки из кирпича-сырца (размером 32—34×32—34×12—14 *см*), располагавшейся близ южной вершины трехглавого холма Кара-тепе, над пещерным храмом П-II, входившим в комплекс Б. Судя по тому, что внешние южная и северная стены этой постройки продолжают линию южной и северной стен храмового двора комплекса Б, постройку близ вершины холма следует рассматривать как возведенную одновременно с

пещерным храмом П-II, храмовым двором и другими помещениями этого комплекса, хотя вопрос о конкретной связи ее с помещениями комплекса Б пока остается открытым.

Постройка близ вершины холма полностью еще не раскопана. В 1972 и 1973 гг. исследовались четыре помещения этой постройки, получившие обозначения Х-1, Х-2, Х-3 и Х-4 (рис. 7).

Помещение Х-1 в том виде, как оно открылось в результате раскопочных работ 1972 г., представляет собой небольшую комнату, восточная часть которой с юга и севера ограничена сырцовыми стенами, а на востоке оканчивается краем пола и вымосткой (?) сырцовых кирпичей. Следов стены здесь не обнаружено, хотя объяснить их отсутствие не представляется возможным (во всяком случае, сейчас). Юго-восточный угол помещения обвалился, вероятно, в провал, ведущий в пещерный храм П-II (точнее — в его северный обходной коридор, близ северного входа в храм).

Пол в восточной части помещения покоился на двух рядах сырцовых кладок, в западной — на выровненной поверхности песчаниковой породы холма. На поверхности южной стены выявлены следы обжига (возможно, пожара), поверх которых была нанесена глиняная штукатурка с ганчевой обмазкой. Следы ганчевой и глиняной обмазки обнаружены также на полу помещения. На западе, в северо-западной части помещения, раскопаны остатки лестницы (илл. 3), в юго-западной части — проход в следующее наземное помещение Х-2. Вся восточная часть комнаты Х-1 тянется с востока на запад (от восточного края пола до основания лестницы) на 3,1 *м* при ширине (от северной до южной стены) 1,6 *м*.

В проходе, точнее, у его начала, к югу от основания лестницы, в полу помещения была в древности выкопана яма (глубиною до 1,5 *м*), в которую был помещен большой хум (диаметр устья — 42 *см*), венчик которого слегка возвышался над уровнем пола. После того как в яму был поставлен хум, пустоты между стенками ямы и туловом хума были засыпаны землей, в которую попали также несколько черепков и целый глиняный светильник, имевший вид плошки с небольшим углублением-носиком, обычный тип светильников на Кара-тепе [19].

Неподалеку от основания лестницы, в 1 *м* восточнее ее, у северной стены, в пол была утоплена жженая кирпичная плитка (размером 30×30 *см*) со множеством мелких отверстий, ведущих вниз, под плитку. Там, по-видимому, находилось водосливное устройство, выводящее воду под северную стену, за пределы этого наружного помещения и, очевидно,

[19] См., например, «Кара-тепе I», стр. 40 и рис. 32.

в сторону от располагавшихся ниже, в глубине холма, пещерных помещений. Лестница (шириною 87 *см* и общей высотою 90 *см*) в северо-западной части помещения Х-1 вела на запад, вверх, на склон холма или на крышу. От лестницы сохранились четыре ступени, первоначально обложенные сверху жженымн плитками (сохранились лишь частично). Ширина первой (с востока), нижней, ступеньки — 26 *см*, второй — 25 *см*, третьей — 23 *см*. Верхняя, четвертая, ступенька сейчас переходит в дерновый слой.

Проход в юго-западной части помещения Х-1 сначала расширяется, а затем переходит в узкий входной проем (шириною 67 *см*). В проходе вдоль южного края лестницы тянулась полоса песка с включением костей. Остальная часть прохода была заполнена завалом сырцовых кирпичей, их кусков, равно как и битых жженых кирпичных плиток. В завале встречались фрагменты керамики. Здесь же найдены энохоевидный глиняный сосуд с индийской надписью письмом брахми (илл. 11—13) [20], небольшой зонтик — чатра и половинка другого такого же зонтика (оба из мергелистого известняка), а также медная монета, медное (?) фрагментированное украшение и глиняная миска. Первоначально здесь, в проходе, находились две ступеньки лестницы, ведущей на запад вверх, в следующее помещение (Х-2). Затем эти ступеньки были надстроены небрежной сырцовой кладкой. Во время раскопок над второй (верхней) ступенью найден рог с двумя ветвями, над первой — следы обжига, угольки и керамика. В проходе найдена также (во фрагментах) пастовая бусина.

Западнее прохода, за входным узким проемом, в 80 *см* выше уровня пола помещения Х-1, в последние дни раскопок 1972 г. удалось найти поверхность пола помещения Х-2 и внутреннюю поверхность его восточной стены. Близ поворота на полу был найден черепок (в трех частях) с индийской надписью.

В 1973 г. это помещение, вернее, остатки его были раскопаны полностью. Помещение Х-2 было вытянуто с юга на север более чем на 2 *м* при ширине (с востока на запад) 1,4 *м*. Северный край помещения остался выявленным лишь условно: здесь пол помещения выходит в дерновый слой, и прослеженная на краю раскопа сырцовая кладка без четких поверхностей с одинаковым успехом могла быть остатками как северной стены, так и какого-либо рухнувшего в древности на пол участка северной, восточной или западной стен. Стены помещения (южная, западная и восточная) сохрани-

[20] Чтение надписи см. в статье В. В. Вертоградовой в настоящем сборнике.

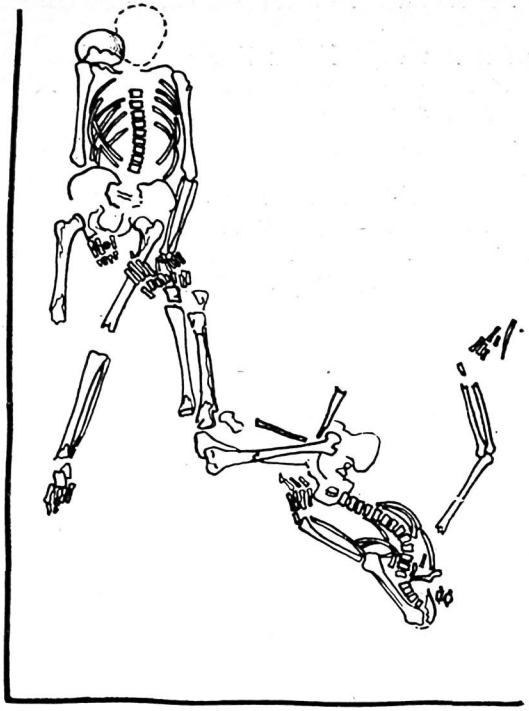

Рис. 9

лись лучше в южной части, где их высота достигает 60 *см*. Толщина южной и западной стен всего 65 *см*, восточного простенка, отделявшего это помещение от помещения Х-1,— 74 *см*. На южной и западной стенах, как и на полу, сохранились следы ганчевой обмазки. Остатки помещения Х-2 были заполнены кусками сырца с примесью песка и глины. В завале изредка встречались невыразительные черепки.

Помещения Х-1 и Х-2 размещались в северной части постройки и как будто бы изолированно от ее центральной части; выход наружу из этих помещений осуществлялся, скорее всего, через лестницу в северо-западном углу помещения Х-1; не исключена, однако, вероятность того, что в север-

ной части помещения Х-2 также мог находиться выход на север.

К югу от помещений Х-1 и Х-2 в 1973 г. начаты раскопки еще двух помещений наземной постройки, располагавшихся в основной, центральной ее части. Западное из них, вытянутое с юга на север, получило обозначение Х-3, восточное — Х-4. Оба эти помещения раскопаны лишь частично.

В помещении Х-3 выяснена его ширина: 2,65—2,80 *м*. В западной его стене, в 4,65 *м* от северо-западного угла, намечается входной проем (шириною около 1,0 *м*), ведущий наружу, на вершину холма. В восточной стене, в 2,35 *м* от северо-восточного угла,— заложенный проем (шириною в 95 *см*), который соединял помещения Х-3 и Х-4. Толщина стен помещения Х-3 достигала 95 *см* (западная стена) и 100 *см* (восточная стена); только северная его стена, смежная с помещением Х-2, была заметно тоньше — 65 *см*. Поверхности стен внутри помещения местами сохранили следы ганчевой обмазки.

В помещении Х-4 раскопками затронута северо-западная его часть, на участке к западу от провала в глубь пещерного храма П-II. Здесь обнаружен северо-западный угол помещения и прослежены его стены — северная (на длину 2,5 *м*) и западная (на 2,3 *м*). Толщина этих стен — 100 *см* (западной) и 97 *см* (северной).

Раскопки в обоих помещениях в 1973 г. не были доведены до пола, так как и в помещении Х-3, и в помещении Х-4 были обнаружены покатые гладкие и плотные поверхности натеков, спускающиеся с севера на юг, причем поверх натеков были выявлены в помещении Х-3 останки собаки (или шакала), а в помещении Х-4 — остатки двух захоронений (рис. 9, илл. 8).

Один из погребенных в помещении Х-4 лежал на левом боку, скрюченный, с подогнутыми ногами, с откинутыми назад и в сторону руками. Голова не сохранилась. Общее направление скелета — с юго-запада на северо-восток. В левой руке, среди фаланг пальцев найдена мелкая кушано-сасанидская монета (илл. 9). Среди костей находились также два фрагмента носика и часть венчика керамического сосуда.

В ногах первого погребенного, частично перекрытый костями его ног, лежал второй погребенный. Он, вероятно, был положен на спину вдоль северной стены помещения, головой на восток, ногами на запад. В его правой руке найдены две мелкие медные кушано-сасанидские монеты, а у правого плеча — фрагментированный керамический чайниковидный сосуд, сходный с сосудом из погребения в наземном помещении (илл. 23б).

Захоронения в помещении Х-4, скорее всего носившие тот

же характер, что и выявленные ранее массовые захоронения в пещерных храмах П-I и П-II, и одновременные с ними[21] теперь могут быть сопоставлены и с упомянутым выше захоронением в наземном помещении и, возможно, с теми захоронениями (или частью из них), которые обнаружены в пещерах комплекса В второй группы помещений Кара-тепе[22].

Как и эти захоронения, погребения в помещении Х-4 были совершены в конце IV в. в заброшенных помещениях Кара-тепе поверх уже скопившихся к тому времени слоев завала и надувного песка. Вполне вероятно, что многочисленность этих захоронений на Кара-тепе (и в окрестностях Термеза вообще) следует объяснять как результат эпидемий[23].

В любом случае эти захоронения вписали в историю Кара-тепе последнюю страницу.

---

[21] О захоронениях в пещерных храмах П-I и П-II см. «Кара-тепе III», стр. 15—16, 17—18, 51—52, 68—72, 99—100, 104—110 и табл. XXVIII.

[22] См. далее: В. С. Сычева, Краткий отчет о раскопках комплекса В в 1972—1973 гг.

[23] См. «Кара-тепе III», стр. 109 и 99—100.

Н. С. Сычева

КРАТКИЙ ОТЧЕТ О РАСКОПКАХ КОМПЛЕКСА В в 1972—1973 гг.

В 1971 г. в составе совместной экспедиции на Кара-тепе был создан отряд Государственного музея искусства народов Востока, который начал раскопки в северо-восточной части холма Кара-тепе. Здесь был открыт новый комплекс (получивший обозначение В), входящий, видимо, во вторую группу помещений, изолированную от комплексов А и Б первой группы помещений (рис. 1) [1].

Как выяснилось в результате работ 1971—1973 гг., комплекс В представлял собой сочетание двора и расположенных в его южной части коридорообразных пещерных помещений, вытянутых в направлении С — Ю и параллельных между собой. Входы в эти пещеры в виде сводчатых айванов (рис. 10, илл. 4), сложенных из сырцовых кирпичей, занимали всю южную сторону двора. Протяженность двора комплекса В в направлении З — В превышала 20 *м*. Его восточная и западная стены выложены сырцовым кирпичом размером 30×30×12 *см* и оштукатурены. Нижняя часть восточной стены покрыта красной штукатуркой. На западной стенке штукатурка не сохранилась.

Раскопки в 1972—1973 гг. проводились в пещерных помещениях. В настоящее время обнаружены входы в четыре пещеры. Полностью расчищена только одна (самая восточная) пещера I, остальные раскопаны лишь частично.

Пещера I (рис. 11—15) представляет собой длинное сводчатое помещение Г-образной формы с предстоящим сводчатым айваном. Восточная стена айвана является одновременно и восточной стеной двора комплекса В. Западная стена айвана в направлении С — Ю достигает 2,34 *м* и сложена из сырцовых кирпичей размером 30×30×12 *см*. Южная стена айвана также сложена из сырцовых кирпичей размером 29—30×29—30×10—12 *см*. В западной стене айвана на расстоянии

[1] Б. Я. Ставиский, Работы на Кара-тепе в 1970—1971 гг.,— «Кара-тепе III», стр. 67, 89—90.

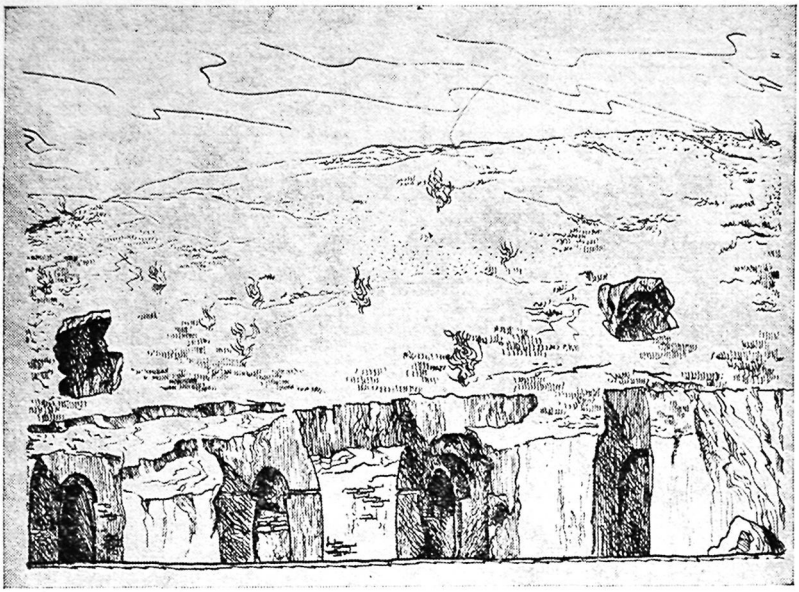

Рис. 10

98 *см* от входа расположена арочная ниша. Ее высота — 26 *см*, длина — 42 *см*, глубина — 29 *см*. Из айвана в пещерное помещение ведет сводчатый проход с двумя широкими ступеньками. Вход в это помещение был заложен сырцовыми кирпичами размером 29—31×29×31×12 *см* и оштукатурен со стороны айвана. Эта закладка располагалась на первой ступеньке прохода.

Пещера I состоит из двух частей. Первая имеет вид коридорообразного помещения, ориентированного в направлении С — Ю, длиною в 9,1 *м*. В южной песчаной стене его на высоте 0,55 *м* от пола высечена ниша прямоугольной формы, чуть сужающаяся кверху. Ее длина — 62 *см*, высота — 44 *см*, глубина — 25,5 *см*. Непосредственно над нишей были обнаружены фрагменты живописи с изображением животного типа антилопы с двумя длинными откинутыми назад заостренными ушами. Прямо над этим животным было расчищено изображение руки человека — ладонь с четырьмя плотно прижатыми друг к другу пальцами. Стены и пол первого коридора были покрыты белой штукатуркой. Кроме того, на стенах сохранились остатки росписи в виде панелей, представляющих собой чередующиеся расходящиеся из одной точки на-

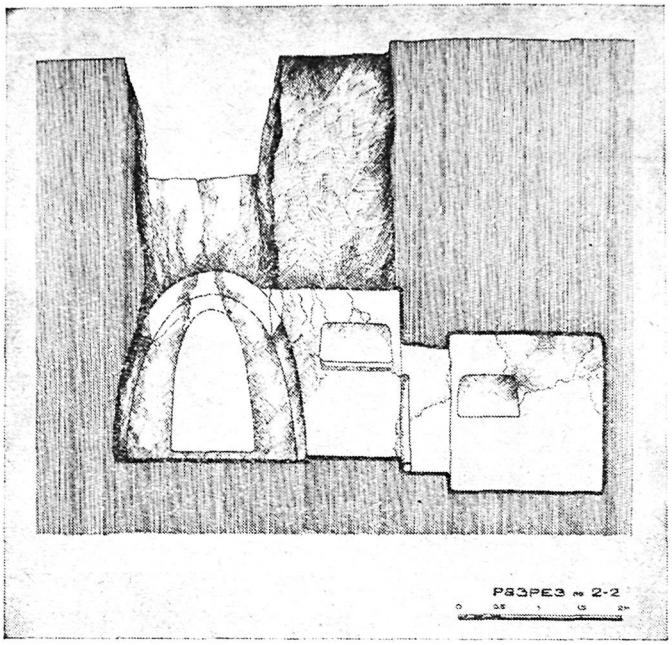

Рис. 11

клонные прямые, ограниченные сверху и снизу тремя-четырьмя горизонтальными линиями.

Вторая часть пещеры I представляет собой нишеобразное расширение в юго-восточном углу коридора, вытянутое с запада на восток до 1,3 *м* при ширине 1,9 *м*. Обе части пещеры отделены друг от друга порожком, выложенным из сырцового кирпича, причем уровень пола во второй части на 2,5—3 *см* выше уровня пола в коридорообразном помещении. В северной и восточной стенах были высечены ниши прямоугольной формы. В северной стене на высоте 1,12 *м* от пола ниша размером: длина — 92 *см*, высота — 65—70 *см*, глубина 43 *см*. В восточной стене на растоянии 1,35 *м* от пола ниша размером соответственно 71 *см*, 30 *см*, 27,5 *см*. В северо-восточном углу нишеобразного расширения находился проход шириной 70 *см*, соединявший его с небольшой комнатой. В проходе раскрыты две ступеньки и пазы, в которых, очевидно, закреплялась дверь.

Комната представляет собой помещение прямоугольной формы размером 2,0×1,8 *м*. В ее северной стене на высоте 86,7 *см* от пола высечена ниша прямоугольной формы, дли-

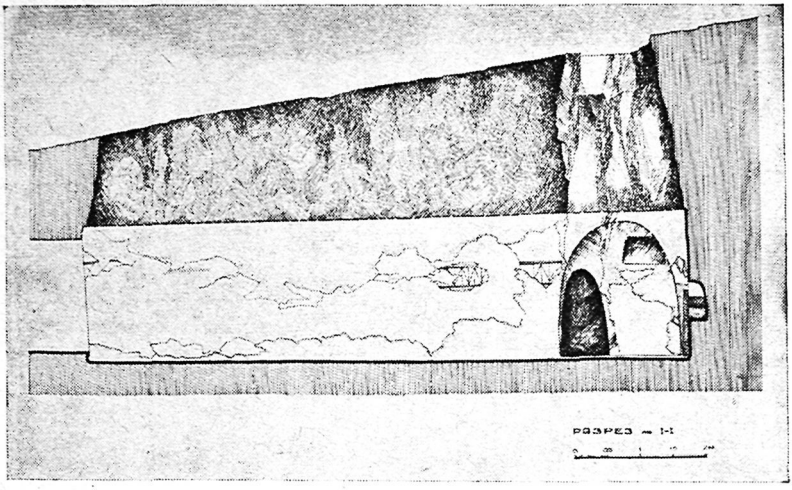

Рис. 12

ной 74,5 *см*, высотой около 55 *см*, глубиной 39 *см*. В юго-западном углу комнаты расположена округлая яма глубиной около 40 *см*, диаметром 40—50 *см*, в которой были обнаружены фрагменты глиняных сосудов с индийскими надписями.

Все помещения пещеры были забиты надувным песком с включением сырцовых кирпичей и кусков песчаника. В завале коридорообразного помещения были обнаружены немногочисленные фрагменты глиняной посуды (всего около 20). В основном это стенки сосудов (3 экз.), носики от кувшинов (2 экз.), фрагменты тагор (7 экз.), фрагменты кувшинов и горшков (3 экз.), фрагменты тарелочки (1 экз.) и чашечки (4 экз.). Вся керамика из завала сделана из желтой глины, чаще всего ангобированная (из 20 экз. 14 покрыты красным ангобом). На чашечках и тарелочке поверх ангоба было нанесено ромбическое лощение, на тагорах встречается прочерченный орнамент.

Здесь в завале возле входа в пещерное помещение был обнаружен фрагмент расписного керамического зонтика со следами изображений голов буддийских персонажей.

Непосредственно над полом располагался слой песка (25—30 *см*) с многочисленными фрагментами керамики[2] и сопро-

[2] О керамике из этого слоя см. статью Н. С. Сычевой «Керамика Каратепе» в этом сборнике.

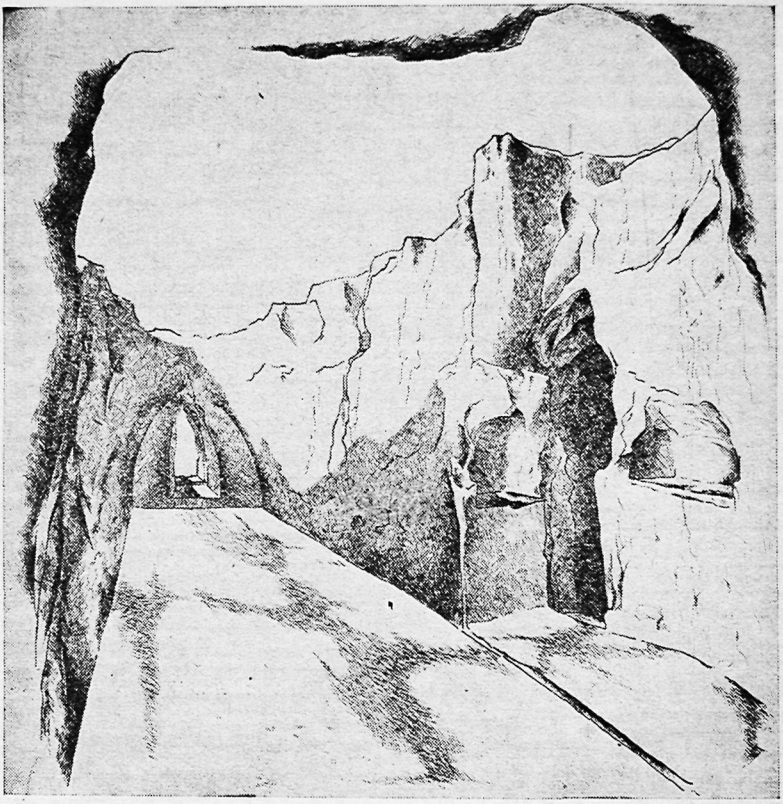

Рис. 13

вождавшей ее монетой Канишки, судя по которой эту керамику можно считать наиболее ранней на Кара-тепе.

Пещера II отделена от пещеры I пилоном. Западная и восточная стены ее айвана выложены сырцовым кирпичом размером 30—32×30—32×10—12 *см*. Поверх кирпичей нанесен слой красной штукатурки. В восточной стене айвана на расстоянии 95 *см* от входа в пещерное помещение сделана арочная ниша длиной 36,5 *см*, высотой 31,5 *см*, глубиной 40 *см*. В западной стене айвана на расстоянии 68 *см* от входа на высоте 85 *см* от пола расположена еще одна арочная ниша длиной 40 *см*, высотой 34 *см*, глубиной 41 *см*. Ниши изнутри покрыты белой штукатуркой. Айван (илл. 5) был перекрыт сводом. Пяту свода подчеркивал ступенчатый ганчевый карниз, который шел по всему айвану. Верх карниза

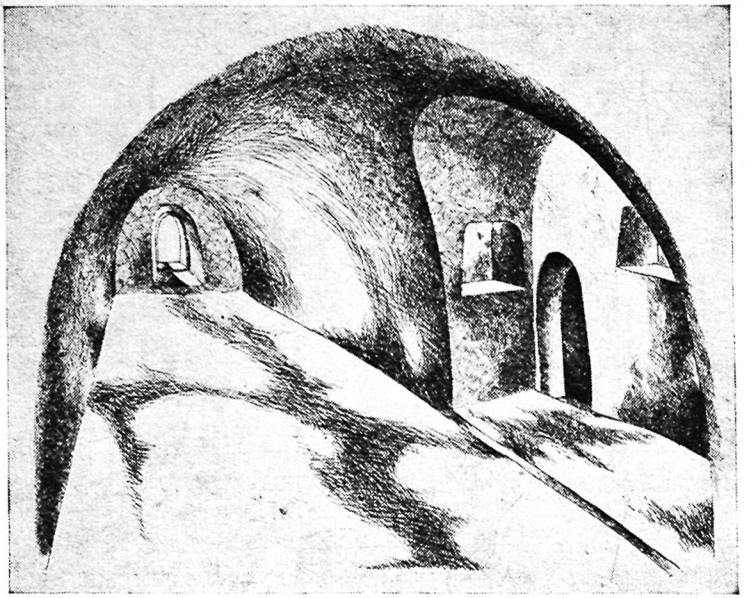

Рис. 14

был выложен сырцовым кирпичом размером 30—34×30—34×5—7 *см*. В глубине входа была обнаружена закладка из трех рядов сырцовых кирпичей, лежащих на толстом слое песка. В завале перед входом были найдены три сырцовых кирпича размером 29—30×29—30×10—12 *см* с тамгой в виде круга, круга с лучами и диагональной линией. При дальнейшем вскрытии пещеры II на слое песка в 1 *м* от входа были обнаружены кости черепа.

Пещера III отделена от пещеры II пилоном. Стены айвана пещеры III выложены сырцовым кирпичом размером 30—32×30—32×10—12 *см* и покрыты красной штукатуркой. На восточной стене айвана на карнизе, обмазанном ганчем, обнаружена надпись билингва (среднеперсидская и бактрийская) (илл. 10). В восточной стене айвана на высоте 63 *см* от пола расположена арочная ниша длиной 45 *см*, высотой 36 *см*, глубиной 44 *см*. В западной стене на расстоянии 82 *см* от входа расположена прямоугольная ниша длиной 76 *см*, глубиной 70 *см*, высотой 116 *см*. Возможно, в ней стояла скульптура или какие-то предметы культа.

Вход в пещеру был заложен сырцовым кирпичом (илл. 6). При входе в пещерное помещение в 155 *см* от северо-восточного угла и в 30 *см* от западной стены на полу на небольшом

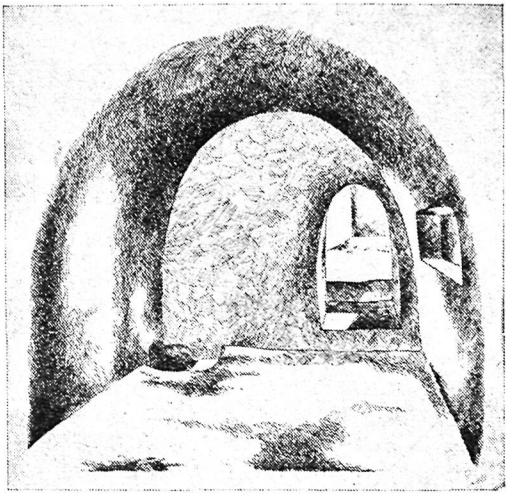

Рис. 15

слое натека лежали перемешанные человеческие кости: 5 крестцовых (1 детский), 9 тазовых (1 детский), 6 черепов, 6 челюстей, 14 бедренных костей, 5 плечевых, 7 лопаточных, 29 костей предплечья. Таким образом, здесь было захоронено, вероятно, не менее 7 человек.

Здесь же среди костей в 30 *см* от пола была обнаружена серебряная эфталитская монета, а на натеке среди костей — две мелкие кушано-сасанидские монеты.

Раскоп временно законсервирован.

Пещера IV, так же как и предыдущие, отделена от пещеры III пилоном. Стены сводчатого айвана покрыты белой штукатуркой. В восточной стене айвана на высоте 1 *м* от пола и на расстоянии 64 *см* от входа расположена арочная ниша длиной 56 *см*, высотой 58,5 *см*, глубиной 37 *см*. В западной стене на высоте 94 *см* от пола и на расстоянии 1,66 *м* от входа также располагалась арочная ниша длиной 43 *см*, высотой 46 *см*, глубиной 32 *см*. Вход в пещеру был заложен. В проходе две ступеньки. На расстоянии 3,1 *м* от входа пещера была перегорожена закладкой из сырцового кирпича размером 34×34×10 *см*. Закладка оштукатурена и вместе со стенами покрашена в черный цвет. На расстоянии 153 *см* от входа в полу возле восточной стены был открыт очаг. В 5 *см* от поверхности пола на слое песка обнаружены остатки человеческих костей. Рядом с ними найдены тарелочка и кувшин[3].

[3] См. статью Н. С. Сычевой «Керамика Кара-тепе».

Раскоп временно законсервирован.

Раскопки комплекса В только начались, поэтому делать какие-либо окончательные выводы преждевременно. Хочется, однако, отметить, что комплекс В дает архитектуру несколько иного назначения, нежели комплексы А и Б. Трудно сказать, какое назначение имели в целом пещерные помещения комплекса В, так как в настоящее время раскопана только пещера I, планировка которой не имеет аналогий в архитектуре комплексов А и Б. Скорее всего, она была предназначена не для буддийских паломников и прихожан, как помещения комплекса А и Б. Возможно, в боковой комнате этой пещеры, снабженной дверью и таким образом отгороженной от коридора, хранились культовые предметы. В квадратных нишах этого помещения, скорее всего, хранилась скульптура.

В целом же архитектура комплекса В в виде сводчатых помещений с предстоящими сводчатыми айванами напоминает архитектуру сасанидского Ирана.

Интересно отметить также, что входы в пещеры комплекса В были заложены. После разборки закладок оказалось, что в каждом помещении было совершено захоронение либо одиночное (пещера II), либо групповое (пещеры III и IV). Исключение составляет пещера I. Но, судя по керамике и монете Канишки, эта пещера, видимо, перестала функционировать и была заложена в период, когда все остальные пещеры комплекса В еще действовали. Именно поэтому закладка в пещеру I снаружи была оштукатурена. Закладки остальных пещер, в которых были совершены захоронения, не были оштукатурены. Вероятно, в комплексе В повторилась картина, которая в свое время была отмечена в комплексах А и Б [4]. В период эпидемии холм Кара-тепе в целом и пещерные помещения комплекса В в частности были использованы для захоронений жителей г. Термеза.

Такие же захоронения отмечены не только в Кара-тепе. Использование святых мест в качестве места для захоронений зафиксировано и на расположенном недалеко от Каратепе Фаяз-тепе (большинство подобных погребений сопровождалось кушано-сасанидскими монетами) [5].

---

[4] Н. С. Сычева, Керамика нижней Сурхандарьи в кушанское время (канд. дисс.), М., 1972, стр. 181, 187.

[5] Приношу искреннюю благодарность В. А. Козловскому, предоставившему в мое распоряжение эти сведения.

Ю. М. Егоров, А. В. Иванова, Л. А. Лелеков

ПОЛЕВАЯ ОБРАБОТКА ФРАГМЕНТОВ МОНУМЕНТАЛЬНОЙ ЖИВОПИСИ НА КАРА-ТЕПЕ В СЕЗОНЕ 1973 г.

Раскопками предыдущих полевых сезонов на Кара-тепе были выявлены остатки монументальных стенных росписей. Обнаруженные фрагменты представляли значительный научный и художественный интерес, в их числе — «голова донатора» в профиль и особенно первое в истории монументальной живописи изображение Будды из южного айвана храмового двора комплекса Б [1]. Среди мелких фрагментов можно проследить декоративные и изобразительные мотивы, характерные для синтеза искусств, с помощью которых были оформлены буддийские комплексы Кара-тепе.

Значение стенных росписей Кара-тепе для изучения истории искусства Средней Азии и раннего буддийского мира III—IV вв. весьма велико, что делает особенно актуальной задачу достижения всей возможной полноты сведений об этих росписях, как собственно археологических, так и технологических. Но прежде всего они нуждаются в тщательной консервации и по возможности в реставрации.

Работы над монументальной живописью на Кара-тепе в сезоне 1973 г. преследовали цель экспериментальной проверки некоторых новых материалов реставрации непосредственно в полевых условиях. Потребность в новых материалах вызвана тем, что испытанная методика Государственного Эрмитажа с использованием полибутилметакрилата (ПБМА) не во всех случаях обеспечивает оптимальные характеристики укрепленного красочного и штукатурного слоев. Разнообразие структуры и механической прочности по толщине штукатурки предъявляет повышенные требования к равномерности пропитки толстых штукатурок. ПБМА в этом отношении весьма несовершенен. Он образует зоны расслоения и неравномерно

[1] См. «Кара-тепе III», стр. 33—34, 77—19, 96—99 и табл. IV—V. См. также статью Б. Я. Ставиского и Л. К. Сергеевой в настоящем сборнике, стр. 16—18.

пропитывает штукатурный слой. Полимер распространяется вслед за растворителем, и эти зоны перемещаются внутри блока, ослабляя его механическую прочность.

Немалым недостатком ПБМА является также изменение тональности красочной гаммы в сторону общего потемнения. Притом изменение это неравномерно, оно сильнее проявляется на синих и зеленых участках, что вносит определенные искажения в первоначальный колорит живописца.

Поскольку критерии качества реставрационных процессов значительно возросли по сравнению с предшествующими десятилетиями, вопрос о подборе и внедрении новых укрепляющих материалов, которые не изменяли бы цвета и фактуры красочного слоя и по возможности давали бы равномерную пропитку на глубину, приобретает особую важность. Поиски таких материалов только начинаются. Новые материалы не всегда обладают широким набором требуемых качеств. В ряде случаев они превосходят старый ПБМА по одним показателям, в то же время уступая по другим характеристикам. Пока за ПБМА остается преимущество наибольшей технологической широты. В практике полевых археологических работ ПБМА и поныне выступает в качестве ведущего современного материала реставрации, но тем не менее потребность в более совершенных синтетических полимерах с каждым годом ощущается все острее. Вот почему в полевых раскопках на Каратепе были опробованы некоторые новые материалы [2]. Ставилась задача проверить принципиальную применимость новых материалов, исследовать возможности работы с ними в поле, установить технологические границы этого применения.

Подбор материала еще не решает всех реставрационных проблем. Необходимо также совершенствовать весь комплекс реставрационных работ по операциям, изымать неудобные процессы и материалы, короче говоря, разумно упрощать полевой цикл, разумеется не в ущерб сохранности произведений. Каждая лишняя пропитка и заклейка означают дополнительное травмирование красочного слоя, его неминуемое перерождение в итоге реставрационного вмешательства. Достоинство ПБМА в том, что он применяется на всех этапах, от поля до стационара. Почти все новые материалы предпочтительнее применять в условиях стационара, что вынуждает либо искать форму их совмещения с теми промежуточными реставрационными средствами, которые должны найти применение на первых этапах полевого цикла, либо искать путей к расширению технологических возможностей новых материалов. Следует учитывать, что в реставрации они приме-

[2] Направление исследований ВЦНИЛКР в данной области освещено в статьях А. В. Ивановой и Ю. А. Рузавина — см. «Сообщения ВЦНИЛКР», вып. 28, М., 1973.

няются немногим более пяти лет, тогда как ПБМА используется свыше 20 лет.

Достоинствами новых материалов являются их нейтральность к красочной гамме и фактуре среднеазиатских монументальных росписей и, конечно, перспектива длительного совершенствования. В этом смысле они имеют преимущество перед ПБМА, все возможности которого уже использованы (дальнейшее развитие самого материала приведет к его кардинальным модификациям).

Перечисленные соображения в известной мере предопределили характер полевых реставрационных работ с фрагментами монументальной живописи на Кара-тепе в 1973 г. Работы эти носили экспериментальный характер. Одним из важных моментов при этом была необходимость придерживаться в поле такой технологии, которая потом не осложняла бы лабораторной обработки фрагментов при использовании любых полимерных материалов укрепления. Иными словами, исключалась глубокая силовая пропитка довольно хрупких фрагментов. При небольших размерах фрагментов отказ от глубокой пропитки возможен, но все же остается известный риск механических деформаций в процессе транспортировки. Но способ силового укрепления в полевых условиях с многократными пропитками растворами полимера высокой концентрации тоже неудобен, поскольку исключает возможность применения впоследствии других материалов. К тому же теоретически обратимый материал на практике часто перестает быть обратимым. После многих пропиток высокими концентрациями выгнать полимер из относительно толстого слоя можно лишь ценой длительных и травмирующих красочную поверхность операций. Это значит, что в будущем, когда, несомненно, появятся новые высококачественные материалы укрепления монументальной живописи на лёссе, их нельзя будет применить для возможных повторных реставраций ранее многократно пропитанных фрагментов. Итак, проблема совместимости различных методик и материалов в известной степени определила направление полевых работ прошедшего сезона. Проблема эта совсем не столь отвлеченная и академическая, как это может показаться на первый взгляд. С возрастанием численности обработанных фрагментов в музейных фондах и по мере их естественного старения эта проблема неизбежно встанет перед реставраторами. До решения ее еще очень далеко, но работать над этим необходимо.

Во время работ 1973 г. в южном айване храмового двора комплекса Б были подняты из завала фрагменты упавшей со стен живописи площадью около 4 *кв. м*. В большинстве случаев фрагменты лежали красочным слоем вниз [3]. Толщина

[3] См. статью Б. Я. Ставиского и Л. К. Сергеевой, стр. 16.

штукатурного слоя колебалась от 2 до 4 *см*, структура его была очень неравномерной и ослабленной из-за длительного пребывания в крайне неблагоприятных условиях. По всей видимости, штукатурное тесто было плохо вымешано, во всяком случае, его плотность ниже, чем у штукатурок других памятников Средней Азии. Прежде чем поднять каждый отдельный фрагмент, его оконтуривали и уточняли размеры по периметру. Затем по уточненным очертаниям фрагмента изготовлялся неглубокий фанерный ящик с каркасом из планок сечением 1,5×1,5 *см*. Тыльная сторона фрагмента зачищалась и выравнивалась на месте, в завале. Так как в завале держалась некоторая влажность, а погода стояла пасмурная, приходилось подсушивать фрагмент перед обработкой и заклейкой. По той же причине заклейку выровненной тыльной стороны делали 10-процентным раствором сополимера бутилметакрилата с метакриловой кислотой (БМК-5) в ксилоле, с двумя слоями марли. При обычной для среднеазиатского климата сухой погоде было бы лучше вести заклейку хорошо просушенной тыльной стороны фрагментов с помощью поливинилового спирта (ПВС). Это очень удобный материал для временных профилактических заклеек. Так как он растворяется водой, им хорошо оклеивать и лицевые поверхности, предварительно укрепленные водостойкими полимерами. Такая заклейка, достаточно прочная по своим механическим свойствам, легко смывается с лицевых поверхностей без малейшего ущерба для живописи, тогда как обычно употребляемый поливинилацетат нерастворим в воде и его приходится снимать растворителем (спирт — 1 ч., ацетон — 1 ч.), что удорожает и усложняет процесс. ПВС неоднократно использовался в экспедиционных работах ВЦНИЛКР на Мансурдепе, Песседжик-депе, Топрак-кале и может быть рекомендован для широкой практики. Он неприхотлив, легко готовится на месте из сухого концентрата, нетребователен к дозировкам. Главное его достоинство в том, что он полностью совместим с любыми иными материалами. После удаления заклейки на ПВС, если речь идет о тыльной стороне, ее можно пропитывать чем угодно.

После заклейки на оконтуренный фрагмент сверху надвигался заготовленный фанерный ящик. Снизу под фрагмент подводился фанерный лист с таким расчетом, чтобы между этим листом и поверхностью живописи выдерживался надежный промежуток во избежание повреждений красочного слоя. Отрезанный фанерным листом от массы завала фрагмент переворачивали. Производилась предварительная расчистка с неполной выборкой загрязнений и затем лицевую сторону покрывали 5-процентным раствором кремнийорганической смолы К 15/3 в ксилоле. Этим достигалось незначительное, но

достаточное для транспортировки укрепление живописной поверхности. Механическая прочность ее обеспечивалась заклейкой на ПВС сначала папиросной бумагой, а потом марлей. В итоге получался изолированный блок штукатурки с росписью, подготовленный к транспортировке и вместе с тем свободный от глубокой силовой пропитки каким-либо материалом, т. е. вполне пригодный для окончательной лабораторной обработки по любой методике. Многослойная заклейка бумагой и марлей, тщательно подогнанный по форме ящик с тугими прокладками и присыпкой сухим просеянным лёссом или песком, как показал опыт нескольких прошедших полевых сезонов на перечисленных выше памятниках, вполне обеспечивают сохранность фрагментов при транспортировке. Однако нельзя не отметить, что собственные размеры фрагментов во всех случаях были невелики, не более 1 *кв. м*. При более крупных форматах, как на Пенджикенте или Шахристане, такой метод, очевидно, потребует известных модификаций. Но все же можно считать установленным, что при работе с фрагментами из завала, обычно не слишком большими, нет нужды создавать для них многократный запас механической прочности посредством большого числа пропиток растворами полимеров высоких концентраций. Такой запас вынуждает впоследствии в стационаре применять лишь тот материал, который был использован в поле. Этот подход, логически оправданный в методике Государственного Эрмитажа, не всегда удобен при использовании других полимерных композиций.

Важно пояснить, почему для предварительного укрепления красочной поверхности в данном случае была опробована кремнийорганика. Известно, что это материал необратимый, что противоречит первому правилу реставрационной теории, принципиально требующей употреблять только обратимые составы и композиции. Дело в том, что в отличие от всех иных укрепляющих материалов кремнийорганика не блокирует пор и капиллярных выводов на поверхности живописи. Она только обволакивает внутренние стенки этих микроскопических каналов, оставляя их свободными для проникновения жидкостей и паров. Кроме того, сама пленка, образуемая кремнийорганическим полимером К 15/3, является паропроницаемой. Следовательно, блок живописи, покрытый кремнийорганикой, вполне доступен для обработки другими составами и композициями, тем более что слой кремнийорганики, наносимый в поле, очень тонок и оттого особенно «прозрачен» для других материалов. Правда, кремнийорганика из-за своей гидрофобности осложняет пользование водными составами, но в лабораторных условиях такие составы и не применяются. Итак, будучи необратимой, кремнийорганика тем не менее совмес-

тима с другими материалами, тогда как принципиально обратимый ПБМА на деле не обладает такой совместимостью.

После доставки фрагментов в лабораторию была удалена заклейка на БМК-5 с тыльной стороны и срезан излишний грунт. Таким образом, тыльная сторона оказалась в первоначальном состоянии, т. е. не была пропитана каким-либо инородным составом. На втором этапе была удалена заклейка с лицевой стороны на ПВС и произведена расчистка с тщательной выборкой загрязнений. За счет этой операции было также достигнуто некоторое утоньшение кремнийорганической пленки на поверхности красочного слоя. В результате фрагменты сейчас окончательно подготовлены к заключительному этапу реставрации — полной пропитке укрепляющим составом на основе синтетических полимеров. Возможно, что для такой пропитки будет применен хорошо себя зарекомендовавший полиуретан УР-19.

Описанные выше новые материалы нашли себе применение не только при реставрации живописи. В ходе раскопок, например, была найдена часть тонкой каменной колонны, изготовленной из мергелистого известняка [4]. Колонна была расписана квадратами в шахматном порядке в два цвета, красный и синий. После предварительной расчистки выяснилось, что киноварь на красных квадратах была применена в качестве подкладки под листовое золочение. Первоначальное цветовое решение, таким образом, строилось на игре золотой фольги и насыщенного синего лазурита. С течением времени связующее красочного слоя вымывалось, происходило распыление пигмента, тонкие листочки фольги отставали от основы. Почти всюду обнажились остатки киновари, создавая впечатление намеренного сочетания киновари и лазурита. Однако кусочки золотой фольги, которые просматриваются на многих красных квадратах, убеждают в том, что лежащая под ними киноварь была применена в технических целях и не имела декоративного назначения.

Укрепление распыленного красочного слоя было выполнено с помощью двукратной обработки кремнийорганической смолой К 15/3, 5-процентным раствором. Этим же составом подклеивались остатки уцелевшей золотой фольги. По укрепленному красочному слою колонну заклеили папиросной бумагой на ПВС 10-процентной концентрации. Затем находку тщательно обернули прочной упаковочной бумагой в несколько слоев и обвязали шнуром для удобства транспортировки. Этих мер было вполне достаточно ввиду собственной механической прочности известняка.

Когда находка была доставлена в лабораторию и распа-

[4] См. статью Б. Я. Ставиского и Л. К. Сергеевой, стр. 18.

кована, красочный слой оказался в удовлетворительном состоянии. Следов краски или кусочков листовой позолоты на папиросной бумаге не осталось, что говорит о надежности двукратного укрепления кремнийорганической смолой К 15/3. По мере высыхания колонны обнаружилось, что она сильно засолена. Соли стали интенсивно и, что особенно важно, беспрепятственно выступать на укрепленной красочной поверхности, не разрывая ее, так как капиллярные выводы не были блокированы непроницаемой пленкой полимера. Соли мигрировали к поверхности колонны свободно и не оказывали отрицательного механического воздействия на красочный слой, как это имеет место во всех случаях применения паровлагонепроницаемых композиций. Кроме того, в силу гидрофобности укрепленного кремнийорганикой красочного слоя удалять с него выступающие соли было достаточно легко. Но, чтобы исключить лишние прикосновения к красочной поверхности и ускорить процесс вымывания солей, колонна была обернута толстым слоем бумажной пульпы. Постоянным увлажнением пульпы достигалось сильное испарение влаги и соответственно вынос солей из колонны через пульпу. Красочный слой и остатки листовой позолоты, укрепленные кремнийорганическим полимером, при вымачивании практически не пострадали.

Смола К 15/3 показала себя с лучшей стороны также при склейке археологической керамики. Этим составом были склеены фрагменты керамического «зонтика», видимо когда-то венчавшего вотивную ступу, различные сосуды, светильники. Для склейки в поле большинство археологических экспедиций запасаются обычным клеем БФ. Этот клей дает грубый темный шов, уродующий фактуру изделия, и вдобавок со временем утрачивает адгезию из-за воздействия влаги. К 15/3 превосходит БФ во всех отношениях. Прочность склейки значительно выше при отличной влагостойкости и при бесцветности соединения. В этих целях концентрация полимера должна приблизительно составлять 30—35%. Поверхности склейки сначала пропитываются смолой для их структурного укрепления. Несколько часов отводится на сушку пропитанных смолой кромок. Затем соединяемые поверхности вторично промазываются смолой 30-процентной концентрации и удерживаются некоторое время в плотном контакте. Существуют и другие материалы, даже водорастворимые, которые способны с успехом заменить бытовые клеи типа БФ. Так, сополимер винилацетата с 2-этилгексилакрилатом (ВА 2 ЭГА), несмотря на его малую водостойкость, очень удобно применять для склейки археологической керамики с последующим ее хранением в сухом экспозиционном или фондовом помещении, где исключены неконтролируемые перепады относительной

влажности. В таких условиях высокая прочность клеевого соединения на ВА 2 ЭГА сохраняет свою стабильность. Сасанидский керамический кувшин из раскопок поселения Ак-тепе близ станции Артык Закаспийской ж. д., склеенный ВА 2 ЭГА в 1968 г., до сего дня не обнаруживает никаких признаков утраты прочности клеевого соединения. Применительно к сухому климату Средней Азии данный материал может быть рекомендован для различных реставрационных целей. В частности, он хорошо показал себя при подклейке фрагментов мелкой глиняной скульптуры и при укреплении росписей в интерьере мавзолея тимуридской эпохи Туман-ака. С точки зрения простоты технологии и удобства в работе ВА 2 ЭГА не имеет себе равных среди всех существующих полимерных композиций. Правда, относительно крупное зерно данной дисперсии ограничивает ее проникающую способность и, следовательно, глубину пропитки. Поэтому ее лучше применять именно как силовой клей. Для глубинных пропиток, преследующих цель внутреннего укрепления пористых рыхлых структур, сейчас разработаны мелкодисперсные аналоги данного сополимера.

Резюмируя сказанное, остается отметить, что в той или иной степени все названные материалы — прежде всего кремнийорганическая смола К 15/3 и сополимер бутилметакрилата с метакриловой кислотой БМК-5, затем ПВС и органические сополимеры типа ВА 2 ЭГА — были неоднократно опробованы в полевых условиях Средней Азии и показали неплохие результаты, особенно при решении частных специфических задач реставрационной практики. Кажущиеся противоречия, вытекающие из того обстоятельства, что ПВС и ВА 2 ЭГА в рабочем состоянии являются водными растворами, по традиционным меркам неприменимыми для склейки или пропитки лёссовых штукатурок и скульптур, а также керамики, не должны отпугивать работников археологической реставрации. Исключительное удобство данных материалов и ограниченные по времени сроки употребления в большинстве случаев полностью оправдывают их применение. Что касается кремнийорганических соединений, высокопрочных, совершенно бесцветных и чрезвычайно стабильных во времени, которые уже получили широкое применение в реставрации памятников живописи на известковых штукатурках, то их достоинства безусловно перевешивают недостаток обратимости, тем более что он не является препятствием для последующего применения других полимерных композиций.

Как мы уже указывали, для решения одной и той же задачи в наших экспериментах употреблялось несколько материалов узкоспециального назначения вместо одного универсального типа ПБМА. В полном соответствии с известным

правилом технологии, по которому специальные средства в частных случаях всегда лучше универсальных, достигнуто более высокое качество обработки красочного слоя с меньшими затратами времени на данную операцию. Однако работа велась на небольших фрагментах. Механическое перенесение полученного на Кара-тепе опыта в область масштабной практической реставрации, какая ведется на объектах Пенджикента, Шахристана и др., едва ли возможно. До тех пор пока сотрудники ВЦНИЛКР не перейдут к работе над стенными росписями больших площадей с тщательной и длительной экспериментальной отработкой применения новых материалов, единственно научной методикой реставрации монументальной живописи на лёссе будет оставаться методика Государственного Эрмитажа. Лишь в отдельных случаях, при небольших форматах живописных фрагментов, уже сейчас можно применять опробованные во ВЦНИЛКР на протяжении 1966—1973 гг. новые полимерные материалы, начальный опыт использования которых для целей реставрации был кратко обобщен выше.

В. А. Лившиц

К ИНТЕРПРЕТАЦИИ БАКТРИЙСКИХ НАДПИСЕЙ ИЗ КАРА-ТЕПЕ

I

Раскопки буддийского монастыря Кара-тепе в Старом Термезе[1], возобновившиеся после долгого перерыва в 1961 г., очень скоро ознаменовались открытием значительного числа бактрийских надписей. Уже в 1962—1964 гг. в помещениях пещерного храма комплекса Б (П-II) было обнаружено более 20 бактрийских граффити, процарапанных по штукатурке, а также фрагмент надписи, начертанной чернилами на глиняном сосуде; еще один фрагмент бактрийской надписи на керамике был найден при расчистке заднего двора, расположенного к западу от надземной постройки храмового комплекса. Особый интерес вызывало то обстоятельство, что бактрийские надписи на Кара-тепе найдены вместе с надписями на других языках и письменностях: рядом с бактрийскими граффити на стенах помещений комплекса Б обнаружены среднеперсидские и индийские (а также явно более поздние арабские), наряду с бактрийскими надписями на керамике открыты индийские — санскритские и пракритские. Вслед за находкой небольшого фрагмента надписи на керамике, содержащего четыре буквы бактрийского письма и одну акшару брахми, в 1965 г. была обнаружена почти полностью сохранившаяся санскритско-бактрийская надпись на керамике.

Бактрийские надписи, найденные в 1962—1965 гг. на Кара-тепе, опубликованы в первых трех выпусках трудов экспедиции[2]. Как правило, до нас дошли лишь небольшие фрагмен-

---

[1] Старейшее упоминание Термеза (trmd=Tarmid) содержится в арамейской надписи Ашоки, найденной в 1969 г. в долине Лагмана (Афганистан), см.: P. J. de Menasce, A propos d'une inscription araméenne d'Aśoka,— «Israel Oriental Studies», II, Tel-Aviv, 1972, стр. 290—292 (ср. иные чтения и толкования слова *trmd* в этой надписи: A. Dupont-Sommer, Une nouvelle inscription araméenne d'Asoka trouvée dans la vallée du Laghman (Afghanistan),— CRAIBL, 1970, стр. 158—173; H. Humbach, Die aramäische Aśoka-Inschrift von Laghman-Fluss,— «Indologen-Tagung 1971», Wiesbaden, 1973, стр. 161—169; М. Н. Боголюбов, Арамейская законодательная надпись Ашоки из Афганистана,— ВЯ, 1973, № 3, стр. 71—77).

[2] См.: «Кара-тепе I», рис. 41; Я. Харматта, К интерпретации надписей на керамике из Кара-тепе,— «Кара-тепе II», стр. 37—39, 195, рис. 9а.

ты граффити и надписей на керамике; почти все они начертаны курсивным письмом[3], представленным в нескольких вариантах — от полукурсива, четкого в надписях на керамике и некоторых граффити[4], до развитого курсива. Плохая сохранность надписей, особенно граффити, процарапанных очень неглубоко и сильно пострадавших от трещин и обвалов штукатурки, не позволяет в большинстве случаев восстановить контекст. Трудности чтения и истолкования каратепинских надписей возрастают еще более вследствие многозначности многих начертаний букв и особенно лигатур в бактрийском курсивном письме. В последние годы изучение бактрийской палеографии значительно продвинулось благодаря публикациям каталога монет и гемм Р. Гёбля[5], фундаментальной сводки Х. Хумбаха[6], работ И. Гершевича[7] и Я. Харматты[8], однако чтения многих бактрийских курсивных надписей, предлагавшиеся до сих пор, не могут считаться достаточно обоснованными ни с точки зрения палеографии, ни в плане собственно лингвистическом. В наибольшей мере это относится к таким памятникам, как бактрийские курсивные надписи на камне из Урузгана[9] и Точи[10] или граффити

9б; В. А. Лившиц, К открытию бактрийских надписей на Кара-тепе,— «Кара-тепе II», стр. 50—52, 75—81, 196—197, 199—205, 208—209, рис. 10—11, 13—19, 22; J. Harmatta, The Bactrian Wall-inscriptions from Kara-Tepe,— «Кара-тепе II», стр. 82—125; Т. В. Грек, В. А. Лившиц, Двуязычная надпись из Кара-тепе,— «Кара-тепе III», стр. 118—121, табл. XXIII.

[3] Исключение составляет лишь один фрагмент надписи на керамике, начертанной «монументальным» письмом (надпись I, см. «Кара-тепе I», стр. 50—51, рис. 41; «Кара-тепе II», рис. 9а, стр. 37—38, 50, 76; H. Humbach, Baktrische Sprachdenkmäler, Teil II, Wiesbaden, 1967, Taf. 16).

[4] См. «Кара-тепе II», рис. 9б, 17, 18а, 18б, 19а; «Кара-тепе III», табл. XXIII.

[5] R. Göbl, Dokumente zur Geschichte der iranischen Hunnen in Baktrien und Indien, Bd I—IV, Wiesbaden, 1967.

[6] H. Humbach, Baktrische Sprachdenkmäler, Teil I—II, Wiesbaden, 1966—1967.

[7] I. Gershevitch, Bactrian Inscriptions and Manuscripts,— IF, Bd 72, Ht 1/2, 1967, стр. 27—57.

[8] J. Harmatta, Late Bactrian Inscriptions,— AAASH, t. XVII, fasc. 3—4, 1969, стр. 297—432.

[9] A. D. H. Bivar, The Inscriptions of Uruzgan,— JRAS, 1954, pt 3—4, стр. 112—118, табл. XXIX; W. B. Henning, Surkh-Kotal und Kaniška,— ZDMG, Bd 115, Ht 1, 1965, стр. 86, прим. 60; H. Humbach, Baktrische Sprachdenkmäler, I, стр. 103—104; II, Taf. 22; В. А. Лившиц, К открытию..., стр. 62, прим. 71.

[10] A. H. Dani, H. Humbach, R. Göbl, Tochi Valley Inscriptions in the Peshawar Museum,— «Ancient Pakistan», vol. I, Peshawar, 1964, стр. 125—135; H. Humbach, Baktrische Sprachdenkmäler, I, стр. 105—117; II, Taf. 25—27; J. Harmatta, Late Bactrian Inscriptions; H. Humbach, Kara Tepe — Tochi — Surkh-Kotal,— MSS, Ht 28, 1970, стр. 43—50 (русский перевод: Х. Хумбах, Кара-тепе — Точи — Сурх-Котал,— «Кара-тепе III», стр. 122—128).

на скале в районе Джагату[11]. Наши сведения о бактрийском языке и сейчас, через 15 лет после дешифровки В. Б. Хеннингом большой сурхкотальской надписи[12], положившей начало научному изучению памятников бактрийской письменности, остаются весьма скудными. Показательно, что Г. Моргенстьерне в своем недавнем исследовании истории консонантных групп в бактрийском языке[13] оперирует почти исключительно данными сурхкотальской надписи. Чтения более поздних бактрийских памятников недостаточно надежны, а их интерпретации часто не выходят за рамки гипотез. Особенно остро ощущается почти полное отсутствие бактрийских рукописных текстов — фрагменты «эфталитских» рукописей Берлинского собрания, переписывавшиеся опытными писцами и отличающиеся четкими начертаниями букв, сохранили, как правило, лишь отдельные слова, вырванные из контекста (не сохранилось ни одной полной строчки). Единственное, что удается установить для этих фрагментов, относящихся, по-видимому, к VII—VIII вв., это тождество или по крайней мере большое сходство зафиксированного в них бактрийского диалекта с диалектом, представленным в сурхкотальской надписи; сходны и основные орфографические признаки этих памятников, столь далеких по месту и времени их составления[14]. Для некоторых других бактрийских памятников вопрос о степени их близости к языку сурхкотальской надписи решался по-разному; можно заметить, что попытки установить существенные диалектные отличия (например, в надписях из Точи) предпринимались, как правило, на весьма шаткой основе. В надписях, обнаруженных на Кара-тепе, несмотря на их фрагментарность и отсутствие связных контекстов, удалось показать наличие сочетания слов,

---

[11] H. Humbach, Baktrische Sprachdenkmäler, I, стр. 104; II, Taf. 23. Вторая наскальная надпись из Джагату читается достаточно уверенно только потому, что она содержит бактрийскую транскрипцию санскритской формулы (*triratna*): ΝΑΜΩΟ ΒΟΔΟ ΝΑΜΩΟ ΔΟΥΑΡΜΟ ΝΑΜΩΟ САГГО= скр. *namo Buddha namo dharma namo saṃgha*. В этой транскрипции примечательны отсутствие второго Δ при передаче скр. *Buddha* и -ΟΥ- в ΔΟΥΑΡΜΟ, указывающее, очевидно, на произношение /δəharmo/. Конечное -О в ΝΑΜΩΟ выступает в качестве фонетически иррелевантного, чисто графического символа конца слова и отнюдь не обозначает, как это полагал О. Хансен (его толкование приведено: H. Humbach, Baktrische Sprachdenkmäler, I, стр. 105), предлога направления **ō* (среднеперсидскому предлогу *ō* в бактрийском соответствует ΑΒΟ /*av*/, др.-ир. *abi*). Ср.: H. Humbach, Two Inscriptions in Graeco-Bactrian Cursive Script from Afghanistan,— «East and West», vol. 17, № 1—2, 1967, стр. 25—26.

[12] W. B. Henning, The Bactrian Inscription,— BSOAS, vol. XXIII, pt 1, 1960, стр. 47—55.

[13] G. Morgenstierne, Notes on Bactrian Phonology,— BSOAS, vol. XXXIII, pt 1, 1970, стр. 125—131.

[14] См.: I. Gershevitch, Bactrian Inscriptions and Manuscripts, стр. 37—57; В. А. Лившиц, К открытию..., стр. 72—73.

известных по сурхкотальской надписи: ΚΑΛΔΟ ΜΑΛΟ ΑΒΟ... (Α)ΓΑΔΟ... «когда сюда к/в ... прибыл». Это сочетание, засвидетельствованное в двух каратепинских граффити[15], может считаться, по-видимому, характерным для некоторых формуляров бактрийских «посетительских» надписей[16], однако едва ли правомерно, как это предлагает Я. Харматта[17], регулярно восстанавливать это сочетание при попытках реконструкции разрушенных контекстов почти всех граффити, открытых на стенах пещерных помещений каратепинского монастыря.

В течение последних лет на Кара-тепе, при раскопках комплекса Б, найдено еще несколько фрагментов курсивных бактрийских надписей на глиняных сосудах. Я имел возможность ознакомиться с фотографиями двух таких фрагментов. На первом (илл. 14) сохранились лишь остатки двух слов последней (или единственной) строки:]Β(Ο?) ΑΜ(Ο?) [. *Бета* в нижней части имеет короткий горизонтальный штрих, что могло бы указывать на употребление буквы в качестве цифрового знака (=2), однако сочетание [·]ΒΟ (или [·]ΒΔ) не может быть обозначением числа; маловероятно считать [·]Β цифровыми знаками, а Ο/Δ — сокращением названия исчисляемого. Как можно судить по фотографии, конечное Ο (или Δ) имеет остроугольную форму, тогда как Β, Α и Μ — округлые; сочетания таких начертаний нередки в бактрийском курсиве. ΑΜ(Ο) может быть либо частью слова, либо целым словом. В большой сурхкотальской надписи ΑΜΟ (версия *M*, строка 12; *A*, 16—17) является слитным сочетанием предлога ΑΒΟ с артиклем ΜΟ (ΑΜΟ из ΑΒΟ+ΜΟ, др.-ир. **abi+ +ima-*, ср. ΑΒΟΜΟ в версии *B*, строка 15)[18]; в той же надписи ΑΜΟ в перечне имен собственных (*M*, 21—23) выступает, по-видимому, в качестве соединительного союза (ΑΜΟ из *hama-*?). Написание ΑΜΟ в нашем фрагменте может скрывать и другие бактрийские слова, в том числе такие, как «сырой» или «мука» (бактр. */*ām*/ или /*āmə*/, скр. *āma-*, пашто *ot, ut,* среднеперс., новоперс. *xām* «сырой», вах. *yūmj*, хот. *hāmaa-* «мука», ягн. *ämša* «тесто»)[19], так что без кон-

[15] Граффити Б-1, строка 3: ΚΑΛΔΟ ΜΑΛΟ ΑΒΟ... [(Α)ΓΑΔΟ]; Б-2, строка 1: ΚΑΛΔΟ ΜΑΛΟ ΓΑΔΟ, см.: В. А. Лившиц, К открытию..., стр. 78—79; рис. 18в, 19а; J. Harmatta, The Bactrian Wall-inscriptions..., стр. 83, 91.

[16] Это сочетание можно прочесть также в еще не изданном курсивном бактрийском граффити на стене зала, открытого при раскопках Афрасиаба (городище древнего Самарканда) в 1965 г.: ι[ΚΑΛ]ΔΟ ΜΑΛΟ Α[Γ]ΑΔΟ [...]ΔΟ$_2$[...]Ο ΡΔΟ ΛΑΔΟ «когда ...д сюда пришел и совершил («установил, дал»)...».

[17] J. Harmatta, The Bactrian Wall-inscriptions..., *passim*.

[18] См.: H. Humbach, Baktrische Sprachdenkmäler, II, Taf. 18.

[19] Древнеир. *ama-* «сила; сильный» в бактрийском должно было отразиться, вероятно, как **ɔm*(*ə*) или **om*(*ə*), *ΟΜΟ. (О сурхкотальском ΑΜΟ

текста попытки интерпретации этого написания мало полезны. На втором фрагменте (илл. 15) сохранилось семь букв:](O) MICTAK[. Пробел между O и M указывает скорее всего на словораздел, хотя следует учитывать, что *омикрон* в бактрийском курсиве, как правило, не соединяется с последующей буквой. Восстановление MICTAK[O] (или]OMICTAK[O]) кажется наиболее вероятным. Заслуживает внимания сочетание -AK-, необычное для бактрийского, в котором древнее поствокальное *-k* регулярно озвончается (например, -BAPГO из *-bāraka-*, IΩГO[20] из *aiwaka-* в сурхкотальской надписи, NAMIГO, BAГANIГO в берлинских фрагментах, -AГO, -ГO из *-aka-* — патронимический суффикс в XAPOBAAAГO на гемме[21], ФРЕIXOAДНОГО в сурхкотальской надписи и др.). Если исключить]ГOK,]OKOГ в тексте рукописного фрагмента из Лоуляна[22], то едва ли не единственным достоверным случаем сочетания «гласный+*k*» в бактрийских памятниках будет имя главного персонажа сурхкотальской надписи NOKONZOKO (вариантное написание NOKONZIKI). Этимология этого имени остается темной. И. Гершевич предложил видеть в NOKONZOKO, NOKONZIKI историческое написание для *Nigundzig*, сопоставляя это имя с скр. *nikuñc-* «спускать(ся), опускать»[23], но предположение об исторических написаниях в бактрийской орфографии не встретило поддержки[24]. Нельзя, однако, совершенно исключить возможность таких написаний. Помимо примеров, приведенных Гершевичем, в том числе альтернаций OTO и OДO, обозначающих, согласно его мнению, союз */ud/* из др.-ир. *uta*, можно

см. еще: N. Sims-Williams, A Note on Bactrian Syntax,— IF, Bd 78, 1973, стр. 96).

[20] Ср. также IΩГO в надписи на гемме из собрания Калькуттского музея (Sig. 9, согласно нумерации каталога P. Гёбля), см.: В. А. Лившиц, К открытию..., стр. 65. Если в этой надписи считать OAXPOIIΩГO одним словом, то в нем можно видеть имя собственное *Waxš(ə)īwg(ə)*, букв. «следующий за (богом) Вахшем», древнеир. **Waxša-yawaka-*, авест. *yav-*. В этом случае OAXPOIIΩГO BAГO обозначает владельца геммы: «Господин Вахшивг». Передача *-ī-* через -II- необычна.

[21] Так читать вместо ранее предлагавшегося мною XAPOBAAANO («К открытию...», стр. 59 сл.). XAPOBAAAГO можно рассматривать как патроним, образованный посредством суффикса *-g(ə)* от того же имени, которое засвидетельствовано с другим патронимическим суффиксом (*-ān-*) в написании *Kharapallāna* в двух индийских надписях из Сарнатха.

[22] F. W. Thomas, A Tokhari (?) MS,— JAOS, vol. 64, № 1, 1944, стр. 1—3; H. Humbach, Baktrische Sprachdenkmäler, I, стр. 119—120; II, Taf. 28.

[23] I. Gershevitch, Bactrian Inscriptions and Manuscripts, стр. 47.

[24] См.: J. Harmatta, Late Bactrian Inscriptions, стр. 421—423; G. Morgenstierne, Notes on Bactrian Phonology, стр. 127; ср.: В. А. Лившиц, К открытию..., стр. 62. (Ср. N. Sims-Williams, A Note..., стр. 98, прим. 11, где предлагается видеть в NOKONZKO индийское имя).

привлечь и АТОРОВІΔО в надписи на гемме, вновь изданной недавно А. Биваром [25]. АТОРОВІΔО в этой надписи является, очевидно, бактрийской транскрипцией среднеперсидского *ādurbed*; -ВІΔО во второй части отражает влияние собственно бактрийских композит [26], однако в АТОРО- следует видеть передачу среднеперс. *ādur*, с -Т- для /*d*/ или /δ/, ср. бактр. АΘΦО, АΘОΦО — обозначение гения огня на кушанских монетах [27].

После этого отступления мы можем вернуться к МІСТАК[в каратепинской надписи. Это написание может быть понято скорее всего либо как компонент имени донатора (или лица, которому принадлежит сосуд), либо как часть обозначения содержимого сосуда. При первом толковании МІСТАК[О] оказалось бы связанным, например, с древнеир. **mistaka-* «созданный, сотворенный» (*МІРОМІСТАКО «созданный Митрой» и т. п.), перфектным причастием от корня **mis*, ср. среднеперс. *wimēh-* «создавать, творить» из древнеир. **wi-mais-* [28], или с древнеир. **mistaka-* «брошенный, низвергнутый» (авест. *ham-maēd-*: **-mista-* «низвергать, сокрушать») [29]. Для -АКО, помимо NOKONZOKO, ср. также МОΖΔАКО на гемме (Sig. 30) [30]. Если относить МІСТАК[О]

[25] Corpus inscriptionum iranicarum, pt III, vol. VI, Portfolio I. Kushan and Kushano-Sasanian Seals and Kushano-Sasanian Coins: Sasanian Seals in the British Museum, ed. by A. D. H. Bivar, London, 1968, pl. XXVII, 3.

[26] В бактрийском *-bid*<*-pati*, ср. предлог ПІΔО /*pid*/ из *pati*; в среднеперсидском уже в III в. н. э. *-pati*>*-bad* (фонетически [*-bed*], где *-e-* — аллофон /*a*/).

[27] Х. Хумбах предложил следующее чтение рассматриваемой надписи на гемме: ΟΑΡΑΥΡΑΝΟ І NΩΦО-ПΟΥΡΟ МАΥО(?) ΚΟΦΑΝΟ ΦАО МІ(?)-ΖΑΔΟ АТОРО-ВІΔО «Varahrān, the son of Nōš, the moon(?), the Kušān, the king, the descendant of Mi(?), the Lord of Fire» (H. Humbach, Baktrian Seals,— MSS, Ht 25, 1969, стр. 72). Поскольку несомненно, что АТОРОВІΔО является обозначением жреца огня (ср. парфянское *'twršpty* в документах из Нисы), носившего среднеперсидское имя Варахран, причем приведено и имя его отца — Нош (NΩΦО, бактрийская адаптация среднеперсидского *anōš*, букв. «бессмертный, счастливый», ср. согд. *nwš-* из древнеир. *anauša-*), то очевидно, что это лицо не было одновременно кушаншахом. Я бы предложил такой перевод надписи: «Варахран, сын Ноша, жрец огня кушаншаха Пероза (?), маздаяснийца (?)». Чтение ПІРОΖО (вместо МАΥО р Хумбаха) не более чем предположение: на опубликованных фотографиях эта часть надписи видна очень плохо; МОΖΔАО (вместо МІΖАΔО у Хумбаха) я толкую как сокращенную бактрийскую передачу среднеперсидского *mazdēsn*. Вместо МОΖΔАО можно, разумеется, читать МОΖАΔО и толковать это написание как передачу среднеперс. *hamzād* «близнец», однако кушаншах не был, конечно, сыном безвестного Ноша и единоутробным братом нашего атурпата Варахрана.

[28] W. B. Henning, Das Verbum des Mittelpersischen der Turfanfragmente,— ZII, 1933, Bd IX, Ht 2, стр. 179.

[29] Chr. Bartholomae, Altiranisches Wörterbuch, Strassburg, 1904, стлб. 1105.

[30] Ср. также -РКО в ОАΖОРКО, бактрийской передаче среднеперсидского *wazurg*, *wuzurg* в легендах кушано-сасанидских монет и в надписи на гемме (Sig. 21).

к обозначению содержимого сосуда, то наиболее вероятным кажется связывать это слово с корнем *mis* «мешать, смешивать», и.-е. **mi̯k/mik*, ср. скр. *mikṣ-*, *miśra-*, авест. *myas-*: *mīšti-*, согд. *„myx/āmīk/* («смешение»), лат. *miscēre*, *mixtus*. Бактрийское *mistak(ə)* в этом случае соответствует древнеир. **mistaka-* «смешанный», подобно среднеперсидскому *hamistak*, *hamistag*[31].

II

Каждый, кто знакомился с публикациями бактрийских граффити в «Кара-тепе II», не мог не обратить внимания не только на различия в чтениях, предложенных проф. Я. Харматтой и мною[32], но и на различия в нумерации этих надписей, в определении их общего количества, объема и последовательности строк в отдельных надписях. Х. Хумбах составил конкорданс к этим публикациям[33], однако многие существенные детали остались неотмеченными. Целесообразно поэтому вновь обратиться к чтениям каратепинских граффити, вызвавшим наибольшие разногласия. К сожалению, по техническим причинам в «Кара-тепе II» удалось опубликовать далеко не все фотографии граффити, для некоторых изданы только копии или прорисовки фотографий, отражающие в какой-то степени восприятие надписей копировщиками и потому (даже после многократных проверок) не всегда достаточно точные.

Большинство чтений Харматты основано на фотографиях; я имел возможность изучать граффити и в оригиналах, однако видел на стенах пещер Кара-тепе меньше надписей, чем он. Харматта предлагает восстановление разрушенных контекстов, считая, что оборот КАЛДО МАЛО АВО... (А)ГАДО «когда сюда в... прибыл(и)» присутствовал почти во всех надписях и что САДО ГАВО (вариант ГАФО), в котором он распознал бактрийское название каратепинского святили-

---

[31] Chr. Bartholomae, Altiranisches Wörterbuch, Sp. 1190. В среднеперс. *āmēz-*, *gumēz-* «смешивать», *gumēg-* «смешение» выступает другой корень — и.-е. **miĝ/mig*, древнеир. *mij-*, *mig-*, см.: Chr. Bartholomae, Zum Altiranisches Wörterbuch, Strassburg, 1906, стр. 229, прим. 1; W. B. Henning, Das Verbum..., стр. 178. Сопоставление бактр. *mistak(ə)* с скр. *miṣṭa-*, будд. скр. *miṣṭaka-* «сладкий; сласть, лакомство» вряд ли возможно, поскольку скр. *miṣṭaka-* возникло в результате адаптации пракритского *miṭṭha-*. Засвидетельствована собственно древнеиндийская форма — *mṛṣṭá-*, с исходным значением «очищенный, чистый» (от *mrj-*), соответствующая древнеир. **mṛšta-* (см.: M. Mayhrofer, Kurzgefasstes etymologisches Wörterbuch des Altindischen, Bd II, Heidelberg, 1963, стр. 642, 670, 678); в бактрийском ожидалось бы, скорее всего, *МОΦТО.

[32] J. Harmatta, The Bactrian Wall-inscriptions; В. А. Лившиц, К открытию..., стр. 77—81.

[33] Х. Хумбах, Кара-тепе — Точи — Сурх-Котал,— «Кара-тепе III», стр. 122—123.

ща — «Сто пещер», также можно реконструировать практически для любого каратепинского граффити. Важное место в реконструкциях Харматты занимают имена кушаншахов — сасанидских наместников Бактрии, которые он находит в текстах граффити; кушаншахи неоднократно посещали пещеры Кара-тепе, в которых на месте разрушенного и покинутого монахами буддийского святилища возник зороастрийский храм огня. Указание на это Харматта находит не только в самих граффити, содержащих, по его мнению, помимо прочего и восхваления зороастрийских божеств, но и в надписи магупата Кирдера, в которой выражение *W glsty ZY ŠDY'n wyšwpyḫy Wyzd'n g'sy Wnšdmy 'kylydy* непосредственно относится, по мнению Харматты, к Кара-тепе [34].

О причинах, побудивших правоверных зороастрийцев, в том числе сасанидских наместников Бактрии, вырезать на стенах только что основанного храма огня свои имена, мы можем лишь догадываться. Археологи, раскапывающие Каратепе, обнаружили следы алтаря огня на месте, где ранее находилась буддийская статуя. Сооружение этого алтаря Б. Я. Ставиский склонен приписывать отряду сасанидских войск, захватившему Термез либо при Шапуре I, либо при Шапуре II (ср. возможные интерпретации даты, содержащейся в среднеперсидском граффити). Вскоре после возведения алтаря и нанесения надписей-граффити на стены пещерных помещений комплекса Б эти помещения и ниша с алтарем были заложены сырцовыми стенками, а через некоторое время часть комплекса Б (храм П-II) была использована для захоронений. Последние датируются находками монет кушаншаха Варахрана I (середина или вторая половина IV в.) [35].

Таким образом, археологические материалы не дают оснований для предположения о том, что в пещерах Кара-тепе

[34] J. Harmatta, The Bactrian Wall-inscriptions, стр. 121 и сл. Ср. также: B. N. Mukherjee, The Epigraphic Evidence from Kara Tepe and the So-called Old Saka Era,— «East and West», vol. 21, № 1—2, 1971, стр. 69—73. Харматта переводит приведенный выше пассаж из надписи Кирдера (KKZ, строка 10) так: «and the caves of the dēvs were devastated and transformed into the house and seat of the gods» («The Bactrian Wall-inscriptions», стр. 121). Сходно переводили это место В. Б. Хеннинг (W. B. Henning, Mitteliranisch,— «Handbuch der Orientalistik», Abt. 1, Bd 4, Abschnitt I, Leiden — Köln, 1958, стр. 102) и В. Хинц (W. Hinz, Die Inschrift des Hohepriesters Kardēr am Turm von Naqsch-e Rostam,— AMI, N. F. Bd 3, 1970, стр. 261, 264), однако более оправдан перевод, предложенный впервые Ф. Жинью: «и логова дэвов были уничтожены, и место (пребывания) и обители богов были основаны («сделаны»)», см.: Ph. Gignoux, L'inscription de Kartir à Sar Mašhad,— JA, t. CCLVI, fasc. 3—4, 1969, стр. 395. Среднеперс. *glsty* (*grist*), *glstk'*, *glystk'* (*gristag*) имеет значения: «дыра, нора, берлога, логово», но не «пещера»; *'kylydy* (*akrīy*) — «был(и) сделан(ы)».

[35] Б. Я. Ставиский, Итоги раскопок Кара-тепе в 1965—1969 гг.,— «Кара-тепе III», стр. 51—52.

существовал храм огня — здесь был лишь алтарь, сооруженный, скорее всего, во время стоянки сасанидских солдат. С пребыванием этого отряда связаны, вероятно, и два среднеперсидских граффити на стенах комплекса Б. Бактрийские граффити относятся, очевидно, к III—IV вв.; они могли быть начертаны одновременно со среднеперсидскими либо несколько раньше или позже, однако нет никаких доказательств, что они оставлены персами или что их вырезали бактрийцы по приказу персов. Среди имен, которые я смог прочесть в этих граффити, почти нет таких, которые не смогли бы носить бактрийцы; имя *Warahrān* встречается, возможно, в надписи Б-7, однако титула кушано-сасанидских правителей Бактрии я не нашел. О том, что посетители пещер покинутого монастыря, оставившие на его стенах бактрийские надписи, были зороастрийцами, свидетельствуют их имена, а также упоминание мага (МАГО, надпись Б-11) [36], однако все они могли быть бактрийцами. Но обратимся к надписям [37].

Граффити Б-1. В основной надписи сохранились части пяти строк («Қара-тепе II», рис. 19б — прорисовка по фотографии); строки 6-й, воспроизведенной в транслитерации Х., в действительности не существует. В строке 5-й сохранились лишь три буквы, они мельче, чем в предшествующих строках, но начертаны тем же почерком, так что нет оснований считать эту строку и несуществующую 6-ю самостоятельными надписями, как это делает Х. В строке 1-й сохранившийся текст начинается с ΒΟΟΑΔΟ, чтение этого слова, как и последующего ΩΡΟΜΟΖΔΟ, сомнений не вызывает (Х. видит в начале строки ΚΑΔΑΓΟ ΒΑΥΑΔΟ ΩΡΟΜΑΖΔΟ). Далее следует союз Ο[Δ]Ο и имя ΜΙΡΙΑ[.]Ο. Чтение ΤΙΡΙΔΑΔΟ, предлагаемое Х., невозможно, в чем легко убедиться по фотографии этого места надписи, публикуемого в настоящем сборнике (илл. 16а). ΜΙΡΙΑ[.]Ο при сопоставлении с ΒΟΡΖΟΜΙΡΟ в этой же надписи и с именами с компонентом ΜΙ(Υ)ΡΟ-, засвидетельствованными в сурхкотальской надписи и на геммах, обнаруживает, очевидно, пропуск Ο — ожидалось бы *ΜΙΡΟΙΑ(·)Ο. Это имя допускает несколько восстановлений, в том числе *ΜΙΡΟΙΑ[Δ]Ο, */miryād/* или */mīrəyād/*, из древнеир. **Miθra-yāta-*, букв. «(имеющий) долю Митры» или «участник договора». После ΜΙΡΙΑ[.]Ο следовало по крайней мере еще одно имя, почти целиком разрушенное (см. Л., стр. 77; ср. Х., стр. 83).

В начале сохранившейся части строки 2-й наиболее вероятным кажется мне сейчас чтение [Ο]ΔΟΟΑΔΑΓΟ «и Ва-

[36] «Қара-тепе II», стр. 81, 113, 115, рис. 10—11.

[37] В дальнейшем изложении ссылки на статьи J. Harmatta, The Bactrian Wall-inscriptions... и В. А. Лившиц, К открытию... даются в сокращениях — Х. и Л.

даг», бактр. *Wādag(ə)* из древнеир. **Wātaka-*; в конце строки, после ΒΟΡΖΟΜΙΡΟ, читается ΟΑΡ(Α)ΖΑΔΙ (относительно конечной *йоты* сомнений у меня теперь нет; Х. читает ΟΑΡΑΖΑΓΑΝΟ); далее текст почти весь разрушен: (ΟΔ?)[Ο...]. В строке 3-й в начале сохранилось лишь](Ο)ΔΟΟ[..]ΙΒΟ «и...», имени ZAZBO, которое читает Х., тут явно нет[38]. После сочетания ΚΑΛΔΟ ΜΑΛΟ ΑΒΟ «когда сюда к (*или* в)...» текст почти целиком разрушен, сохранилось только (Ο?)[.] (..ΒΟ) [, но Х. находит здесь CΑΔΟ ΓΑΒΟ, «Сто пещер». Зато в начале строки 4-й чтение ZO, предложенное Х., кажется мне наилучшим: ΤΑCΙΔΟΖΟ. Далее распознается имя ΜΙΡΟΠΑ(Ν)Ο (предпоследний знак поврежден, он может быть сочтен и за Δ). В чтениях этого имени, предлагавшихся ранее (Л.—ΜΙΡΟCΑΔΙ, Х.—ΜΙΡΟΛΑΔΟ), неправильно определялась пятая буква — это, несомненно, П. Бактрийское имя *mīr(ə)pān(ə)* хорошо осмысляется как «охраняющий договор» (ΜΙΡΟΠΑΔΟ, *mīr(ə)pād(ə)* имело бы значение «защищенный Митрой», древнеир. **Miθra-pāta-*), однако несколько неожиданно сохранение -П- во второй части композиты. Строка 4-я короче первых трех, она заканчивалась на ΜΙΡΟΠΑ(Ν)Ο (ср. Х., стр. 83: ΜΙΡΟΛΑΔΟ ΓΑΔΟ). В строке 5-й сохранилось лишь](Β)Ι(...)Α(...) — ничего похожего на [ΩΡΟΜ](ΑΖ)ΔΟ ZOYΔO ZA(CT)O, как читает Х., здесь найти не удается.

Таким образом, в основной надписи Б-1 (соответствует надписям № 1—3 у Х.) помимо формулы «когда сюда к/в...» (ΚΑΛΔΟ ΜΑΛΟ ΑΒΟ...) сохранились лишь имена собственные посетителей пещер; почти все эти имена — теофорные: *Ōrəmozd, Mir(ə)yād, Wādag, Burz(ə)mir, Warāzādi*(+?), *Mir(ə)pān.*

Остатки четырех граффити, располагавшихся рядом с Б-1, слишком незначительны, чтобы послужить основой для восстановления контекста (ср. транслитерации фрагментов Б-1/а, Б-1/б, Б-1/в, Б-1/г у Л., стр. 78—79, и попытки частичной реконструкции у Х., стр. 90, надписи № 6—8). Надписи № 79, которую Х. (стр. 120) обнаружил внутри Б-1, между строками 2 и 3, не существует.

Граффити Б-2. В основной надписи сохранились части трех строк («Кара-тепе II», рис. 18в — прорисовка по фотографии). Чтение имени PAMANOZAΔO в строке 2-й, предложенное Х., вполне вероятно; ΜΑΛΟ ZACTO в строке 3-й определенно нет — здесь можно различить начало теофорного имени ΜΙ(Ρ)Ο-, далее видны слабые следы трех букв (ср. Х.,

[38] Ср. надпись на гемме, A. D. H. Bivar, Kushan and Kushano-Sasanian Seals..., табл. VI, 1: ZAZOBO (/zazəv/ или /zazəvə/) — имя, которое действительно может соответствовать авест. zazvah-, привлеченному Х. для объяснения *ZAZBO. Ср.: Humbach, Bactrian Seals, стр. 71.

стр. 91; Л., стр. 79). Многочисленные трещины в штукатурке, вплотную подходящие к надписи Б-2, на фотографии кажутся следами букв; Х. видит здесь фрагменты еще двух надписей (№ 10 и 11), но в оригинале я их не обнаружил.

Граффити Б-3 («Кара-тепе II», рис. 18а — прорисовка по фотографии). В чтении этой надписи расхождений не было, однако проверка по оригиналу показала, что перед ВАГООАNО имеется еще одно слово — МАО. Сочетание МАО ВАГООАNО можно понимать либо как обозначение лица (МАО «луна» в этом случае выступает в качестве почетного эпитета, ср. МАУО ҚАNНҒКО «Луна-Канишка» на булле) [39], либо, скорее, как название месяца — «месяц Vaγ(ə)ān», т. е. «месяц Митры»(?). Ср. тождество *mtr*=βγ*y* в хорезмийском календаре, βγ*k'nč* — название седьмого месяца в согдийском, *mihr* в среднеперсидском [40]. Надпись, вероятно, начиналась с обозначения года, но начало ее, равно как и текст, который следовал после формулы датировки, не сохранились.

Граффити Б-4 («Кара-тепе II», рис. 17 — фото). Перед ВΩZАNО видны еще две буквы — остаток первого слова надписи (или первой части имени собственного), так что моя транслитерация неточна (Л., стр. 79). Харматта видит здесь ГАФО (Х., стр. 92), но перед -О стоит Ω, поврежденное в левой части трещиной в штукатурке (ср. начертания Ω во втором слове):]ΩО ВΩZАNО. Второй строки в этой надписи, вопреки мнению Х., не существовало.

Граффити Б-5+Б-9 («Кара-тепе II», рис. 16 — прорисовка по кальке). В этом комплексе можно, судя по почеркам, выделить остатки четырех надписей — *а, б, в, г* (Л, стр. 80). Харматта видит здесь девять надписей (№ 14—22). Наши чтения различаются очень сильно; различно и определение числа строк и последовательности фрагментов. Имен ОАРАУАРАNО, МІРОДАДО, ВОРZОМІРО, титулов ВАГО, ХОАДНО, сочетаний МАЛО ZАСТО и САДО ГАВО, присутствующих в транслитерациях Х., я найти не мог. Зато Харматта прав, читая в надписи *а* (№ 20 у Х.) дату QZ или (Т)QZ (см. илл. 16б в настоящем сборнике).

Граффити Б-6 («Кара-тепе II», рис. 18б — прорисовка по фотографии). В этом фрагменте, содержащем одну неполную строку —].[.]О ҒАРАВІРА/ДО (Л., стр. 79), Харматта находит три надписи общим объемом в шесть строк.

Граффити Б-7 («Кара-тепе II», рис. 13 — фото, рис. 14 — прорисовка по кальке). В этом блоке можно различить фрагменты большой надписи, содержащей три строки (Л., стр. 81), и остатки трех кратких надписей. В штукатурке

---

[39] W. B. Henning, Surkh-Kotal und Kaniška, стр. 85—87.
[40] Ср.: J. Harmatta, Late Bactrian Inscriptions, стр. 369.

на этом участке стены много трещин, что затрудняет определение ряда букв. В большой надписи, соответствующей № 26—27 у Х. (стр. 100—102), в 1-й строке чтение](PAYAPANO), предложенное обоими авторами в «Кара-тепе II», является не более чем реконструкцией — по оригиналу можно различить лишь] (...PAO..O/ANO). Далее я предлагал читать MO? BAГO (ABO?)[; Х. видел здесь KAO BAYAΔO, считая KAO соответствием среднеперсидского *kāv, kāy* «великан, герой» (речь идет, очевидно, о среднеперс. *kay*, из авест. *kavi-*, ср. согд. *k'w/kaw/*). Чтение KAO, однако, невозможно (о форме K- в этой надписи можно судить по KAPANANO в строке 3-й). Во 2-й строке сохранилось несколько больше:]A[B]O ÞOCAΔO (A)ГAΔO **A[B]O** AΛΔ(..)BO OΔO ABO (ΛAΔO?)[. В этом фрагменте ABO, по-видимому, предлог направления, ÞOCAΔO — имя собственное (ср. Х., стр. 101); значения полуразрушенных слов AΛΔ(..)BO и (ΛAΔO)[остаются неясными (Х. видит здесь ABO AΛOГABO OΔO ABO KAPANO, последнее совершенно невозможно). В строке 3-й OICA(Δ)O у Х. кажется маловероятным, предпоследняя буква повреждена, но наиболее предпочтительным является чтение OICПO «все»[41]. Далее достаточно надежно читается (.)APANO KAPANANO. В этом сочетании для первого слова возможны восстановления (Λ-), (C-), (Y-); чтение AYPANO у Х., весьма существенное для его толкования всей надписи (AYPANO KAPANANO «of the evil (*or* devilish) buildings», стр. 101), кажется мне невозможным.

Над этой надписью сохранились остатки двух кратких надписей — «а» (слева от вылома штукатурки):]ANO ABO[; «б» (справа от вылома, несомненно другим почерком): (C?)APΔO «год?». Х., стр. 99, объединяет эти надписи и читает]BI ГAΔO. Под большой надписью можно различить остатки двух строк еще одного граффити — «в»: $_1$](.)ABO CA(ΔO?)[$_2$].OO/Δ(.)[Х. читает здесь:]AΔO BAГO OAPAYAPA[N]O «(Сюда пришел) господин Варахран» (№ 28, стр. 102).

Граффити Б-8 («Кара-тепе II», рис. 15 — фотография). Расхождений в чтении этой надписи сравнительно немного (Л., стр. 79; Х., стр. 102, № 29). MAO NAPΔO, у Х. — MAO MAPΔO является, вероятно, именем собственным. Далее текст сильно разрушен; восстановление KAPA(NO)[.](MA)[Λ]O (N)OK[I](P)[Δ]O, предлагаемое Х., одно из многих возможных.

На южной стене южного пещерного коридора, где расположены надписи Б-3, Б-4, Б-6, Б-8, имеются фрагменты еще

[41] См. также: Х. Хумбах, Кара-тепе — Точи — Сурх-Котал, стр. 125.

трех однострочных надписей (Л., стр. 79—80 — надписи Б-8/*а, б, в*) [42]. Х. видит по соседству с Б-8 остатки еще пяти надписей (№ 30—34, стр. 103—104).

Граффити Б-10 («Кара-тепе II», рис. 19б — прорисовка по фотографии). Эта надпись, содержащая дату, начинается словом ХΡО(N)О «год правления», известным по надписям Сурх-Котала и Точи [43]. Х. видит здесь ХΡАО с тем же значением, однако следы N различимы — эта буква занимала промежуток между 3-й и последней буквами (см. илл. 16в в настоящем сборнике). Среди предлагавшихся вариантов чтения даты (Л., стр. 80, прим. 184; Х., стр. 104—106) наиболее вероятным следует считать ΛΕ «35». Х. полагает, что в этой дате опущен знак для сотен, и восстанавливает (4)35 — дату по «Старой сакской эре», за начало которой принимается 67 г. до н. э. В таком случае каратепинская надпись должна относиться к 368 г. По мнению Хумбаха, в этой надписи представлена та же эра, что и в надписях из Точи, по данным которых начало эры относится к 232 г. н. э. Это либо кушано-сасанидская эра, введенная после завоеваний Ардашира I, либо эра, связанная с созданием царства «малых» Кушан в областях к югу от Гиндукуша. По этим расчетам надпись Б-10 датируется 268 г. [44].

После даты текст частично разрушен. Х. (стр. 104—108) читает: ΤΑΛΟ (В)АРГО ОΔО МІР[А]NО ОΑΛΑГО Z(А)[«тогда Барго и Мирано, предводитель, мо[лились здесь]» [45]. Более точным кажется мне чтение Т/ΥΑΦΚ(А?)РСО О(ΔО) МІР[О ОΔ]О ОΑΛΑГО — три имени собственных, первое из которых выглядит весьма странно (для -СО ср. ФОРΔАМСО «сначала, раньше» в большой сурхкотальской надписи).

Рядом с Б-10 и под этой надписью Х. находит еще 22 надписи (№ 36—57, стр. 108—113). По оригиналу здесь можно различить следующее: фрагмент «а» (должен соответствовать, очевидно, № 48 у Х., стр. 108—111) —](ΔО) ВОР(ZОМІ?)[РО]; фрагмент «б» —]АР[; фрагмент «в» —]АΔО .Y?(..) МІРО. Соответствий для двух последних фрагментов в транслитерациях Х. установить не удалось.

Граффити Б-11 («Кара-тепе II», рис. 10, 11 — фото-

---

[42] Надпись Б-8/*а*, расположенную под индийским граффити, можно видеть на фотографии в «Кара-тепе III», табл. XXIV.

[43] Х ṚONO, пракрит. *kṣuṇa-, ch'una-*, хот. *kṣuṇa-*, маралбаши *xšana-*, «тохар. Б» (кучинское) *kṣum*. Это слово хорошо объясняется из древнеир. **xšaiwana-*, см.: H. W. Bailey, Irano-Indica [I],— BSOAS, vol. XII, pt 2, 1948, стр. 329; W. B. Henning, «Surkh Kotal»,— BSOAS, vol. XVIII, pt 2, 1956, стр. 367, прим. 2; ср. Х., стр. 106—108.

[44] H. Humbach, Die baktrische Ära der Tochi-Inschriften, стр. 77; Х. Хумбах, Кара-тепе — Точи — Сурх-Котал, стр. 128.

[45] Ср. также стр. 109, строка 15-я, где в транслитерации этой же надписи перед Х ΡАО ΛΕ появляется еще АГАΔО.

графии). В этом комплексе, как можно судить по почерку, содержатся фрагменты двух надписей. От первой сохранилась лишь часть одной строки:](В)АГО ФРАҚАДО.[. Харматта видит здесь [ҚАЛДО] ВАГО ФРАΥАДО и объединяет эту строку со следующей, начертанной другим почерком (Х., № 60, стр. 114). ФРАΥАДО он возводит к древнеир. **Fradāta-* и видит в этом слове парфянское, а не бактрийское имя[46]. Однако четвертая буква, как можно видеть на фотографии, -К-, а не -Υ-.

Начало 2-й строки Х. правильно определил как]АДНО, что делает возможным восстановление [ХО]АДНО. Далее следует ΟΙΤΟ ΒΑΥΡΟ(.), ср. ΟΙΤΟ ΒΑΥΑΔΟ у Х., № 61, стр. 114. В 3-й строке сохранилось лишь] (·)ΙΦΙ(Р)[.]ГО МАГО(.)[«маг Шираг», см. Х., № 62, стр. 115; имя ΦΙΡ[А]ГО, *Šīrag* или *Ṣīrag*, указывает на бактрийца или другого восточноиранца, но не перса (в среднеперсидском основы *šīr-*, из древнеир. *srira-*, не было). О чтении строк 4—6-й см. Л., стр. 81. Харматта видит в этом блоке десять строк, содержащих 7 надписей (№ 58—64, стр. 113—116). Кроме этого он находит рядом с Б-11 остатки еще девяти строк (надписи № 65—67, стр. 116—117), а на различных участках северной и южной стен южного пещерного коридора обнаруживает фрагменты еще 11 надписей (№ 68—78). Ни на фотографиях, ни на самих стенах я этих фрагментов отыскать не смог.

Таковы основные расхождения в определении числа бактрийских граффити и их объема, а также в их чтениях. Предложенные Харматтой реконструкции контекстов этих фрагментов кажутся весьма остроумными, но, к сожалению, далеко не всегда убедительными.

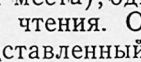
[46] Написание *prhtk* в документах из Нисы показывает, что вопреки распространенному мнению парф. *Frahāt* этимологически не связано с * *Fradāta-*.

Хельмут Хумбах

К НАХОДКАМ БАКТРИЙСКИХ НАДПИСЕЙ НА КАРА-ТЕПЕ

I

Третий выпуск сообщений археологической экспедиции на Кара-тепе, издаваемых под редакцией Б. Я. Ставиского [1], содержит новые материалы бактрийской письменности. Публикация этих материалов должна побудить специалистов принять участие в интерпретации обнаруженных бактрийских памятников.

Привлекают внимание опубликованные Б. И. Вайнберг [2] новые экземпляры монет, относящихся к эмиссии NumH 32 (по классификации Р. Гёбля) [3]. У Гёбля эта эмиссия представлена только двумя монетами; легенду, содержащую две строки, Гёбль читал по NumH 32/1 (лучший по сохранности экземпляр) как *Goboziko/šauo*. Экземпляры этих монет, хранящиеся в советских собраниях, имеют усеченный вариант легенды (что связано с недостатком места), однако они полезны для установления правильного чтения. Особенно важен в этом отношении экземпляр, представленный у Б. И. Вайнберг на табл. XXVII, 1 и имеющий легенду . Следуя за Гёблем, издатель читает *Gobozik*, однако предпоследняя буква, насколько можно судить, не *i*, а скорее *o*, неполностью закрытое сверху в результате какой-то погрешности изготовления штампа или техники чекана. Следует, таким образом,

---

[1] Материалы совместной археологической экспедиции на Кара-тепе под общей редакцией Б. Я. Ставиского: [III] Буддийский культовый центр Кара-тепе в Старом Термезе. Основные итоги работ 1965—1971 гг., М., 1972. Ср. также: Кара-тепе [I]. Буддийский пещерный монастырь в Старом Термезе, М., 1964; Кара-тепе [II]. Буддийские пещеры в Старом Термезе, М., 1969.

[2] Б. И. Вайнберг, Некоторые вопросы истории Тохаристана в IV—V вв. (в связи с запустением Кара-тепе), стр. 130—134, 205 (табл. XXVII, 1, 2).

[3] R. Göbl, Dokumente zur Geschichte der iranischen Hunnen in Baktrien und Indien, Bd I—IV, Wiesbaden, 1967.

читать *Gobozok,* соответственно *Gobozoko* в легенде на экземпляре, изданном Гёблем. На последнем правая половина 3-й от конца буквы отчеканена слабо, но по фотографии, приведенной у Гёбля, следы ее удается распознать. Резчику штемпеля и в этом случае не хватало места, однако он старался воспроизвести легенду целиком, хотя и не сумел в полной мере справиться с этой задачей[4]. Форма *Gobozoko* соответствует правилу, которое можно вывести из альтернации *Nokonzoko: Nokonziki* в надписи Канишки из Сурх-Котала (KIm 6 f : 22 f) : тембр гласного предпоследнего слова зависит от конечного гласного.

Весьма проблематичными остаются чтения монетных легенд «гуннских» эмиссий NumH287—289. В этих легендах ясно лишь название монетного двора — *Baxlo* «Бахл», чтение которого совершенно точно установил Гёбль; начертание этого слова быстро деформировалось. Экземпляры монет, воспроизведенные в «Кара-тепе III», табл. XXVII, 3—5, не дают существенно нового; исключение составляет лишь надчекан на монете XXVII, 3, истолковать который до сих пор не удалось. Зато большое значение для историка имеет список монет этих эмиссий с указанием мест находок, составленный Б. И. Вайнберг[5]. Список показывает, что эмиссии NumH 287—289 широко обращались в областях к северу от Амударьи. Я могу добавить, что в Лахорском музее также имеются значительные собрания монет этих типов. Гёбль первоначально считал, что территория их распространения была ограничена зоной, лежащей к югу от Гиндукуша; позднее он включил в этот ареал также области между Балхом и Пешаваром, однако такая схема во многих отношениях неудовлетворительна[6].

II

Целый ряд различных филологических проблем возникает при рассмотрении двуязычной — санскритской и бактрийской — надписи на сосуде, которую опубликовали Т. В. Грек и В. А. Лившиц[7]. Санскритский текст, согласно чтению изда-

---

[4] Сказанное выше объясняет неудачную попытку чтения легенды как *Gobozini*, предложенную автором настоящей статьи: H. Humbach, Baktrische Sprachdenkmäler, I, Wiesbaden, 1966, стр. 54. Правильное чтение *Gobozoko* можно, однако, найти в той же работе: II, Wiesbaden, 1967, Taf. 12.

[5] Б. И. Вайнберг, Некоторые вопросы..., стр. 138 и сл.

[6] R. Göbl, Dokumente..., I, стр. 199 (здесь даже отрицается возможность отождествления *Baxlo* с Балхом); II, стр. 38 и сл.

[7] Т. В. Грек, В. А. Лившиц, Двуязычная надпись из Кара-тепе,— «Кара-тепе III», стр. 118—121, фото — стр. 201, табл. XXIII.

телей, гласит: *Buddhaśira-ddharmakathikasya* «(Дар) Буддаширы, проповедника дхармы». Бактрийскую надпись предлагается читать *Boddo zb[i]o xobi* и переводить «(Дар) Будда[ширы], проповедника добродеяния». Таким образом, по мнению издателей, бактрийский текст примерно соответствует по содержанию санскритскому. Лившиц, следуя мнению известного иранист а В. Б. Хеннинга, предполагает, что конечное *i* в бактрийской надписи является флексией Gen. Sg., в отличие от более частого в бактрийских памятниках исхода на *-o*, служащего показателем Nom.-Acc. Sg.[8]. Наличие *-o* в *Boddo* при *-i* в *zb[i]o-xobi* (рассматриваемом как приложение к *Boddo*) Лившиц объясняет тем, что в надписи выступает групповая флексия, оформляющая целое словосочетание[9].

Следует прежде всего остановиться на некоторых вопросах, связанных с чтением надписи. В санскритской ее части, помимо необычного начертания *śi* в слове *Buddhaśira*[10], обращает на себя внимание форма конечного *-sya*. Судя по фрагменту санскритской надписи, опубликованной в «Кара-тепе I», рис. 44б, для *-sya* ожидалось бы обычное для данного периода начертание .

В двуязычной надписи, как можно видеть на фотографии, рассматриваемый знак напоминает скорее *su*, что позволяет считать возможным и чтение *Buddhaśi(?)ra-ddharmakathik[e]su*. Еще в большей мере мы должны довериться издателям в чтении конечного *-i* в бактрийской надписи: на фотографии этой буквы вообще не видно.

Однако, несмотря на эти оговорки и сомнения, чтения, предложенные издателями, могут быть приняты. Большего внимания заслуживают собственно лингвистические проблемы, прежде всего вопрос о том, может ли скр. *-asya* служить подтверждением правильности предложенной Хеннингом трактовки исходного бактр. *-i* как особой флексии Gen. Sg. Следует учитывать, что этот вывод может быть сделан лишь в случае, если санскритский и бактрийский тексты по содержанию действительно полностью соответствуют друг другу, как это полагают издатели.

---

[8] W. B. Henning, The Bactrian Inscription,— BSOAS, vol. XXIII, pt 1, 1960, стр. 52.

[9] Т. В. Грек, В. А. Лившиц, Двуязычная надпись, стр. 121.

[10] Чтение третьей акшары как *śi* основывается не столько на начертании (как о нем можно судить по опубликованной фотографии надписи), сколько на сопоставлении с именем собственным *Buddhaśira*, засвидетельствованным в других памятниках.

При рассмотрении этих вопросов следует привлечь двуязычную легенду на печати из Британского музея, которую опубликовал А. Бивар [11]. Как мне приходилось уже отмечать, на этой печати представлена, несомненно, настоящая билингва — за бактрийским *Framano* следует индийская версия (пракрит, письмом кхароштхи) *Vhramanasa* с окончанием Gen.Sg. *-asa*<*-asya* [12]. Индийский Gen. здесь выступает как соответствие бактрийской формы на *-o*. Грамматическая картина изменяется, таким образом, в корне: окончание *-o* может, очевидно, в таких случаях выступать по меньшей мере на равных правах с *-i*; это предположение подкрепляется регулярным употреблением форм с исходом на *-o* в именах собственных, засвидетельствованных в бактрийских надписях на печатях (геммах). Другие памятники бактрийского языка, относящиеся к более раннему периоду, содержат примеры сходного чередования *-i* и *-o*, причем более часто выступают формы на *-o*. Если даже согласиться с Хеннингом и считать, что бактр. *-i* восходит к древнеир. *-ahya* (Gen. Sg.), а бактр. *-o* к *-ah*/*-am*, то и в этом случае необходимо признать, что *-i* уже в начальный период известной нам по памятникам бактрийской письменной традиции совпало по функции с *-o*. Более того, мы вправе, очевидно в противоположность Хеннингу, предполагать, что бактр. *-i*, подобно согд. *-y* (Nom. Sg. легких основ), является закономерным продолжением древнеир. флексии Nom. Sg. Masc. *-ah*, тогда как бактр. *-o*, подобно согд. *-w*, восходит к древнеир. *-am*, флексии Acc. Sg. Masc. и Nom.-Acc. Sg. Neutr., употребление которой в бактрийском должно было значительно расшириться. Ключ к решению этого комплекса проблем можно попытаться найти, сопоставляя бактр. *kido*/*sido* «который/которое» с согд. *ky*/*čw*< <*kah*/**čam*.

Тождество функций бактр. *-i* и *-o* я пытался показать почти 15 лет назад в связи с анализом бактрийских монетных легенд. Напомню коротко еще раз о легенде монет Канишки. В полной форме эта легенда имеет такой вид: *Šaonano šao Kanēški Košano* «Царь царей, Канишка Кушан» [13]. Хеннинг, на авторитет которого ссылаются современные ученые, писал: «*Kanēški* on the coins should be a genitive». Такой вывод можно было бы сделать, и то с некоторыми натяжками, если бы

---

[11] Corpus inscriptionum iranicarum. Pt III, vol. VI, Seals and Coins. Plates. Portfolio I. Kushan and Kushano-Sasanian Coins: Sasanian Seals in the British Museum. Ed. by A. D. H. Bivar, London, 1968, pl. XXVII, 1.

[12] H. Humbach, Bactrian Seals,— MSS, Ht 25, 1969, стр. 72.

[13] H. Humbach, Die Kaniška-Inschrift von Surkh-Kotal, Wiesbaden, 1960, стр. 18.

существовал только усеченный тип легенды — *Šaonano šao Kanēški*, представленный на медных монетах [14].

Kanēški Košano обозначает не «Кушан Канишки», как следовало бы переводить, если строго придерживаться схемы грамматического анализа, предложенной Хеннингом, а, конечно, «Канишка Кушан». Этот естественный вывод нужно учитывать и при анализе сочетания *Kanēški namo-bargo,* выступающего в сурхкотальской надписи в конструкции *bagolaggo sido... Kanēški namo-bargo kirdo* (KIm 1 сл.). Хеннинг, не обратив должного внимания на древнеиранский прототип этой конструкции, предложил на выбор два ее толкования: либо *Kanēški* выступает в качестве генитивного агенса пассивной конструкции — «the sanctuary which... Kaniška made name-bearing (=to which he gave his name)» (точнее было бы «the sanctuary which was made name-bearing by... Kaniška»!), либо *Kanēški* выступает как Genitivus possessivus — «the sanctuary which was made bearing the name of... Kaniška». С точки зрения древнеиранского прототипа конструкции мне кажется более правильным перевод: «святилище, которое... создано благочестивым (*или*: прославленным) Канишкой». Для *namo-bargo-* возможно сопоставление с авест. *nəmō.bara-* «приносящий почитание» либо с н.-п. *nāmwar* «знаменитый»: бактр. *namo-bargo-*<**namah-bara(ka)-* или из **nāma-bara(ka)-* [15].

Если отказаться от признания тождества функций окончаний *-o* и *-i,* то придется видеть в сочетаниях *Kanēški Košano* и *Kanēški namo-bargo* изафетные конструкции, подобные той, которая, несомненно, выступает в сочетании *Mauo Kanēško i,* начинающем надпись на булле (Sig. 7) [16]. Однако формы *Ooēški : Ooēško : Ooēške,* которые на монетах Хувишки занимают ту же позицию, что *Kanēški* на монетах его предшественника [17], указывают, скорее, на то, что здесь в плане синхронии представлена фонетическая или, возможно, лишь графическая альтернация. В пользу такого понимания свидетельствует и альтернация *i : o : e* в исходе имен (и компонентов

[14] W. B. Henning, The Bactrian Inscription, стр. 52, прим. 7. Ошибка Хеннинга связана с греческой легендой, предшествующей по времени бактрийской и выступающей всегда в краткой форме *Basileus basileōn Kanēskou.* Однако эта легенда лишь показывает, что ее составитель плохо знал греческий язык.

[15] Бактр. *i bago šao Kanēški namo-bargo* можно сопоставить с н.-п. *šāh-i nāmwar* («Шах-наме»). В значении «давать имя» в «Шах-наме» употребляется *nām kardan,* например: *in ma-rā nām-i Rustam kunad Zālzar* (13 с 554).

[16] W. B. Henning, Surkh-Kotal und Kaniška,— ZDMG, Bd 115, H. 1, 1965, стр. 85 и сл.; H. Humbach, Bactrian Seals, стр. 66 и сл.; В. А. Лившиц, К открытию..., стр. 62 и сл.

[17] H. Humbach, Die Kaniška-Inschrift, стр. 40 и сл.; его же, Baktrische Sprachdenkmäler, I, стр. 42 (NumK 3).

сложных имен) в сурхкотальской надписи (KIm22 и сл.): *Borzomiiuro... Kozgaški-pouro... Astiloganseigi... Nokonziki karalragge* «Борзомихро, сын Козгашки, происходящий из Астилогāна, победоносный (?) маркграф» и *Miuramano... Borzomiuro-pouro* «Михрāмāно, сын Борзомихро». Как мне удалось установить еще в первых работах, посвященных бактрийским памятникам (эти работы страдают юношеской категоричностью), *-i* и *-e* выступают здесь в позиции после гуттуральных вместо более частого *-o* [18]. Это заключение основано на соображениях историко-фонетических. Позднее стали известны версии KIa и KIb сурхкотальской надписи Канишки и выяснилось, что в версии KIb окончание -i употребляется значительно шире, чем в KIm и KIa [19]. Это обстоятельство подкрепило в известной степени мой вывод о функциональном тождестве окончаний *-o* и *-i*, но в то же время показало, что выбор *-i* вместо *-o* мог зависеть от индивидуальных навыков писца и даже от колебаний в приемах обозначения исхода слова на протяжении одного и того же текста [20].

Мы должны в полной мере считаться и с историческими написаниями, раскрывающими первоначальную функцию графем. Так, окончание *-e,* которому Хеннинг приписывал функцию обозначения Nom.Acc.Pl., сохраняет четкое грамматическое значение только в оппозиции *bago* (KIm 1): *bage* (KIm 4, 15), где выступает специфический архаизм — *bago* «господин, Бог» принадлежит к устойчивому ядру религиозного словаря.

Колебания между исходами на *-o* и *-i* известны ныне и по памятникам Кара-тепе. Достаточно указать на сочетание *Ōromozdo o*[*d*]*o Miri* «Ормизд и Михр», чтение которого

---

[18] H. Humbach, Die Kaniška-Inschrift, стр. 40 и сл. Более точно этот вопрос рассмотрен в моей статье «Kara-Tepe — Tochi — Surch-Kotal», опубликованной в MSS, Ht 28, 1970, стр. 43—50 (русский перевод — «Кара-тепе III», стр. 122—128). Речь идет об определенном типе формуляра, и уже поэтому неправдоподобно предположение Хеннинга, который отделяет сочетание *Kozgaski-pouro* от *Miuro-pouro* и пишет: «*Kozgaski pouro* is 'K. 's son', not a compound proper». При сопоставлении с полным вариантом текста в KIm 22 и сл. (sic!) остается не вполне ясным, что́ имел в виду Хеннинг, когда он писал: «The forms in lines 22—23 were felt to be agens of the preceding transitive verbs, but the following *karalragge* owing to its remoteness was allowed the ending of the direct case» (The Bactrian Inscription, стр. 52, прим. 7).

[19] H. Humbach, Die neugefundenen Versionen der Kaniška-Inschrift,— WZKSO 6, 1962, стр. 40. Ср. список расхождений между версиями KIm, KIa и KIb, составленный на основе нового критического издания версий: Baktrische Sprachdenkmäler, I, стр. 88 и сл.

[20] Ср. об орфографических тенденциях в других иранских письменностях: H. Humbach, Beobachtungen zur Überlieferungsgeschichte des Awesta,— MSS, Ht 31, 1973, стр. 119 и сл.

установил Лившиц[21] для надписи Б-1 (IKTB 1, согласно принятым нами обозначениям)[22]. Для позднейших текстов я могу привести только пару *šauo : šaui* в монетной легенде *Sri... šauo* (NumH 206—208), *Srio šaui* (NumH 237), однако сходство с подобными альтернациями, рассмотренными выше, здесь чисто внешнее: *šaui* является лишь графическим сокращением (вызванным недостатком места) от *šauio*. Последняя форма засвидетельствована в более ранней, согласно Гёблю, эмиссии NumH 236: *Srio šauio*, причем такой вариант легенды более тесно связан с скр. *śri sahi* (NumH 208 и др.), нежели *Sri... šauo* (Гёбль, напротив, читает *Sri... šauo* более старым вариантом). Титул *šāhi* был уже в древности заимствован из парфянского в индийский. Исходное *-o* в *Srio šauio* является лишь чисто графическим сигналом конца слова. Это хорошо видно и в надписи на гемме — бактр. *Šonēo:* скр. *Soṇi* (Sig. 23)[23]. Чисто графическое *-o* отражено в санскритской передаче *vakhudivaḥ* (NumH 244 Av.) — транскрипции бактрийского сочетания *bago xoadēo* (произносилось βαγ *xudiv*)[24]. Таким образом, *-i*, в ранних памятниках чередующееся с *-o*, позднее, как правило, исчезает, заменяясь *-o*[25]. Сохранение *-i* можно наблюдать, судя по дошедшим до нас памятникам, в односложнике *mi* «мой, мне»<*mē*<*mai*. Кушанскому *kirdo mi* «мною сделанное» (I Pal., 2) соответствует *lado mi* «мною дано» (MB 5, 4)[26]. Однако поскольку *-i* и в поздних памятниках выступает, на первый взгляд, не в позиции Nom., также и в дву- и многосложных словах, следует считаться с возможностью обозначения с помощью *-i* суффикса. Именно так надо понимать оппозицию *bago : bagi* в трудной монетной легенде NumH 244 Rv. Если не по форме, то по крайней мере по значению эта оппозиция соответствует различию среднеперс. *xwadāy : xwadāyīh*. Можно поэтому предложить следующую

---

[21] «Кара-тепе II», стр. 205, рис. 19А; В. А. Лившиц, К открытию..., стр. 77 и сл.; иначе: J. Harmatta, The Bactrian Wall-inscriptions from Kara-Tepe,— «Кара-тепе II», стр. 83 и сл.

[22] См. Х. Хумбах, Кара-тепе — Точи — Сурх-Котал,— «Кара-тепе III», стр. 123, прим. 2.

[23] О чтении этой надписи см.: H. Humbach, Bactrian Seals, стр. 70.

[24] Baktrische Sprachdenkmäler, I, стр. 62.

[25] В «Baktrische Sprachdenkmäler», I, я неправильно разделил слова в поздних бактрийских памятниках и таким образом находил слишком много случаев исходного *-i*. См. об этом: I. Gershevitch, Baktrian Inscriptions and Manuscripts,— IF, Bd 72, Ht 1/2, 1967, стр. 37; В. А. Лившиц, К открытию..., стр. 72.

[26] Так уже H. Humbach, Kušān und Hephthaliten, München, 1961, стр. 37. От *mi* следует отличать *mo* (KIm 1 и др.), вопреки сказанному мною в «Kušān und Hephthaliten», стр. 37, и в «Baktrische Sprachdenkmäler», I, стр. 90.

попытку перевода легенды *Sri bago Adēbo* (?) *bagdoiggo* (?) *kagano so i bagi:* «(его) величество, господин *Adēbo*... сила его власти»[27].

III

Теперь мы должны возвратиться к бактр. *Boddo zb[i]o xobi* в надписи из Кара-тепе; в этом сочетании издатели надписи видят соответствие для скр. *Buddhaśira-ddharmakathikasya*. Можно задумываться над тем, следует ли рассматривать бактр. *Boddo* как сокращенное имя, соответствующее скр. *Buddhaśira*, или нет. Труднее согласиться с Лившицем, когда он толкует *xobi* как форму Gen. от бактрийского слова **xobo* «хорошее дело, дхарма». Хотя реконструируемое им *xobo* представлено в сочетании *xobo ašnēfindano* MB 7, 9, но значение его в этом сочетании вряд ли иное, чем среднеперс. прилагательного *hwp (xūb)*,ман.-согд. *xwp.*, будд.-согд. *γwp*, восходящего, как и *xobo* в MB, к авест. *huuapah-* «хорошо действующий, искусный»[28]. Субстантивное значение авест. *huuapah-* «хорошее дело», отмеченное в словаре Хр. Бартоломе наряду с адъективным[29], свойственно форме *h(a)uuapaŋhāiš* Y. 37.2, которую следует отделять от *huuapah-* и рассматривать как принадлежащую к *hauuapaŋha-*, субстантивированному производному («вриддхи») от *huuapah-*, такого же типа, как *haomaŋha-* от *humanah-*[30]. Если все же, несмотря на некоторые филологические тонкости, принять для бактр. *xobi* предлагаемое издателями значение «хорошее дело, дхар-

---

[27] *so* может быть редуцированной формой от предлога *aso* (<авест. *haca*), засвидетельствованного в Klm 5 и др. В *i*, следующем после этого предлога, можно видеть отражение авест. *hē* «его, ему», подобно *mi* из авест. *mē*. Ср. также *odoi*< авест. *uta hē*, засвидетельствованное в MB 4, 5, 7 (второй раз — в начале предложения). Существительное *bagi*, в связи с которым разбирается эта легенда, может восходить к **bagiya-*, срав. среднеперс. *-ih*, парф. *-yft* (например, в *bgyft*)<*-iyaθwa-* (?). О чтении легенды см. также: В. А. Лившиц, К открытию..., стр. 71.

[28] H. Humbach, Kušān und Hephthaliten, стр. 32; В. А. Лившиц, К открытию..., стр. 73. Согласно мнению Я. Харматты (J. Harmatta, The Great Bactrian Inscription,— AAASH., t. XII, 1964, стр. 457), *xobo* связано с согд. γwβw «царь», что также заслуживает внимания. Несостоятельно предложенное автором настоящей статьи (Die Kaniška-Inschrift, стр. 31 и сл.) отождествление бактр. *xobosaro* со среднеперс. *hwps'r* (*xūbsār*). Для первого см.: I. Gershevitch, The Well of Baghlan,— AM, NS, vol. XII, pt 1, 1966, стр. 101 и сл. (предложено членение *loix-obosaro*), для второго см.: W. B. Henning, [рец. на:] H. S. Nyberg, Hilfsbuch des Pehlevi, I—II, Uppsala, 1928—1931,— GGA 197, 1935, № 1, стр. 17 (среднеперс. *sār* <авест. *sarəδa-* «вид, образ», со специфически персидским фонетическим развитием).

[29] Chr. Bartholomae, Altiranisches Wörterbuch, Straßburg, 1904, стлб. 1847.

[30] J. Duchesne-Guillemin, Les composés de l'Avesta, Liège—Paris, 1936, стр. 190.

ма», то и в этом случае указанное слово нельзя трактовать как грамматическую форму (или фонетический либо графический вариант) от *xobo*. В *xobi* можно, скорее, видеть суффиксальное производное, значение которого должно быть близким среднеперс. *xūbih(hwpyh)*; по типу образования *xobi* примыкает к отмеченному выше бактр. *bagi* «сила, власть», *-i* здесь имеет особое грамматическое значение, отличное от обычного исходного *-i*. Предлагаемое толкование формы и значения *xóbi* лишь в некоторых деталях отличается от этимологии, которую выдвинул Лившиц.

Я готов полностью присоединиться к издателям надписи, связывающим *zb*[*i*]*o* с авест. основой презенса *zbaiia-* «звать». Некоторые сомнения у меня вызывает, однако, композита **zbio-xobio/o<zbayat-h°* «проповедующий хорошее дело» (≈*dharmakathika-*), которую хотят восстановить издатели. Компоненты *zb*[*i*]*o* и *xobi* написаны раздельно (с пробелом), что вряд ли можно считать случайностью. Однако еще более важен тот факт, что авест. *zbaiia-* имеет значение «звать», а не «проповедовать». Как правило, этот глагол в Авесте выступает с именем божества (объект), например: *maibiiō zbaiiā ašəm* «я зову к себе Ашу» (Y. 51, 1), *frauuašaiiō zbaiiemi* «я зову фравашей» (Y. 17, 18), *miθram... zbaiieiti auuaihe* «он призывает на помощь Митру» (Y. 10, 83). Учитывая это, можно прийти к выводу, что в *Boddo zb*[*i*]*o xobi* содержится обращенный к Будде призыв творить добро; такое толкование должно предполагать наличие очень примитивного отождествления Будды с неким божеством, дарующим помощь. В этом случае, естественно, нельзя говорить о каратепинской надписи как о билингве. Бактрийская ее часть была бы просто заклинанием, которое местные гончары нанесли на сосуд. Санскритская надпись, напротив, содержит имя ее автора — *Buddhaśira,* купившего сосуд и оставившего его в качестве священного дара в храме Қара-тепе[31].

---

[31] Точности ради следовало бы упомянуть и еще одну, весьма банальную возможность интерпретации: бактрийская надпись содержит контрольную отметку, относящуюся к сосуду или к его содержимому. Ср. контрольную отметку среднеперс. *hwp* «в порядке» на монетах, см.: H. Humbach, Zu den Legenden der hunnischen Münzen, Siegel und Kontermarken,— MSS, Ht 22, 1967, стр. 55 (Km 85).

В. В. Вертоградова

ОБ ОДНОЙ ИНДИЙСКОЙ НАДПИСИ НА СОСУДЕ ИЗ КАРА-ТЕПЕ

Во время раскопок 1972 г. на Кара-тепе (X-I) в наземной постройке, возведенной в комплексе Б над пещерным храмом П-II, был найден сосуд для жидкости с узким горлышком и ручкой, покрытый красным ангобом [1] (илл. 11).

На сосуде целиком сохранилась надпись, сделанная черной тушью в одну строку и опоясывающая нижнюю часть тулова (илл. 12—13). Надпись выполнена кушанским брахми. Текст надписи:

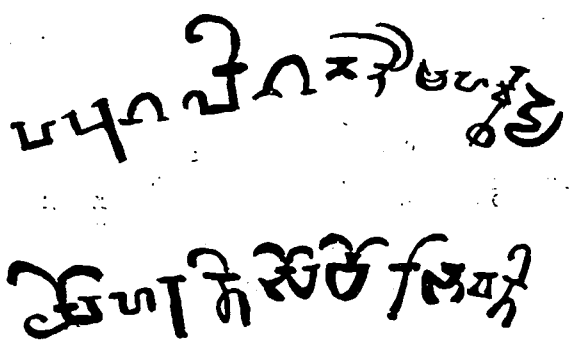

Рис. 16

Надпись читается так:

papugaliganana̱isa̱pacchedyayoharatisodhorebhavati

«Тот, кто различия между личностями, отсекая, устраняет, тот находится на переднем конце [пути]».

Перехожу к более подробному разбору надписи.

---

[1] Полевой шифр сосуда $\frac{\text{КТ—72}}{\text{X—1н—Т}}$; инв. номер Отдела Востока Эрмитажа А—1870.

papugaliga — «относящийся к личности, относящийся к „я“» есть прилагательное, образованное от существительного *puggala* — «отдельное существо, личность, индивид, „я“».

Форму *papugaliga* (по-видимому, в среднеиндийском произношении *papuggaliga*) можно объяснить либо как один из гибридных вариантов санскритизированной формы *paudgalika*[2] (с эпентезой *p*, ассимиляцией группы согласных и озвончением интервокального *k*), либо как результат преобразований среднеиндийской формы *paṭipuggalika*[3], засвидетельствованный в пали. В этом случае она создана вопреки фонологическим закономерностям среднеиндийских языков, для которых не свойственно ослабление и выпадение интервокальных церебральных.

Слово *puggala*[4] впервые появилось в среднеиндийский период и засвидетельствовано буддийской (пали: *puggala*) и джайнской (ардхамагадхи: *poggala* и *puggala*) традицией. В буддийском гибридном санскрите это слово известно в формах: *pudgala, paudgala* и *puṃgala,* откуда оно заимствовано в классический санскрит лишь около VI в. н. э. (впервые встречается у Варахамихиры). Самое раннее употребление слова puggala засвидетельствовано в палийских никаях, где оно значит: «отдельное существо, человек, индивид». Из гибридных санскритских текстов слово *pudgala* чаще всего встречается в Лалитавистаре и Саддхармапундарике в значении: «личность, индивид, эмпирическое „я“».

nana — «различный, разнообразный», соответствует палийскому и санскритскому *nāna*. Здесь употреблено в значении палийского *nānatta* (скр. *nānatva*) «различие, разнообразие».

Сочетание *papugaliga-nana,* очевидно, соответствует палийскому *puggala-nānatta* «различия между личностями», «различия между „я“», засвидетельствованному в древнем комментарии на Сутта-нипату[5]. (Ср.: «*api ca mayā ettha aññatitthiyāṇam parivāse puggalanānattam viditam*» — «И вот здесь при испытании еретиков я постиг различия между личностями».)

---

[2] Форма *paudgalika* известна в Махавасту (Mahāvastu, II, 123, 19) и в Дивьявадане (Divyāvadana, 342, 19).

[3] Dhammasaṅgaṇi, 1885, 1004.

[4] Заслуживают внимания две этимологии слова *puggala*. Одна из них возводит это слово к ведийскому *puṃs-* «самец», «мужчина» (см.: T. W. Rhys Davids, Pali-text-society Pali-english dictionary, вып. 5, стр. 85). Другая предложена П. Тадеско и возводит *puggala* к древнеинд. **pṛthak* «отдельный» через стадии: **puthakala, *putakala, *pudalala, *pudgala, *puggala* (P. Tadesco, Sanskrit pudgala «body, soul»,— JAOS, 1947, vol. 67, № 3, стр. 172—177). Употребление этого слова буддийской и джайнской традицией Тадеско считает свидетельством единого диалектного источника для пали и ардхамагадхи.

[5] Sutta-Nipāta Commentary, 436.

В самом тексте Сутта-нипаты[6] и в Самьютта-никае[7] в этом же значении обычно встречается выражение *puggala — vemattatā*.

eṣa — указательное местоимение им. пад., м. р., ед. ч. «этот».

pacchedya — деепричастие от глагола *pa+chid* — «рассекать, отсекать, класть конец». В пали этот глагол засвидетельствован в трех корневых морфемах: *chid-, chind-, ched-*. Форма *pacchedya* образована от основы *ched-* с элементом *-ya*, как обычно образуются деепричастия от глаголов, имеющих префикс. При этом по фонологическим законам среднеиндийских языков происходит удвоение начальной согласной фонемы корня (после префиксальной морфемы, оканчивающейся на гласную).

yo — относительное местоимение им. п., м. р., ед. ч. «который».

harati — 3-е лицо, ед. ч. настоящего времени от глагола *hṛ (harati)* «уносить, удалять, устранять».

so — указательное местоимение им. п., м. р., ед. ч. «тот».

dhore — местный падеж ед. ч. от существительного *dhora*. В такой форме это слово не засвидетельствовано ни в пали, ни в гибридном санскрите. Слово это восходит к ведийскому *dhúr* «дышло, передняя часть колесницы, упряжь» (ср.: хетт. *tur°*)[8]. Из этого технического термина развилось значение «внешняя часть, переднее место, почетное место», засвидетельствованное еще в Махабхарате в форме *dhura*.

В палийских текстах слово *dhura* употребляется и как прилагательное: *dhura-vata*[9] «лобовой ветер», и как существительное: *nāvāya-dhura*[10] «нос корабля», *magga-dhure ṭhātvā* «стоя на дальнем (другом) конце дороги»[11].

В буддийском санскрите это слово засвидетельствовано в форме *dhura* и *dhaura* (последняя форма является гиперсанскритизмом) и употребляется обычно как прилагательное в значении «лучший, превосходный».

В исследуемом тексте слово *dhora,* стоящее в местном падеже, ближе всего по смыслу палийскому *magga-dhure* и имеет значение «на другом (переднем) конце». По-видимому, в этой форме слово *dhora* было употребительным в некоторых разговорных языках Индии. Именно из подобного его упот-

---

[6] Sutta-Nipāta, 102.

[7] Samyutta-Nikāya, II, 200.

[8] M. Mayrhoffer, Kurzgefaßtes etymologisches Wörterbuch des Altindischen, Heidelberg, 1957, Lieferung 10, стр. 111; см. также: V. Pisani, Mélanges Boisacq, II, стр. 186.

[9] Jātaka, I, 100.

[10] Там же, III, 127; IV, 142.

[11] Там же, V, 458.

ребления в языке хинди развился послелог *dhore* со значением «впереди, перед».

bhavati — 3-е лицо, ед. ч., наст. вр. от глагола *bhū (bhavati)* «быть».

На основании всего сказанного можно заключить, что текст надписи составлен на смешанном искусственном языке, ориентированном на две нормы: среднеиндийскую и санскритскую, причем среднеиндийская модель доминирует над санскритской. Это проявляется прежде всего в фонологической структуре текста: ассимиляция групп согласных, озвончение интервокальных смычных, ассимиляция и упрощение начальных последовательностей согласных, удвоение начальной согласной корня после префиксальной морфемы.

Санскритская модель представлена в виде сандхи на стыке двух слов: *a+e>ai (nana+eṣa>nanaiṣa)*.

В области морфологии следует отметить вин. п. существительного *nana,* зависящий от глагола *pa+chid* и образованный без конечной носовой *m* — явление, характерное для гибридных санскритских текстов.

С точки зрения синтаксической структуры данный текст воспроизводит один из типов сложноподчиненного предложения с двумя местоимениями в придаточном предложении и одним — в главном (*yo eṣa — so*), с глаголом в личной форме, стоящим в конце предложения. Этот тип предложения известен в палийских текстах (*esa yo — so*) и в текстах махараштри.

Письменность брахми кушанского времени довольно однородна на всей территории Индии и соседних с ней областей. Однако слабая изученность палеографии брахми пока что не позволяет с достаточной точностью определить стратиграфию видов письма и конкретных знаков. Отдельные попытки связать написание некоторых знаков с определенным периодом, какие предприняла, например, в своей книге Лёхайзен де Леев [12], не кажутся убедительными.

В связи с этим сейчас представляется особенно важным дать общую палеографическую характеристику надписи с помощью некоторого количества признаков, которые являются наиболее существенными [13] (см. Палеографическую таблицу, рис. 17).

К числу таких признаков могут быть отнесены:

1) Форма «головки» буквенных знаков. В кушанское время над всеми вертикальными линиями знаков делали черточки. Они появились в письменности брахми в раннекушанское время и постепенно, благодаря повторному на-

[12] Lohuisen de Leew, van J. E., The «Scythian» Period, Leiden, 1949, стр. 234—321.

[13] A. H. Dani, Indian Paleography, Oxford, 1963, стр. 79—83.

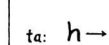
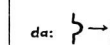
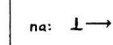
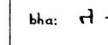
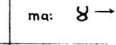
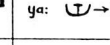
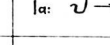
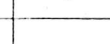
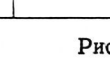
акшары		эволюция курсивных знаков брахми кушанского времени /по а.х.дани/.
надпись I	надпись II	
 ga	 gā	
 cche	 chi	
 ti	 tu	ta:
	 tha	
 dya	 ddya	da:
 dho		
 na nai	 na	na:
 pa pu	 pa	
 bha		bha:
	 ma	ma:
 yo	 ya	ya:
 li		la:
 ra re		
 va		
 ṣa		
 so		sa:
 ha		ha:

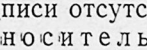
Рис. 17

несению, стали преобразовываться в различные формы: петли, треугольника, квадрата и пр.— всего более семи разновидностей[14]. Эти черточки помогали удерживать знаки на одной линии и способствовали их одинаковой ширине.

В надписи из Кара-тепе этот знак всюду представлен одной простой горизонтальной черточкой, которая наносилась на сосуд один раз.

2) Курсивность. Пристрастие к курсивным формам было в кушанский период одним из основных моментов, способствовавших изменению написания отдельных знаков. Надпись начинается торжественными строго вертикальными знаками, но к середине текста писец словно забывает о своем намерении и сбивается на курсивные знаки (*na, ṣa, pa*). Потом он как будто снова старается исправить положение. Результатом этого является сочетание в надписи разных написаний одного знака. Например, строгое угольное «*pa*» первых двух знаков сочетается с формой «*pa*» типа «кутила» (т. е. и).

3) Орнаментальность. Стремление к орнаментальности в надписи отсутствует.

4) Относительная продвинутость формы знаков. Не касаясь точных хронологических соответствий, мы знаем приблизительную эволюцию отдельных знаков брахми[15]. Для надписи в целом характерно отсутствие далеко продвинутых форм, засвидетельствованных в позднекушанских надписях, таких, например, как .

Все перечисленные здесь признаки в сочетании с общим характером письма — простотой и симметричностью знаков — позволяют предположительно датировать надпись II в. н. э.

* * *

В первых веках нашей эры среди школ буддизма продолжали идти споры о сущности идеального человека, на которого следует равняться, о сущности «святого».

Старый идеал — архат, с его идеей спасения только для

---

[14] Там же, стр. 80, fig. 8 (I, II).

[15] Там же, стр. 82, 87. W. F. Thomas, Brahmi Script in Central Asian Sanskrit Manuscripts,— «Asiatica», Leipzig, 1954; J. G. Buhler, Indische Paleographie, Strassburg, 1896, Taf. II, III, IV; J. Harmatta, The Oldest Brahmi Inscription in Innermost Asia,— «Acta Orientalia Academiae Hungaricae», Budapest, 1967, vol. XX, стр. 4—5.

себя, потерял былую привлекательность для части буддийских общин, мечтавших о расширении сангхи.

Новый идеал — бодхисаттва, также возникший среди школ раннего буддизма, постепенно утверждаясь, ознаменовал новый путь в буддизме, который сначала был назван путем бодхисаттвы (*bodhisattvayāna*), затем великим путем (*mahāyāna*) [16].

Воздвижение бодхисаттвы происходило в упорных диспутах с многочисленными сторонниками архатства.

Основное отличие нового идеала кроме иной конечной цели (наивысшего совершенного просветления и всезнания) состояло в том, что бодхисаттва должен был обладать способностью не только освободить себя, но и искать средства для освобождения других. Это свойство бодхисаттвы нашло свое выражение в провозглашении так называемой каруны (*karuṇā*). Каруна означает «сострадание», но это понятие одновременно и возвышается и включает в себя все другие качества бодхисаттвы: благожелательность, сопереживание в радости, беспристрастие. Знаменательно, что эти свойства, известные и по текстам раннего буддизма, приобретают первостепенное значение в утверждении идеала бодхисаттвы, а в поздних текстах махаяны каруна становится едва ли не самым важным признаком бодхисаттвы, ведущим к достижению наивысшего совершенного просветления.

«На протяжении кальп,— говорится в Джатакамале,— земля с ее горами и океанами сотни раз разрушалась водой, огнем и ветром. Но великая каруна бодхисаттвы пребывает вечно» [17].

При этом сторонники идеала бодхисаттвы не только воспевали каруну, но и пытались философски обосновать ее, обвинив своих оппонентов в нарушении основных теоретических положений буддизма. В первую очередь это касалось учения о пудгале — «личности» или «эмпирическом „я“», сложившегося в школах раннего буддизма. Во многих палийских сочинениях (Каттхаваттху, Милиндапаньха [18] и др.) приводится немало доказательств в пользу того, что «я» как субстанция

---

[16] Следует заметить, что слово *māhayāna* первоначально имело значение «Великий Путь», а не «Большая колесница», как обычно передают этот термин в большинстве советских и зарубежных исследований из-за тибетского соответствия *theg-pa* «колесница». Значение «колесница» было придано этому слову значительно позже, возможно, как считает Х. Дайал, под влиянием Саддхармапундарики с ее знаменитой притчей о трех колесницах. См.: H. Dayal, The Bodhisattva-doctrine in Buddhist Sanskrit Literature, London, 1932, стр. 321.

[17] Jātakamālā, 115.

[18] См. также: E. Konze, Buddhist Thought in India, London, 1962, стр. 127; E. Lamotte, Histoire du bouddhisme indien, Louvian, 1958, стр. 671.

не существует, а есть лишь обозначение некоторых наборов (скандх) безличных элементов (дхарм). Поэтому пудгала относится буддийскими сочинениями к числу так называемых мнимых истин (*sammutisacca*) в противоположность высшим истинам (*paramatthasacca*).

Следствием этой деперсонализующей концепции было стремление освободиться от чувства отдельности, отучить себя от таких понятий, как «я», «мое», не делать различий между собой и другими.

Но поскольку целью архата было достижение нирваны только для себя, сторонники нового идеала бодхисаттвы стали утверждать, что архат не стряхнул с себя привязанности к своему «я». Архат получает освобождение для себя, при этом другие оказываются лишенными его. В этом смысле архат делает различие между собой и другими, между своим «я» и «я» других существ и таким образом оказывается неспособным постичь великую истину о несуществовании субстанциального «я» [19].

Шатасахасрика Праджняпарамита, критикуя архатство, вкладывает в уста архатов такие слова: «Одно единственное собственное „я" мы усмирим, одно единственное „собственное я" мы умиротворим, одно единственное собственное „я" мы приведем в нирвану» [20].

Описывая идеал бодхисаттвы, Васубандху, сначала принадлежавший к школе вайбхашиков, а потом перешедший на позиции махаяны, говорит: «Бодхисаттвы силой привычки отбрасывают от себя те дхармы, которые составляют их собственное „я", не рассматривают больше эти дхармы как „я" или „мое", увеличивая сострадательную заботу о других, и готовы терпеть тысячу страданий ради этой заботы» [21].

Отсюда следует и провозглашение равенства себя и других (*parātmasamatā*), которое является основой доктрины *karuṇā* в ранней махаяне.

Противопоставляя архату идеал бодхисаттвы, Шатасахасрика Праджняпарамита говорит: «Не различием между живыми существами бодхисаттва-махасаттва выковывает свое оружие... Но бодхисаттва-махасаттва выковывает свое оружие ради всех живых существ» [22].

Теперь, возвращаясь к тексту на сосуде, можно утверждать, что этот текст направлен против идеала тхеравадинов (архата), который делает различие между собственным «я» и «я» других существ. В то же время текст провозглашает но-

---

[19] E. Konze, Buddhist Thought in India, стр. 211.
[20] Śatasāhasrikā-Prajñā-Pāramitā, 861.
[21] Vasubandhu, Abhidharmakosha, цит. по E. Konze, Buddhism, Oxford, 1951, стр. 126.
[22] Śatasāhasrikā-Prajñā-Pāramitā, 1299.

вый идеал бодхисаттвы, который, отсекая всякие различия между индивидами, помогает всем живым существам достичь освобождения.

Интересно заметить, что терминология палийских текстов (*papugaliganana*), которая встречается в первой части надписи, выбрана, по-видимому, для большей доказательности и философской обоснованности провозглашаемой доктрины, ибо для буддизма вообще характерно, что никакие новые положения никогда не считались противоположными первоначальному учению.

С другой стороны, слово *dhore* «на переднем конце», не засвидетельствованное в подобном контексте в других буддийских сочинениях, относится, видимо, к пути бодхисаттвы (*bodhisattvayāna*) и означает высший предел пути (т. е. способность достижения наивысшего совершенного просветления *anuthara-samyak-sambodhi* и всезнания *sarvajñāna*. Это слово шифрует *summum bonum* религиозной жизни и вполне может быть сопоставлено с другим труднопереводимым буддийским термином *tathāgata* «пришедший в таковость». Во всяком случае, слово *dhore*, возможно, ставшее терминологическим для какой-то части неизвестной нам буддийской литературы, хорошо вписывается в образную систему специфических терминов буддизма, связанных с понятием пути и движения по этому пути.

Можно думать, что во время составления текста среди монахов Кара-тепе был употребителен термин *bodhisattvayāna*, т. е. это была доктрина махаяны, постепенно утверждающая себя внутри хинаянских школ.

После всего сказанного можно дать окончательный перевод текста:

«Кто устраняет различия между собственным „я“ и „я“ других существ, тот достигает высшего предела пути».

В первом выпуске Кара-тепе среди надписей брахми Т. В. Грек была опубликована надпись на сосуде[23], которая, как мне кажется, имеет непосредственную связь с публикуемым здесь текстом.

Текст надписи см. на стр. 79.

Надпись читается так:

...gāyanamathapachiddyatu

«...тогда путь... пусть будет отвергнут».

---

[23] «Кара-тепе I», стр. 77 и рис. 45.

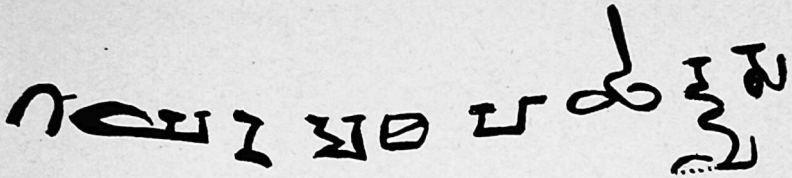

Рис. 18

...*gā* — конец слова[24]. Возможно, *gā* — результат среднеиндийского озвончения и соответствует санскритскому *kā-*.

yanam — им. п., ед. ч. от существительного *yana* «путь», соответствует палийскому и санскритскому *yāna*.

atha — союз «и, но, же, тогда».

pachiddyatu — 3-е л., ед. ч. повелит. наклонения, пассивного залога от глагола *pa+chid* «отсекать», «отвергать», «класть конец».

Теперь остается определить, какой же именно путь должен быть отвергнут.

Известно, что в буддийских текстах кроме пути бодхисаттвы (*bodhisattvayāna*) встречаются еще два термина, относящиеся к пути: *śravakayāna* путь шраваки и *pratyekabuddhayāna* путь пратьекабудды. Оба эти термина употребляются для обозначения идеалов «святого» низших уровней, довольствующегося уничтожением асав и нирваной, и противопоставляются высшему идеалу бодхисаттвы. Оба эти термина довольно ранние и встречаются уже в Аваданашатаке и Дивьявадане. При этом термин пратьекабудда, означающий потенциального будду, упоминается очень редко. Противопоставляются в основном два пути: путь шраваки и путь бодхисаттвы.

В более ранних текстах вместо шраваки обычно встречается термин «архат», в более поздних шравака постепенно вытесняет архата и термин «архат» совсем выходит из употребления[25].

Путь шраваков, который вел к достижению уровня шраваки (*śravakabhumi*), т. е. к спасению лишь самого себя, считался в махаяне низшим, второстепенным путем. Человек, достигший уровня шраваки, должен оставить этот путь и, вступив на путь бодхисаттвы, стремиться к наивысшему, совершенному просветлению.

Так, даже знаменитые ученики Будды, которые описывают-

[24] Долгота *ā* в конце этого слова, возможно, результат метрического удлинения. (Есть основания предполагать, что оба текста — метрические. Окончательное суждение об этом требует специального изучения.)

[25] H. Dayal, The Bodhisattva-doctrine in Buddhist Sanskrit Literature, стр. 10.

ся как архаты, должны идти дальше, стремясь достичь состояния бодхи [26].

Возвращаясь к надписи на сосуде, можно предположить, что из всех перечисленных видов пути единственный путь, название которого оканчивается на -ка (*-ga*) и который должен быть в конечном итоге отвергнут как не ведущий к абсолютному просветлению, есть путь шраваки *śravakayāna,* который равен архатству.

Таким образом, приведенный фрагмент текста может быть восстановлен следующим образом [27]:

...[*śrava*]*gāyanamathapachiddyatu*
...«тогда путь [шравак]ов пусть будет отвергнут».

Этот фрагмент представляет собой конец предложения. Можно думать, что начало предложения в той или иной форме выражает идеал человека, вступившего на высший путь.

Палеографически текст довольно близок к рассмотренному выше и может быть приблизительно датирован II—III вв. н. э.

Все здесь изложенное позволяет заключить, что в Каратепе жили одновременно монахи разных толков, как это часто бывало во многих буддийских монастырях Индии и Центральной Азии [28].

Основной и ведущей тенденцией было постепенное утверждение концепции махаяны, которое происходило прежде всего путем утверждения нового идеала бодхисаттвы и ниспровержения идеала тхеравадинов архата (или шраваки).

Отрицание старого идеала осуществлялось с помощью доказательств его теоретической несостоятельности, и можно думать, что вопрос о сущности «святого» был одной из главных тем бесед и диспутов, происходивших в вихарах Каратепе.

Два разобранных выше текста являются, по-видимому, выдержками из неизвестных нам буддийских сочинений. Какой именно школе принадлежали эти тексты, сказать затруднительно. Язык, на котором они составлены, представляет собой среднеиндийский диалект, слегка окрашенный присутствием санскритских форм. Метрическая основа таких текстов,

---

[26] Saddharmapundarīkaa, 71.

[27] Возможно, слово *śravaka* могло быть передано в виде *savaga* (с упрощением группы согласных).

[28] E. Lamotte, Sur la formation du Mahāyāna,— «Asiatica», Festschrift Weller, Leipzig, 1945, стр. 394—395; его же, Histoire de bouddhisme indien, Louvain, 1958, стр. 578; L. Dutt, Early History of the Spread of Buddhism and the Buddhist Schools, London, 1925, стр. 251—252.

как и вообще способ чтения, являются среднеиндийскими. Возможно, эти тексты принадлежали школе махасангхиков (непосредственных предшественников махаяны), присутствие которой в Кара-тепе засвидетельствовано в надписях кхароштхи[29]. Во всяком случае, нет достаточных оснований жестко связывать употребление определенного индийского алфавита и языка с какой-либо школой буддизма[30], а предписания, содержавшиеся на этот случай в некоторых древнеиндийских сочинениях, на деле не выполнялись.

Оба описанных сосуда из Кара-тепе имеют общую особенность. Надпись на каждом из них расположена на самой нижней части сосуда под линией, которой отделяется ангобированная поверхность, тогда как в вотивных сосудах надпись обычно располагается в средней части или ближе к верхнему краю.

Это позволяет говорить об особом виде сосуда, употреблявшегося буддистами Кара-тепе и неизвестного в Индии: с о с у д а с н а д п и с ь ю-п о у ч е н и е м. Появление такого типа сосуда было вызвано, по-видимому, теми специфическими трудностями, с которыми столкнулась буддийская община Кара-тепе и которые потребовали особой активности сторонников нового идеала в проповеди своего учения.

---

[29] «Кара-тепе II», стр. 34, надпись № 2.
[30] E. L a m o t t e, Histoire du bouddhisme indien, стр. 614.

С. Б. Певзнер

АРАБСКИЕ НАДПИСИ-ГРАФФИТИ ИЗ КАРА-ТЕПЕ

Еще при первых обследованиях комплекса Б на стенках пещерного храма были обнаружены процарапанные арабским шрифтом надписи. В 1973 г. они впервые были подвергнуты специальному рассмотрению.

В течение долгого времени пещеры использовались как чиллахана. Многочисленные посетители, проводившие там время отшельничества и покаяния, покрыли стены вертикальными и косыми чертами, отмечая дни уединения и поста. Эти черты зачастую перекрывают надписи, затрудняя их чтение. Кроме того, надписи повредило во многих случаях также нормальное выветривание. Большая часть надписей располагается в южном коридоре храма, на южной стене, начиная почти от входа, на северной — за восточным коридором. Есть надписи и на восточной стене восточного коридора. Очень плохо сохранившаяся надпись находится около входа в святилище с внутренней стороны. Надо отметить, что многочисленные современные посетители немало повредили сохранности надписей. Оставляя свои фамилии, даты посещения и пр., написанные «аршинными» буквами, современные посетители сделали нечитаемыми многие более старые надписи. Некоторые из них, чтобы увековечить свое имя, специально затирали поверхность. Так погибла, например, одна надпись, еще несколько лет назад, по-видимому, поддававшаяся чтению, судя по неудачной фотографии.

Осуждая этих современных посетителей, следует отметить, что характер старых надписей не отличается от сделанных в последние годы. Видимо, душа «туриста» сотни лет назад не отличалась от современной — подавляющая часть надписей представляет имена посетителей пещеры, к сожалению, отсутствуют даты посещения. А поскольку граффити зачастую процарапаны палочкой или вырезаны ножом на поверхности песчаника или даже штукатурки рукой не очень привычного к писанию человека, более или менее точная палеографическая датировка их представляется затруднительной.

Необходимо отметить, что даже самый процесс обнаружения надписей на стенах пещер довольно сложен. Не отличаясь по цвету от стен, они видны только при определенном напряжении зрения. При изменении освещения некоторые полностью сливаются со стеной. Поэтому те надписи, которые здесь будут опубликованы, составляют только часть лучше всего различимых и при этом поддающихся чтению надписей. К сожалению, фотофиксация надписей оказалась неудачной, поэтому публикуются их копии, протертые мягким карандашом по бумаге. При этом выломы поверхности, черточки, пересекающие надписи, и тому подобное при воспроизведении не показаны [1].

Хотя, как указывалось выше, точная палеографическая датировка надписей затруднительна, некоторые надписи позволяют по шрифту более или менее определенную датировку. Наиболее выразительны в этом отношении четыре надписи на северной стене южного коридора.

1. ابو بركة — Выполнена четким, выработанным *куфи* привычной рукой. *Каф* растянут, что характерно для куфических почерков VIII—X вв. (рис. 19).

2. ابو بكر — выполнена твердой рукой привычного к писанию человека. Тесно поставленные буквы, длинные опущенные под строку концы *уа̄ и ра̄* и высокий *алиф* создают впечатление легкости, свойственной куфи — X—XII вв. (рис. 20).

3. بكر — написано той же, по-видимому, рукой, что предыдущая надпись. «Абӯ» не сохранилось из-за разрушения поверхности стены справа от надписи (рис. 21).

4. (؟)القاسم صرح [2] — почерк, близкий двум предыдущим надписям с длинными подстрочными концами *ма̄м, ра̄,* буквы типа *ха̄*. Характерно написание *каф* в среднем положении в виде ромбика на ножке, а также отогнутый вправо нижний конец *алифа*. Примерная датировка представляется в пределах X—XII вв. (рис. 22).

Видимо, ко времени не позднее XII в. может быть отнесено еще несколько надписей, однако их почерк менее выразителен. Процарапавшие их люди или были менее привычны к писанию, или приложили меньше старания.

5. نصر[ا] — на той же стене. *Алиф* разрушен. Нижний конец *ра̄* попал на часть стены с росписью и не сохранился при снятии ее со стены. Сильно растянутая по горизонтали, эта надпись по почерку сопоставима с надписью 1, однако она дает слишком мало материала для датировки (рис. 23).

[1] Эти копии выполнены мною с помощью сотрудницы экспедиции Т. И. Смирновой.

[2] Здесь и далее в случаях, когда расстановка диакритических знаков неясна, после соответствующего слова поставлен вопросительный знак.

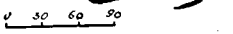

Рис. 19

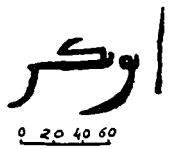

Рис. 20

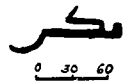

Рис. 21

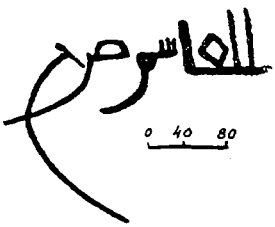

Рис. 22

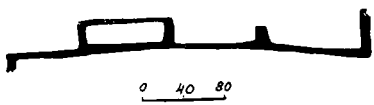

Рис. 23

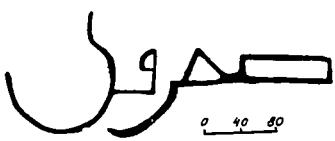

Рис. 24

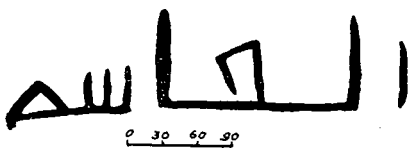

Рис. 25

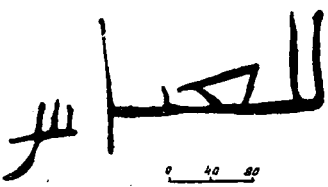

Рис. 26

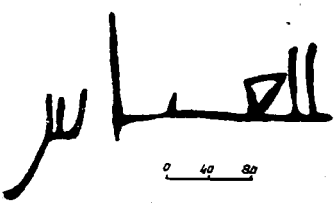

Рис. 27

6. (؟) قلى (؟) صفر — по характеру почерка близка к предыдущей. Второе слово этой надписи пересечено несколькими вертикальными и наклонными чертами. Над концом *йā* переплетение черт, как будто подражающее буквам (рис. 24).

7. القاسم — нижний конец *мӣм* разрушен при снятии части стены с росписью. Буквы крупные, почерк неустоявшийся (рис. 25).

Следует отметить, что определенную «старообразность» придают надписям сами материал и техника выполнения надписей: на песчанике труднее процарапать кривые линии, особенно недлинные, чем прямые. Этим может объясняться угловатость букв. Поэтому последняя надпись, так же как и следующие,— на южной стене южного коридора — едва ли может быть определенно отнесена к X—XII вв., хотя эта датировка и возможна. В определенной степени против ранней датировки этой и четырех следующих надписей говорит их расположение в верхней части стен.

8. العباس (рис. 26); 9. العباس (рис. 27) — выделенный нижний конец связанного вправо *алифа* мог бы свидетельствовать о ранней датировке, если бы не техника нанесения надписи, при которой трудно точно ограничить размах руки при процарапывании линии. В этом отношении показательны излишняя протяженность горизонтальной линии *сӣн* в надписи 8, а также свойственный очень многим надписям горизонтальный конец линии, соединяющий *алиф* с *лӣм* в определенном артикле.

10. (؟) القسم الرمى — написана с ошибкой: в имени القاسم пропущен *алиф*. Почерк неустоявшийся, близкий к двум предыдущим надписям (рис. 28).

11. سميعل[ا] — написана с ошибкой: не обозначен *алиф* в начале и перепутаны местами *ʿайн* и *йā* в имени اسمعيل (*алиф* после *мӣм* часто не пишется, предполагается вертикальная *фатҳа*). Почерк аккуратный, однако недостаточно выразительный для датировки (рис. 29).

На северной стене восточного коридора находится еще одна надпись, которая, по-видимому, должна датироваться XII в.

12. (؟) احمد بن شمس — почерк неустойчивый. Третье слово производит впечатление написанного *насҳом*, однако форма *дāл* исключает возможность поздней датировки (рис. 30). Именно форма этой буквы не позволяет ранней датировки двух надписей на той же стене восточного коридора и на южной стене южного коридора, написанных весьма угловатым и старообразным почерком.

13. ديوانه (؟) دمسس — обращает на себя внимание, что эта

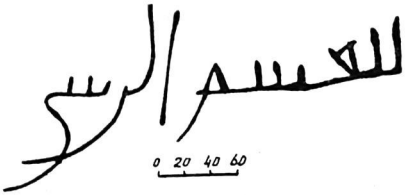

Рис. 28

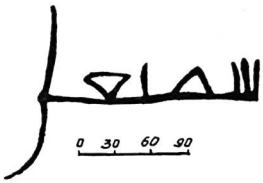

Рис. 29

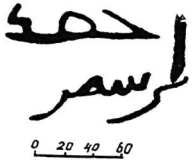

Рис. 30

Рис. 31

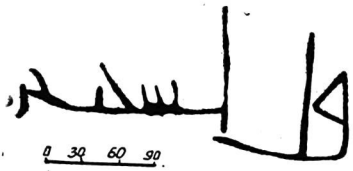

Рис. 32

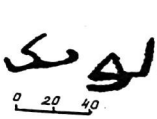

Рис. 33

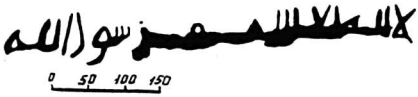

Рис. 34

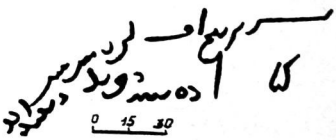

Рис. 35.

надпись написана не по-арабски, однако допустимо предположение, что второе слово приписано позднее: едва ли кто-нибудь сам себя определил бы как دیوانه «сумасшедший», «юродивый» (рис. 31).

14. اسکندر (?) قل — написана очень неустойчивым почерком в самой верхней части стены (рис. 32).

15. بو کر — несмотря на угловатость первого слова, форма *кāф* указывает на позднюю датировку надписи. Она располагается также на самом верху стены, собственно, уже в нижней части свода (рис. 33).

Единственная из всех обследованных пока надписей арабской графикой, содержащая не имя, расположена в западном конце северной стены восточного коридора.

16. لا اله الا الله محمد رسول الله — эта формула исповедания веры очень плохо сохранилась. Все буквы и части букв, находящиеся на строке, сбиты сплошной горизонтальной выбоиной (за исключением первого и последних двух слов), так что о почерке судить невозможно (рис. 34).

Безусловно поздней является надпись 17 на своде около северной стены южного коридора, чуть дальше места ответвления восточного коридора. Прочесть ее полностью пока не удается. По-видимому, в ней могут быть прочтены несколько числительных на языке фарси-дари ده سه دو یك (в середине нижняя строка), может быть پنج (в верхней строке в середине) (рис. 35).

Для нескольких надписей я пока не могу предложить удовлетворительного чтения. К ним принадлежит надпись около входа в святилище, а также надпись (единственная, которая пока обнаружена) из комплекса В.

Обследование надписей позволяет на этом этапе сделать только вывод, касающийся судьбы пещерного храма после того, как он был заброшен. По-видимому, в X—XII вв. вход в южный и восточный коридоры был открыт и пол южного коридора за местом ответвления восточного коридора не был засыпан. Надписи 2 и 3 расположены низко, так что могли быть процарапаны сидящим на полу человеком, надписи 1 и 4 находятся на уровне руки стоящего на полу человека. То же относится к надписи 12 в восточном коридоре. Поздние надписи 14, 15, 17 находятся на большой высоте и могли быть написаны только человеком, стоящим на завале большой толщины. Если бы надписи давали возможность более точной датировки, они могли бы позволить проследить рост завала в южном коридоре, однако пока это сделать не удалось.

Н. С. Сычева

КЕРАМИКА КАРА-ТЕПЕ

Настоящая работа посвящена исследованию керамики буддийского культового центра Кара-тепе. В нашем распоряжении была керамика из раскопок 1962, 1965—1973 гг. Материалы из раскопок 1937 г. при исследовании не учитывались.

Керамику обычно считают массовым материалом. И это верно, когда речь идет о находках в поселениях. Керамику, найденную в раскопанных помещениях Кара-тепе, можно назвать массовым материалом лишь по отношению к другим находкам в этом памятнике. По сравнению с городищами на Кара-тепе керамика встречается редко, преимущественно в завалах. Напольная керамика насчитывает лишь несколько сотен фрагментов и единичные целые сосуды. Такая малочисленность керамики объясняется, видимо, спецификой памятника, главные помещения которого не были жилыми.

Основная масса керамики происходит из первой и второй группы помещений[1] и распределяется внутри, как показано в таблице.

Кроме перечисленных в таблице 33 сосудов было найдено два целых сосуда в боковой комнате пещерного храма П-I комплекса А и немногочисленные фрагменты керамики в других частях первой группы помещений.

Вся керамика Кара-тепе сделана на гончарном круге и по цвету глины делится на желтоглиняную и сероглиняную. Тесто, как правило, хорошо промешано и обожжено. Большая часть сосудов (частично или целиком) покрыта ангобом. Наиболее распространенный цвет ангоба — красный, но встречается серый, малиновый (красновато-коричневый) и желтый ангоб. Есть и неангобированная посуда.

[1] Данные об условном обозначении комплексов см. в статье Б. Я. Ставиского и Л. К. Сергеевой в настоящем сборнике, стр. 11, 13.

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ КЕРАМИЧЕСКИХ НАХОДОК ПО ОБЪЕКТАМ РАСКОПОК

Первая группа помещений

	Комплекс А				Комплекс Б	
	Святилище храма П-1	Пещерная келья	«Свалка» на заднем дворе	Келья наземного храма	Пещерная келья	Наземное помещение
Фрагменты	62	—	201	—	818	—
Целые сосуды	18	3	—	2	3	1

Вторая группа помещений

	Комплекс В			
	Пещера I	Пещера II	Пещера III	Пещера IV
Фрагменты	377	—	—	—
Целые сосуды	—	—	—	2

Постройка близ вершины холма

	Помещение Х-1	Помещение Х-4
Фрагменты	27	—
Целые сосуды	2	2

1. Керамика из комплекса А первой группы помещений

Вся керамика из этого комплекса (ангобированная и неангобированная) сделана на гончарном круге из желтой глины.

Святилище храма П-I. Как уже отмечалось в материалах экспедиции[2], вход в пещерный храм П-I был заложен после некоторого периода запустения, за время которого на полу храма образовался слой надувного песка, достигающий у входа в храм толщины 70 *см,* а вдали от входа — 1—5 *см.* На этом слое были совершены захоронения, от которых сохранилось около 20 костяков. Среди сопровождавшего их погребального инвентаря всего было найдено 18 целых сосудов, сосредоточенных в основном в святилище храма П-I.

[2] Б. Я. Ставиский, Итоги раскопок Кара-тепе в 1965—1969 гг.,— «Кара-тепе III», стр. 51.

Вместе с этими сосудами было обнаружено 26 монет, 10 из них определяются как монеты Варахрана I[3]. Таким образом, целая посуда, найденная в храме П-I (точнее, в святилище), связывается с захоронениями, совершенными в этом помещении. Кроме целых сосудов на полу святилища был найден фрагментарный материал.

Среди целых форм наиболее распространенной является одноручный кувшин. В святилище найдено семь целых одноручных кувшинов:

1) Кувшин с грушевидным туловом на невысоком слегка выемчатом поддоне с чуть отогнутым утолщенным овальным венчиком. По шейке сосуда нанесено легкое рифление. Сосуд снаружи почти целиком покрыт красным ангобом с вертикальным полосчатым лощением. Ручка плоско-выпуклая крепится на шейке и тулове. Размеры сосуда: высота — 22,5 *см*, диаметр венчика — 6,1 *см*, диаметр тулова — 12 *см*, диаметр дна — 5 *см* (рис. 36, 6) [4].

2) Кувшин с грушевидным туловом на плоском низком поддоне. Чуть отогнутый утолщенный овальный венчик профилирован одной бороздкой снаружи. Плоско-выпуклая ручка крепится под венчиком. Снаружи кувшин почти целиком покрыт красным ангобом с вертикальным полосчатым лощением. Размеры: 25,5 *см*, 8 *см*, 12 *см*, 5,5 *см* (рис. 37, 4) [5].

3) Невысокий одноручный кувшин на плоском поддоне с туловом яйцевидной формы. Вертикально стоящий венчик профилирован снаружи и скошен внутрь. Плоско-выпуклая ручка крепится одним концом под венчиком, другим — к тулову сосуда. Кувшин снаружи покрыт почти целиком красным ангобом, по которому нанесено вертикальное полосчатое лощение. Размеры: 15,5 *см*, 5 *см*, 10 *см*, 4,5 *см* (рис. 36, 1) [6].

4) Кувшин с яйцевидным туловом на плоском поддоне. Вертикально стоящий венчик профилирован снаружи, скошен внутрь и профилирован. Плоско-выпуклая ручка заканчивается в нижней части «хвостатым» удлинением. Снаружи две трети кувшина покрывает красный ангоб с вертикальным полосчатым лощением. Размеры: 20,5 *см*, 8 *см*, 13,3 *см*, 5,5 *см* (рис. 36, 8) [7].

5) Кувшин с яйцевидным туловом аналогичный предыду-

---

[3] [По уточненным данным, определяются семь найденных здесь монет: одна — Хормизда (правил, по В. Г. Луконину, до Варахрана I — с 381 до 384 г.), а шесть — с именем Варахрана. Эти уточнения не меняют, однако, заключения о возможной датировке захоронений.— *Ред.*].

[4] Сосуд хранится в ГМИНВ, № 23500 кп.

[5] Хранится в ГМИНВ, № 23501 кп.

[6] Хранится в ГМИНВ, № 23502 кп.

[7] Хранится в ГМИНВ, № 23503 кп.

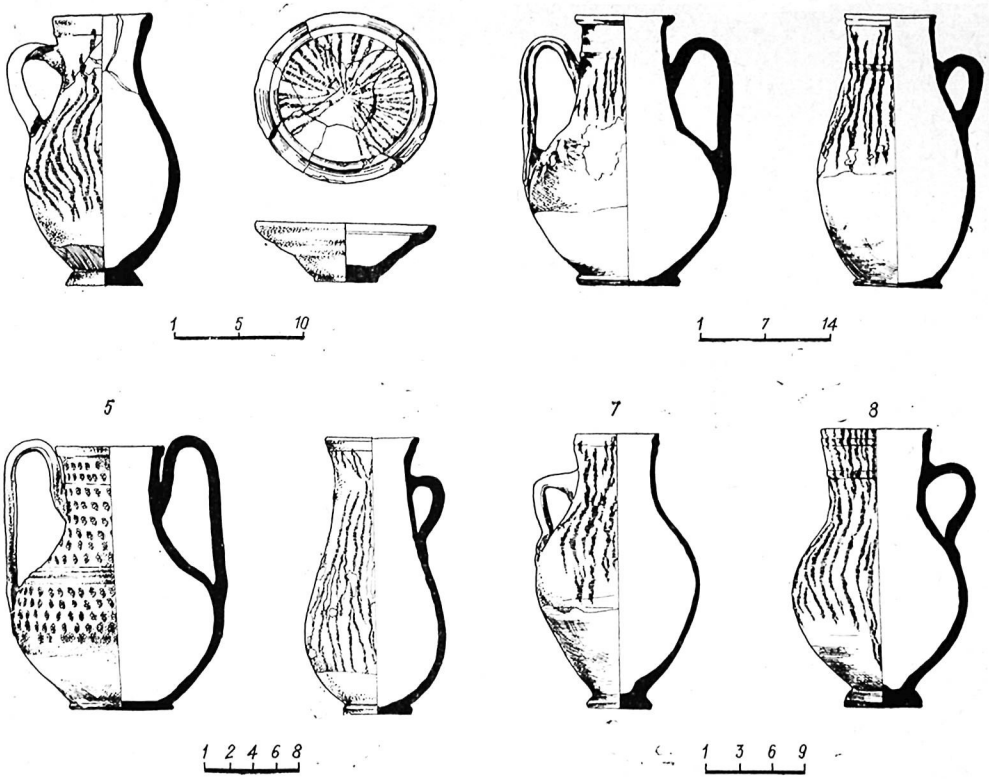

Рис. 36

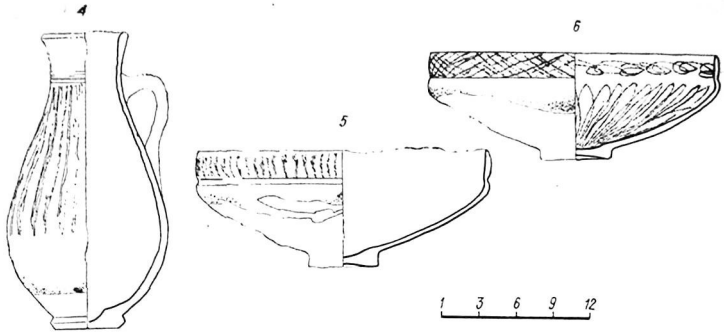

Рис. 37

щему, но с потеками ангоба по тулову. Размеры: 23 *см*, 9 *см*, 13 *см*, 5,2 *см* (рис. 36, 7) [8].

6) Кувшин с яйцевидным туловом на плоском низком поддоне с вертикально стоящим профилированным снаружи венчиком, скошенным внутрь. Снаружи две трети сосуда покрывает красный ангоб с вертикальным полосчатым лощением. Размеры: 23,6 *см*, 7,3 *см*, 14,2 *см*, 5 *см* [9] (илл. 18а).

7) Кувшин с грушевидным туловом, с широким горлом и прямостоящим венчиком, скошенным внутрь. Горло и венчик профилированы неглубокими бороздками. Снаружи кувшин частично покрыт красным ангобом. Размеры: 30 *см*, 8 *см*, 16,5 *см*, 9 *см* (рис. 36, 4) [10].

К одноручным можно отнести фрагменты кувшина, от которого сохранилась нижняя часть, стенки, горло, дно и ручка. Характер ангобирования, лощение такие же, как у всех кувшинов, описанных выше. Важно отметить, что на кувшине нет потеков ангоба и ручка без «хвоста» [11] (илл. 18в).

Кроме одноручных кувшинов в святилище найдено пять двуручных:

1) Кувшин с шаровидным туловом, высоким горлом и вертикально стоящим подквадратным в сечении венчиком. Ручки, профилированные снаружи четырьмя продольными бороздками, верхним концом крепятся под венчиком, а нижним — к тулову. Венчик, горло и верхняя часть тулова украшены четко профилированными рельефными горизонтальными бороздками. Снаружи две трети кувшина покрывает красный ангоб, по которому под венчиком на горле нанесено зигзагообразное, а на нижней части горла и тулове —

[8] Хранится в ГМИНВ, № 23505 кп.
[9] Хранится в ГМИНВ, № 23504 кп.
[10] Хранится в ГМИНВ, № 23506 кп.
[11] Хранится в ГМИНВ, № 23499 кп.

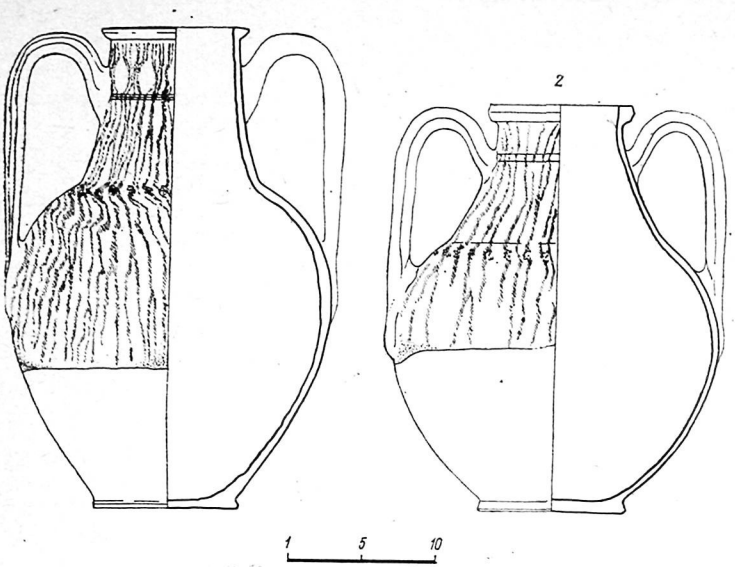

Рис. 38

вертикальное полосчатое лощение. Размеры: 24 *см*, 9 *см*, 17 *см*, 9 *см* [12] (илл. 18б).

2) Кувшин, аналогичный предыдущему, но с подчетырехугольным выступающим венчиком. Верхняя часть ручек, профилированных снаружи широкой продольной ложбинкой, выше венчика сосуда. Горло и тулово по ангобу украшены мелким цветочным штампом. Размеры: 22,5 *см*, 9 *см*, 19 *см*, 8,8 *см* (рис. 36,5) [13].

3) Кувшин с шаровидным туловом на плоском низком поддоне с высоким горлом и выступающим подчетырехугольным в сечении венчиком. Ручки, профилированные снаружи двумя продольными бороздками, верхним концом крепятся к средней части горла, а нижним — к тулову. Снаружи две трети кувшина покрывает красный ангоб с вертикальным полосчатым лощением. Размеры: 28,5 *см*, 10 *см*, 19,5 *см*, 10 *см* (рис. 36, 3) [14].

4) Кувшин, аналогичный предыдущему. По верхнему краю тулова нанесен в один ряд небрежно оттиснутый мелкий цветочный штамп. Размеры: 32,5 *см*, 9,8 *см*, 21,5 *см*, 10 *см* (рис. 38, 2) [15].

[12] Хранится в ГМИНВ, № 23498 кп.
[13] Хранится в ГМИНВ, № 23497 кп.
[14] Хранится в ГМИНВ, № 23496 кп.
[15] Хранится в ГМИНВ, № 23494 кп.

5) Кувшин, аналогичный предыдущему. Размеры: 31 *см*, 8 *см*, 20 *см*, 10 *см* (рис. 38,1) [16].

Среди целых форм керамики в святилище найдены четыре тарелочки:

1) Тарелочка тонкостенная, на невысоком плоском поддоне с вертикально стоящим скругленным венчиком и характерным перегибом в месте перехода от венчика к тулову. Изнутри покрыта красным ангобом, стекающим снаружи потеками. Внутри тарелочка украшена ромбическим лощением. Размеры: высота — 6 *см*, диаметр по венчику — 22 *см*, диаметр дна — 4 *см* [17].

2) Вторая тарелочка той же формы, но с выемчатым поддоном; полосчатое лощение нанесено по бортику снаружи. Размеры: 6,8 *см*, 17 *см*, 4 *см* [18].

3) Тарелочка той же формы с выемчатым поддоном. Снаружи венчик украшен мелким ромбическим лощением, изнутри — фигурным арочным. Дно тарелочки и стенки изнутри покрыты лощением в виде 42-лепестковой розетки. Размеры: 7,1 *см*, 17,8 *см*, 3,9 *см* (рис. 37, 6) [19].

4) Тарелочка, аналогичная предыдущей, но изнутри без лощения, снаружи бортик украшен зигзагообразным лощением. Размеры: 6,9 *см*, 16,5 *см*, 5 *см* (рис. 37, 5) [20].

Кроме целых тарелочек найдены многочисленные фрагменты их венчиков и донец, повторяющих описанные выше формы. Восстанавливаются две тарелочки с диаметром по венчику: одна — 16 *см*, другая — 18 *см*. Обнаруженные донца имеют выемчатый поддон.

Найдена также одна чашечка на плоском поддоне с прямыми расходящимися стенками. Венчик чуть отогнут и профилирован изнутри. С обеих сторон чашечка покрыта красным ангобом, по которому внутри нанесено радиально расходящееся полосчатое лощение. Размеры: высота — 4,2 *см*, диаметр по венчику — 12,6 *см*, диаметр дна — 4,4 *см* (рис. 36, 2) [21].

Кроме целых и фрагментированных сосудов, которые надежно связываются с захоронением, на полу святилища были найдены отдельные фрагменты, среди которых преобладают стенки сосудов, покрытые чаще всего малиновым ангобом с полосчатым лощением.

Пещерная келья храма П-I. Керамика из данного помеще-

---

[16] Хранится в ГМИНВ, № 23495 кп.

[17] Хранится в фондах ГМИНВ, № $\frac{\text{Т—68 К—7}}{\text{Асв.—19}}$.

[18] Хранится в фондах ГМИНВ, № 23491 кп.

[19] Хранится в фондах ГМИНВ, № 23493 кп.

[20] Хранится в фондах ГМИНВ, № 23492 кп.

[21] Хранится в фондах ГМИНВ, № 23490 кп.

ния представлена тремя одноручными кувшинами. Эти сосуды были найдены рядом с костяком и так же, как целые формы в святилище храма П-I, связаны с захоронением.

1) Кувшин с туловом яйцевидной формы на плоском низком поддоне. Вертикально стоящий венчик профилирован снаружи. Плоско-выпуклая ручка крепится верхним концом под венчиком, а нижним — к тулову. На «хвосте» ручки небольшая вмятина от пальца. Кувшин снаружи почти целиком покрыт красным ангобом, по которому нанесено вертикальное полосчатое лощение. Размеры: высота — 16 *см*, диаметр по венчику — 5,6 *см*, диаметр тулова — 9 *см*, диаметр дна — 3,8 *см* (рис. 39, 3) [22].

2) Кувшин с яйцевидной формой тулова, с плоским дисковидным поддоном и прямостоящим скругленным венчиком, профилированным снаружи. Часть кувшина с внешней стороны и венчик изнутри покрыты красным ангобом, по которому нанесено вертикальное полосчатое лощение. Размеры: 22,8 *см*, 8,5 *см*, 16,5 *см*, 5,8 *см* (рис. 39, 1) [23].

3) Невысокий одноручный кувшин с туловом грушевидной формы на плоском низком поддоне. Венчик чуть отогнутый, утолщенный овальный в сечении. Ручка плоско-выпуклая, одним концом крепится под венчиком, другим — к тулову кувшина, причем нижняя часть ее заканчивается характерным хвостатым удлинением (так называемая хвостатая ручка). Кувшин снаружи почти целиком покрыт красным ангобом, по которому нанесено вертикальное полосчатое лощение. Размеры: 15,8 *см*, 5,5 *см*, 9 *см*, 4,4 *см* (рис. 39, 2) [24].

Келья наземного храма. Найденная здесь керамика лежала на полу кельи, она состоит из ножек бокалов, фрагментов толстостенного хума и обломков тонкостенных ангобированных и лощеных сосудов. Целых сосудов сохранилось только два:

1) Горшочек шаровидной формы с отогнутым округленным венчиком, который с двух сторон покрывался красным ангобом, стекающим по тулову неровными потеками. Размеры: 12,5 *см*, 6 *см*, 9 *см*, 6 *см* [25].

2) Горшочек шаровидной формы на невысоком плоском поддоне с двумя плоско-выпуклыми ручками, заканчивающимися «хвостатым» удлинением. Венчик подчетырехугольный, вертикально стоящий. На «хвосте» ручек вмятина от пальца. Венчик с двух сторон покрыт красным ангобом с неровными потеками, стекающими по тулову. Размеры: 9 *см*, 7,8 *см*, 8 *см*, 3,7 *см* [26].

[22] Сосуд хранится в Гос. Эрмитаже, № А-1635.
[23] Сосуд хранится в Гос. Эрмитаже, № А-1633.
[24] Сосуд хранится в Гос. Эрмитаже, № А-1634.
[25] См. «Кара-тепе I», рис. 38 Б.
[26] См. «Кара-тепе I», рис. 38 А.

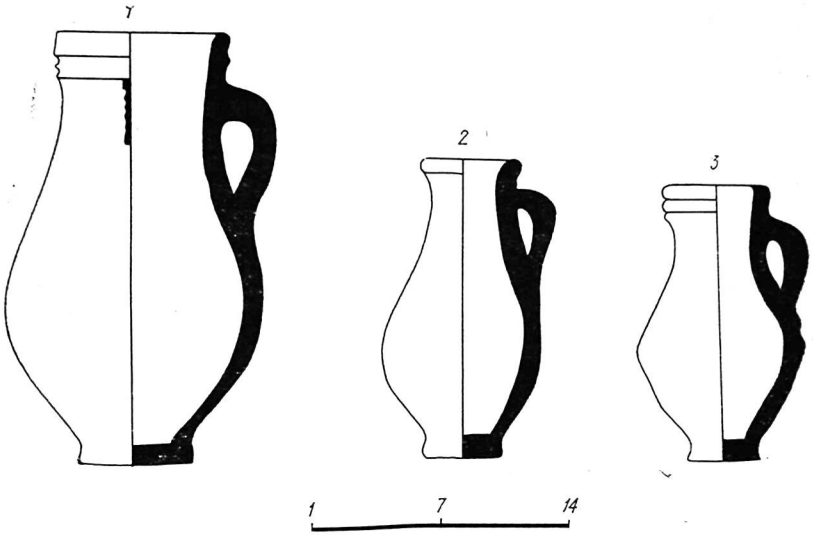

Рис. 39

«Свалка» на заднем дворе. Ассортимент керамики богаче, чем в святилище и келье храма П-I [27]. Здесь встречаются большие тагоры, миски, кувшины, горшки, хумы. Вся керамика из «свалки» сделана из желтой глины и делится на ангобированную и неангобированную.

Ангобированная керамика. Значительную часть ангобированной керамики представляют тагоры. Это открытые сосуды с прямыми расходящимися стенками и широким устьем. Диаметр их колеблется от 30 до 52 *см*. При абсолютной стабильности формы тагоры значительно варьируют в оформлении венчика. Наиболее характерными являются тагоры с округлым иногда чуть отогнутым наружу венчиком, образованным утолщением верхней части стенки. Внутренняя грань венчика профилирована одной-двумя горизонтальными бороздками. Край тагор в двух местах загибался внутрь и придавливался пальцем. Диаметр по венчику — от 36 до 45 *см* [№ 50, 51, 375, 95, 96] (рис. 40, 8—11; рис. 41, 1—3, 5, 6).

Сравнительно часто встречаются тагоры с «листовидным» вытянутым приостренным вверху венчиком, профилированным

[27] Коллекция керамики из «свалки» хранится в ГМИНВ; шифр Т—62 К—Т Ас. з. д. (далее номера фрагментов указаны в тексте в квадратных скобках).

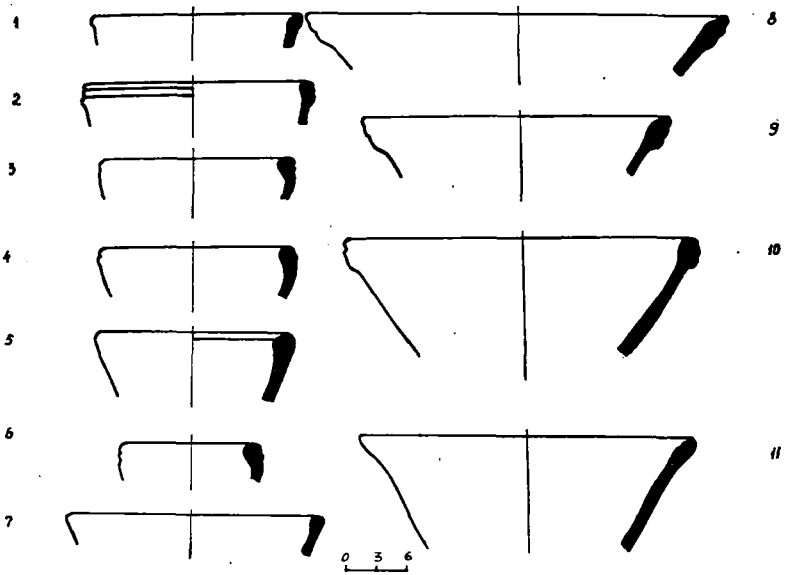

Рис. 40

снаружи двумя бороздками. Диаметр по венчику — от 34 до 45 *см* [№ 86, 83] (рис. 40, 8, 9). Реже встречаются тагоры с венчиком подчетырехугольного и подтреугольного сечения с профилировкой наружней грани. Чаще всего такие тагоры покрыты красным ангобом. Диаметр по венчику — 36—38 *см* и 42—44 *см* [№ 400, 81] (рис. 40, 10 и рис. 42, 4).

За тагорами по количеству следуют миски с округлой формой тулова. По толщине стенок они делятся на толстостенные и тонкостенные. Толстостенные миски, как правило, имеют округлые расходящиеся кверху стенки толщиной 0,7—1,5 *см*. Диаметр колеблется от 16 до 24 *см*.

Одна из самых частых находок — миски с чуть загнутым внутрь округлым массивным венчиком, профилированным снаружи одной-двумя горизонтальными бороздками, под которыми иногда прочерчена волнистая линия. Венчик с обеих сторон покрыт красно-коричневым ангобом. Диаметр по венчику — от 14 до 22 *см* [№ 93, 525, 527, 519, 520] (рис. 40, 3, 6). Менее значительную часть составляют миски, заканчивающиеся в верхней части скошенной внутрь стенкой. По скошенной части и снаружи миску украшают неглубокие бороздки. Изнутри миски (и снаружи венчик) покрыты красным или желтым ангобом. Диаметр по венчику — 20—21 *см* [№ 515] (рис. 40, 1). Встречаются также миски с утол-

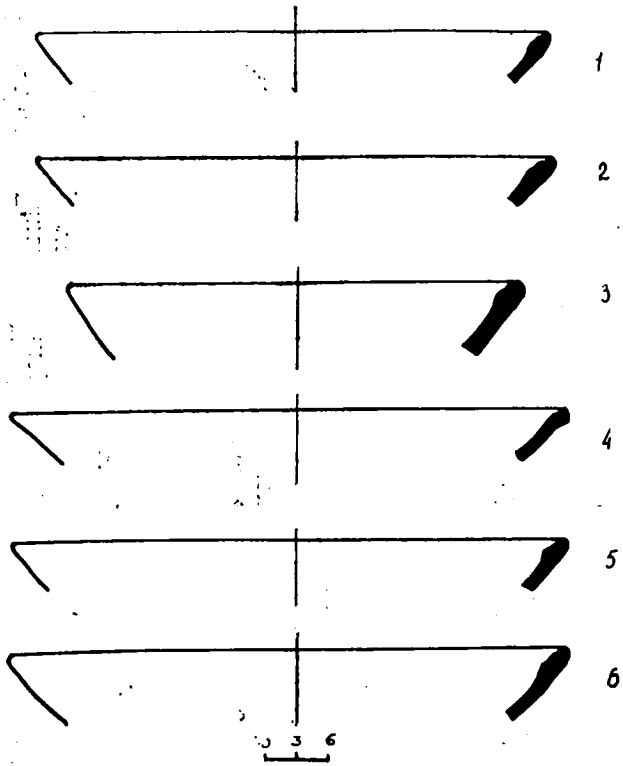

Рис. 41

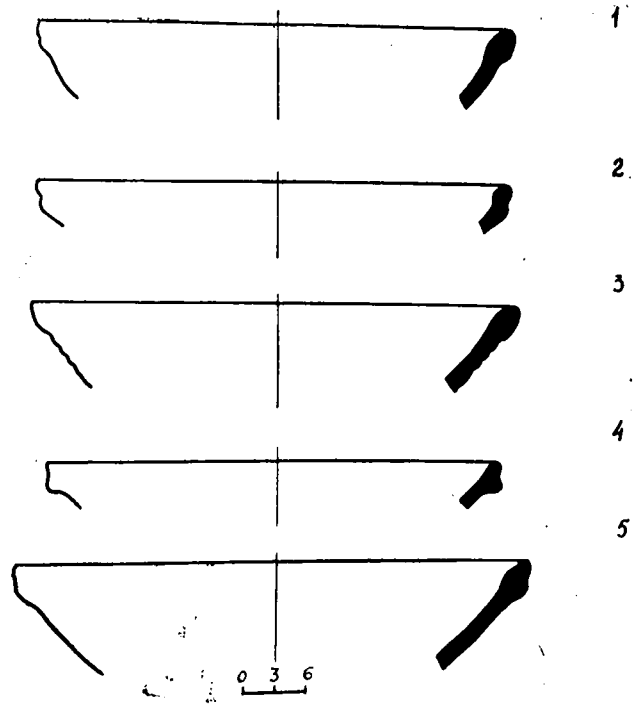

Рис. 42.

щенным венчиком и с уплощенной и оттянутой наружу верхней гранью. Венчик с двух сторон покрыт красным ангобом. Диаметр по венчику — 21—25 *см* [№ 18, 18а] (рис. 40, 7 и рис. 43, 7). Единичными образцами представлены миски с вертикально вытянутым манжетообразным венчиком подчетырехугольной формы. Снаружи и изнутри венчик покрыт красным ангобом. Диаметр по венчику — 16—18 *см* [№ 393] (рис. 43, 9). Редки также миски с утолщенным в верхней части массивным венчиком, по верхней грани которого проведены две параллельные бороздки. С двух сторон миски покрыты красным ангобом. Диаметр по венчику — 20 *см* (рис. 40, 5).

Тонкостенные миски имеют округлые, чуть выпуклые стенки толщиной 0,3—0,5 *см*. Диаметр — от 12 до 26 *см*.

В большинстве миски имеют приостренный, чуть загнутый внутрь край. Иногда с наружной стороны они обработаны полосчатым лощением. Такие миски с обеих сторон покрывает желтый или красный ангоб. Диаметр по венчику — 12—14 *см* [№ 494, 462, 37] (рис. 43, 1, 13). Неоднократно встречаются миски с вертикально стоящей скругленной вверху стенкой. Край миски с обеих сторон покрыт красным ангобом. Снаружи венчик профилирован бороздкой. Диаметр по венчику — 18 *см*. Разновидностью этих мисок являются миски с венчиком, имеющим внутреннюю профилировку. Изнутри такие миски покрыты красным агнобом. Диаметр по венчику — 16—18 *см* [№ 35, 36, 38] (рис. 43, 10, 11). Реже встречаются миски с загнутым внутрь краем стенки. Такие миски обычно с двух сторон покрыты красным ангобом. Диаметр по венчику — от 16 до 24 *см* (рис. 43, 4).

Третий вид посуды из «свалки» — кувшины. Они имели невысокое вогнутое горло, переходящее в покатые плечики. Судя по очертаниям верхней части, кувшины относились либо к яйцевидным, либо к шаровидным.

Наиболее часты кувшины с вертикально стоящим скругленным в верхней части венчиком, наружная грань которого профилирована двумя горизонтальными бороздками. Венчики этих кувшинов с обеих сторон покрыты красным ангобом. Диаметр по венчику — 9—12 *см* (рис. 44, 14, 17). Также распространены кувшины с вертикально стоящим оттянутым наружу венчиком, профилированным изнутри бороздкой, образующей уступ, предназначавшийся для крышки. Кувшины покрыты красным ангобом. Диаметр по венчику — 6—8 *см* [№ 396, 20] (рис. 44, 25). Разновидностью этих кувшинов являются кувшины с отогнутым венчиком с профилированной верхней площадкой. Такие кувшины с обеих сторон покрыты красным ангобом. Диаметр по венчику — 10—12 *см* [№ 41] (рис. 44, 23, 24). Кроме того, в «свалке» были обнаружены кувшины с вертикально стоящим подчетырехугольным в се-

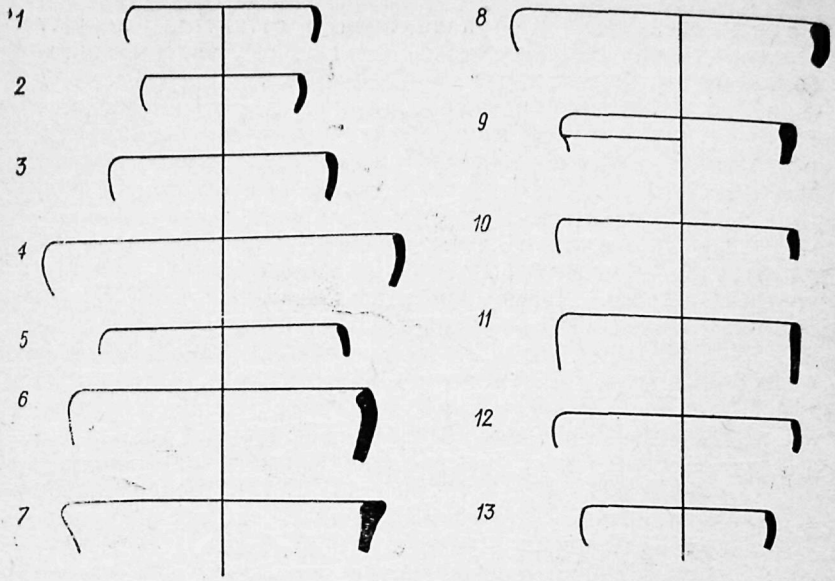

Рис. 43

чении венчиком, профилированным снаружи. Венчик с двух сторон покрыт красным ангобом. Иногда ангоб снаружи стекает неровными потеками. Диаметр по венчику — 12 *см* [№ 370, 451, 452, 455] (рис. 44, 16, 17].

Вид посуды, который не встречается ни в святилище, ни в келье П-I, представляют горшки с раздутым туловом. Это либо горшки с вертикально стоящим утолщенным венчиком, профилированным снаружи двумя бороздками, покрытые красным ангобом с диаметром 14—16 *см* [№ 47, 49] (рис.44, 14, 31), либо горшки с подчетырехугольным выступающим венчиком, профилированным снаружи двумя горизонтальными бороздками, покрытые малиновым ангобом с диаметром 20—22 *см* [№ 397] (рис. 44, 15).

Наиболее просто моделированы горшки с вертикально стоящим или отогнутым скругленным венчиком. Такие горшки покрыты снаружи желтым ангобом. Диаметр по венчику — 13—20 *см* [№ 16, 13а, 13б] (рис. 44, 18, 20, 21).

Кроме того, в «свалке» найдены фрагменты единичных сосудов[28]:

1) Два фрагмента энохои с волнистым венчиком. Ангоб в одном случае малиновый, в другом — красный. На сосуде

[28] Снять профили этих сосудов не удалось из-за большого количества сколов.

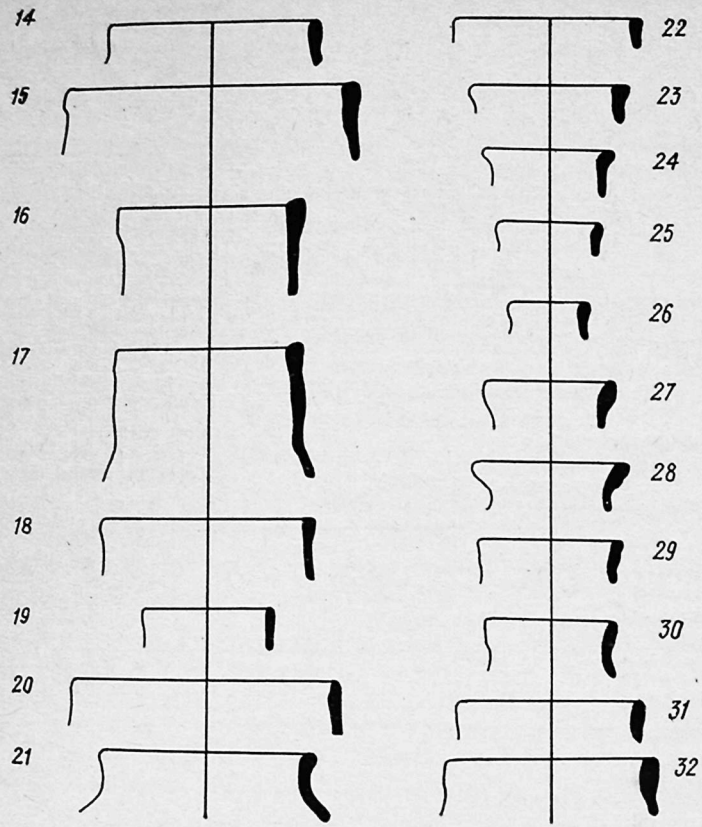

Рис. 44

с малиновым ангобом нанесено вертикальное полосчатое лощение.

2) Сосуды с узким длинным горлом. Венчик отогнут наружу и нависает над туловом. Ангоб малиновый. Найдено девять горлышек таких сосудов, но венчики утрачены и форму восстановить, к сожалению, невозможно.

3) Хум с оттянутым венчиком овального сечения. С наружной стороны хум покрыт бледно-желтым ангобом.

В «свалке» кроме венчиков было найдено несколько ручек (восемь экземпляров). Пять из них имеют хвостатое удлинение на конце, две ручки без «хвоста» и одна широкая пластинчатая ручка с продольным рифлением на спинке. Помимо этого в «свалке» найдено большое количество стенок сосудов, судя по которым посуда из «свалки» была украшена ромбическим сетчатым, фигурным арочным, волнистым и вертикаль-

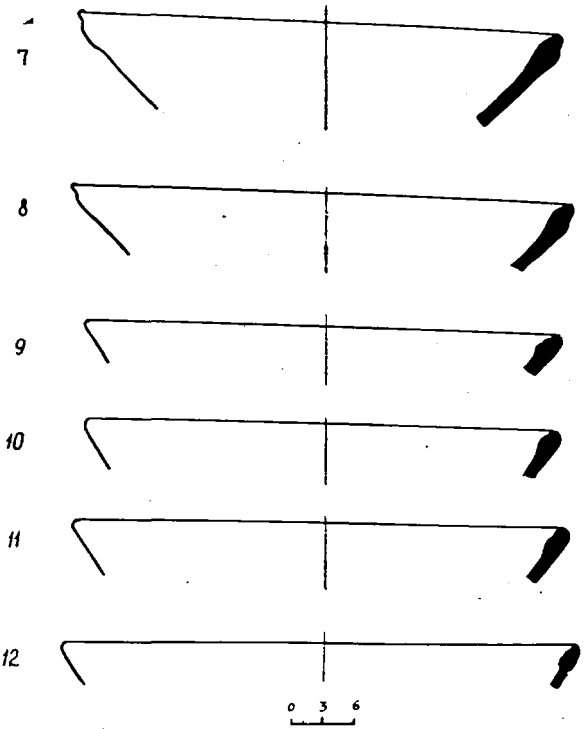

Рис. 45

ным полосчатым лощением. Иногда лощеный орнамент сочетался с прочерченным.

Неангобированная керамика. Неангобированной посуды в «свалке» сравнительно мало. Так же как и в ангобированной, здесь преобладают тагоры. Это прежде всего тагоры с приостренным «листовидным» профилированным снаружи венчиком. Диаметр по венчику — 44—50 *см* [№ 79, 82, 88, 446] (рис. 45, 7, 8). Единичным образцом представлены тагоры со скошенным внутрь венчиком и широким валиком по тулову. Диаметр по венчику — 44 *см* [№ 83] (рис. 42, 2).

Неангобированные миски только толстостенные. Это миски с чуть загнутым округлым массивным венчиком, профилированным снаружи, с диаметром 22 *см* [№ 45, 46] (рис. 40, 4) и миски с вертикально стоящим манжетообразным венчиком подчетырехугольной формы, профилированным снаружи двумя горизонтальными бороздками с диаметром 22 *см* [№ 17] (рис. 40. 2).

Кувшины и горшки:

1) Кувшин с выступающим венчиком подчетырехугольного сечения, профилированным снаружи едва заметными бороздками. Диаметр по венчику — 6 *см* [№ 11, 12] (рис. 44, 26).

2) Горшок с вертикально стоящим утолщенным венчиком, скругленным и профилированным снаружи двумя горизонтальными бороздками. Диаметр по венчику — 12 *см* [№ 13] (рис. 44, 22).

Разные помещения.

Из комплекса А происходит еще несколько сосудов. Два из них были найдены в боковой комнате пещерного храма П-I. Это сосуды, сделанные из желтой глины, тесто хорошо промешано и обожжено. Снаружи они частично покрыты красным ангобом.

1) Миниатюрный кувшин с двумя плоско-выпуклыми ручками, прикрепленными одним концом к тулову, а другим — к горлу. Горло вогнутое, профилированное снаружи. Венчик слабо отогнут, верхняя грань его уплощена и профилирована неглубокой бороздкой. Шарообразное тулово плавно сужается книзу, переходя в невысокий плоский поддон. Весь сосуд снаружи и венчик изнутри покрыты красным ангобом с вертикальным полосчатым лощением. Диаметр венчика — 7,2 *см*, диаметр дна — 3,8 *см*, высота — 13 *см* [29].

2) Миниатюрный сосуд с носиком и плоско-выпуклой ручкой на невысоком плоском поддоне. Верхняя часть сосуда снаружи наполовину и венчик изнутри покрыты красным ангобом. Диаметр венчика — 3,2 *см*, диаметр дна — 3,4 *см*, высота — 3,8 *см* [30].

3) Миниатюрный горшочек с шаровидным туловом и плоско-выпуклой ручкой. Венчик сосуда вертикально стоящий округленный, слегка профилированный снаружи. Сосуд наполовину снаружи и венчик изнутри покрыты красным ангобом. Диаметр венчика — 8,6 *см*, диаметр дна — 4,6 *см*, высота — 13,5 *см* [31].

Известно, что фрагменты этого сосуда были найдены частично в северном обводном коридоре храма П-I, а частично во дворе комплекса А. Во дворе были найдены также многочисленные фрагменты трех составляющихся тарелочек той же формы, что и в святилище храма П-II. Изнутри и частично снаружи их покрывает красный ангоб, поверх которого изнутри нанесено сетчатое ромбическое лощение (см. «Кара-тепе I», рис. 34).

---

[29] Сосуд хранится в Гос. Эрмитаже, № А-1666.
[30] Сосуд хранится в Гос. Эрмитаже, № А-1668.
[31] Сосуд хранится в Гос. Эрмитаже, № А-1667.

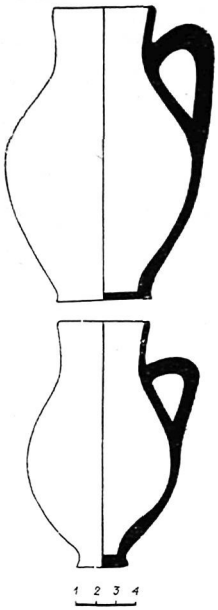

Рис. 46

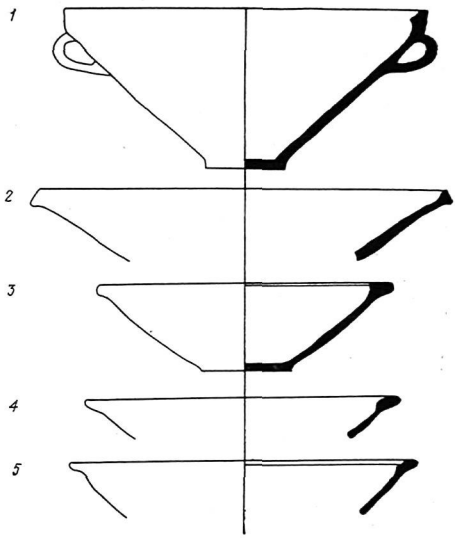

Рис. 47

II. Керамика из комплекса Б первой группы помещений

Большая часть керамики из комплекса Б происходит из пещерной кельи храма П-2 и двора.

Пещерная келья храма П-2. Как уже не раз отмечалось в материалах экспедиции, вход в келью был замурован[32]. На полу кельи, представляющей собой две соединяющиеся комнаты с разными уровнями полов, при раскопках была обнаружена свалка керамики, состоящая в основном из фрагментов, которая была засыпана слоем битого кирпича и сырцовых плиток. Поверх этого слоя на свалке был обнаружен костяк человека, а на суфе лежали на боку два желтоглиняных кувшина, связанные, по-видимому, с захоронением:

1) Кувшин яйцевидной формы на плоском дисковидном поддоне с вертикально стоящим скругленным венчиком, профилированным снаружи и изнутри бороздками. Ручка плосковыпуклая с едва заметным «хвостатым» удлинением на кон-

[32] Б. Я. Ставиский, Основные итоги раскопок Кара-тепе в 1963—1964 гг.,— «Кара-тепе II», стр. 15; его же, Итоги раскопок Кара-тепе в 1965—1969 гг.,— «Кара-тепе III», стр. 24.

це. Горловина невысокая цилиндрическая. Верх кувшина снаружи на две трети покрывает красный ангоб, поверх которого нанесено вертикальное полосчатое лощение. Диаметр венчика — 8,2 *см*, диаметр дна — 4,8 *см*, высота — 21,6 *см* (рис. 46, 2; илл. 19б) [33].

2) Кувшин яйцевидной формы с широким дном, ручка без «хвоста», ангоб спускается по тулову неровными потеками. Размеры: 9,2 *см*, 8,8 *см*, 27,8 *см* (рис. 46, 1; илл. 19а) [34].

Фрагментарный материал из «свалки» кельи весьма однообразен — это тагоры и кувшины [35]. Всю керамику по цвету глины можно разделить на желтоглиняную и сероглиняную. Желтоглиняная количественно преобладает. Вся желтоглиняная керамика, в свою очередь, делится на ангобированную и неангобированную посуду. Среди ангобированной большую часть составляют тагоры, диаметр устья которых колеблется от 30 до 50 *см*.

Как и в комплексе А, самыми распространенными здесь были тагоры с расходящимися прямыми, утолщенными вверху стенками, образующими отогнутый наружу венчик, профилированный изнутри бороздками. Эти тагоры, по-видимому, не имели ручек. Их заменяли пальцевые вдавления по венчику. Край тагоры в двух местах загибался внутрь и придавливался пальцем. Иногда на край тагор накладывался дополнительно жгут и также придавливался пальцем. Тагоры изнутри и край их снаружи покрывались коричневато-красным ангобом, причем, как правило, очень аккуратно. Если же ангоб наносился небрежно, то по тулову он спускался неровными потеками (рис. 47, 4).

По-видимому, нанесение ангоба на эти сосуды производилось следующим образом. Жидкий ангоб наливался внутрь тагоры, а затем мастер, вращая сосуд, наклонял его под разными углами, так что ангоб покрывал всю поверхность. Затем ангоб выливался, и в него обмакивался только край перевернутой вверх дном чаши. Таким образом ангоб окрашивал край сосуда снаружи. Если тагора сушилась перевернутой, то граница ангоба была четкой, если же ставилась на донце, то ангоб спускался по тулову потеками.

Также распространены тагоры с так называемым листовидным венчиком. Они имеют плоское дно и две пластинчатые петлевидные ручки, под которыми прочерчена волнистая линия. Одна из тагор украшена изнутри так называемым сетчатым лощением в виде пересекающихся полос. Ангоб красновато-коричневый без потеков. Диаметр по венчику — 44—

[33] Сосуд хранится в Эрмитаже, № А-1775.
[34] Сосуд хранится в Эрмитаже, № А-1774.
[35] Весь фрагментарный материал из кельи хранится в ГМИНВ.

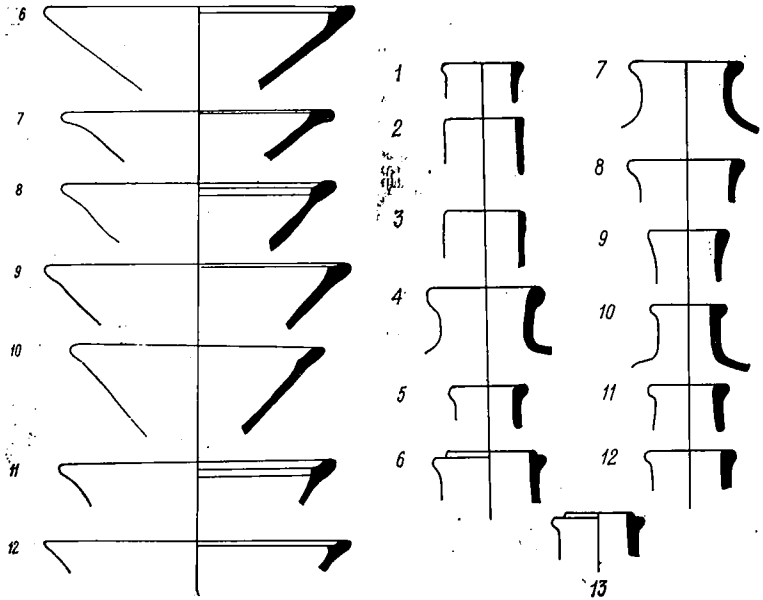

Рис. 48

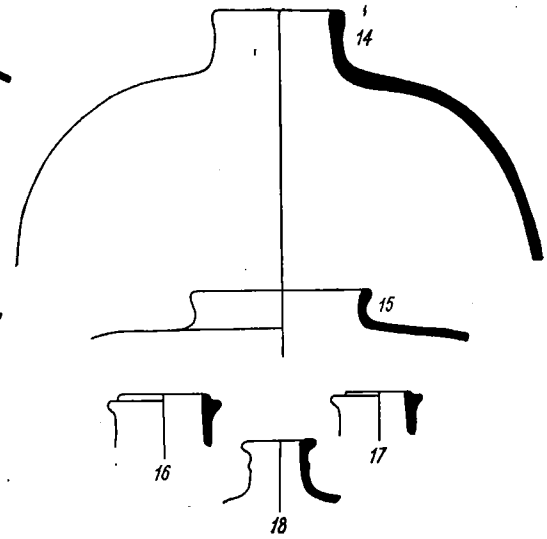

Рис. 49

50 *см*, диаметр дна — 13 *см*, высота — 20,6 *см* (рис. 47, 1) [36].

Второй вид ангобированной посуды — кувшины. Учитывая особенности формы стенок и горловин кувшинов, обнаруженных в «свалке», все кувшины можно отнести к яйцевидным. Среди них можно отметить кувшины с утолщенным отогнутым наружу венчиком. Горло невысокое, прямое, цилиндрическое. Ангоб красный. Диаметр венчика — 9—10 *см* [№ 810] (рис. 49, 7). Наряду с этим встречаются кувшины с вертикально стоящим вытянутым венчиком с утолщенной верхней гранью. Снаружи венчик профилирован двумя неглубокими бороздками. Горло прямое цилиндрическое. Ангоб красно-коричневый. Диаметр венчика — 7 *см* [№ 859] (рис. 49, 9).

Редко встречаются кувшины с так называемым раздвоенным венчиком, с профилированной верхней гранью. Ангоб красно-коричневый с двумя рядами волнистого лощения по горлу. Диаметр по венчику — 10 *см* [№ 818, 818а] (рис. 49, 6, 13). Также редки кувшины с выступающим венчиком подчетырехугольной формы. Горло прямое цилиндрическое. Ангоб красный. Диаметр венчика — 7 см [№ 813] (рис. 49, 5). Единичны находки кувшинов с вертикально стоящим венчиком, покрытые серым ангобом с вертикальным полосчатым лощением. Диаметр венчика — 7 *см* [№ 814] (рис. 49, 2).

В «свалке» кельи найдены стенки кувшинов, судя по которым поверхность этих кувшинов покрывалась лощением (полосчатым, арочным, ромбическим, волнистым, зеркальным) (илл. 20) и штампом. На желтоглиняной красноангобированной посуде встречаются следующие виды штампа (илл. 21):

1) Цветочный — наносится плотно, часто, беспорядочно [37].

2) Ромбический мелкий — наносится в несколько рядов [38].

3) Ромбический крупный — наносится редко в один ряд и имеет скругленные углы [39].

4) Пальметта стилизованная — наносится в несколько рядов [40].

---

[36] Полевой шифр ГМИНВ $\frac{\text{Т—65 К—Т}}{\text{II—34}}$ (далее номера указаны в тексте в квадратных скобках).

[37] См. образцы с полевыми шифрами $\frac{\text{Т—65 К—Т}}{\text{I—II—645}}$ и $\frac{\text{Т—65 К—Т}}{\text{I—II—654}}$.

[38] См. образцы с полевыми шифрами $\frac{\text{Т—65 К—Т}}{\text{I—II—27}}$ и $\frac{\text{Т—65 К—Т}}{\text{I—II—28}}$.

[39] См. образец с полевым шифром $\frac{\text{Т—65 К—Т}}{\text{I—1433 А}}$.

[40] См. образец с полевым шифром $\frac{\text{Т—65 К—Т}}{\text{А—1748 А}}$.

5) Зернистый — неправильная фигура, напоминающая полуовал с зернистым заполнением внутри, наносится на один ряд[41].

6) Зернистый крупный — фигура, аналогичная предыдущей, но с тремя крупными зернами внутри[42].

7) Штамп в виде стилизованного изображения головы барана или козла (?) — наносится в один ряд[43].

Среди фрагментарного материала в кельe выделяется несколько интересных ручек сосудов, вероятнее всего кувшинов. Это плоско-выпуклые ручки с «хвостатым» удлинением на конце и оттиском пальца[44]. Но таких ручек в кельe немного. Из девяти ручек подобного типа всего пять имеют «хвостатое» удлинение и оттиск пальца. Кроме того, в кельe найдены пластинчатые ручки с продольным рифлением.

Во фрагментарном материале найдены два больших носика с полосчатым лощением и серым ангобом: один такой же носик желтоангобированный и два носика с красным ангобом.

В «свалке» были найдены фрагментарные единичные находки, которые дополняют набор посуды из кельи. К ним относится неглубокая чашечка с округлыми стенками, невысоким вертикально стоящим венчиком, скругленным в верхней части. Чашечка с двух сторон покрыта красным ангобом. Диаметр по венчику — 18 *см*[45]. К единичным находкам относится и венчик энохои в форме трилистника[46]. Этот вид посуды не раз встречался в комплексе А (см. «Кара-тепе I», рис. 34). Несколькими фрагментами представлены сосуды типа баклаги с раздутым туловом, невысоким прямым горлом, переходящим в плечики:

1) Сосуд с вертикально стоящим венчиком со скругленной верхней гранью, снаружи венчик профилирован двумя неглубокими слабо выраженными бороздками. Сосуд снаружи (по сохранившейся части диаметром в 22,5 *см*) и венчик изнутри покрыты красным ангобом, поверх которого нанесено ароч-

---

[41] См. образцы с полевыми шифрами $\frac{\text{Т—65 К—Т}}{\text{II—646}}$ и $\frac{\text{Т—65—К—Т}}{\text{II—661}}$.

[42] См. образцы с полевыми шифрами $\frac{\text{Т—65 К—Т}}{\text{II—662}}$ и $\frac{\text{Т—65 К—Т}}{\text{II—663}}$.

[43] См. образец с полевым шифром $\frac{\text{Т—65 К—Т}}{\text{II—540}}$.

[44] См. образец с полевым шифром $\frac{\text{Т—65 К—Т}}{\text{II—169}}$.

[45] Полевой шифр $\frac{\text{Т—65 К—Т}}{\text{II—541}}$.

[46] Полевой шифр $\frac{\text{Т—65 К—Т}}{\text{II—542}}$.

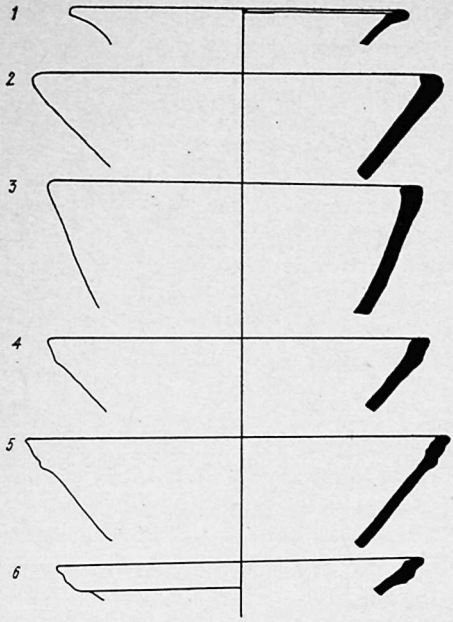

Рис. 50

ное лощение в виде пересекающихся кругов неправильной формы. Диаметр по венчику — 8 *см* (рис. 49, 14) [47].

2) Сосуд с чуть отогнутым скругленным венчиком, снаружи и изнутри покрыт красным ангобом. Диаметр венчика — 11,5 *см* (рис. 49, 15) [48].

Совершенно необычной для кельи формой является найденный здесь же целый сосуд, напоминающий по форме кубок с ручкой. Приблизительно в середине стенки сосуда как бы надламываются и резко сужаются книзу, переходя в плоское дно. Снаружи по венчику проведены два параллельных желобка, под которыми прочерчена волнистая линия. Венчик с двух сторон покрыт красным ангобом, который спускается по тулову неровными потеками. Диаметр венчика — 16 *см*, диаметр дна — 9,6 *см*, высота — 14 *см* [49].

Неангобированная желтоглиняная керамика представлена в основном тагорами, одним кувшином и небольшим количеством фрагментов стенок кувшинов со штампом.

[47] Сосуд хранится в Гос. Эрмитаже, № А-1790.
[48] Сосуд хранится в Гос. Эрмитаже, № А-1801.
[49] Сосуд хранится в Гос. Эрмитаже, № А-1804.

Неангобированные тагоры по форме тулова аналогичны ангобированным. Диаметр их колеблется от 30 до 50 *см*. Так же как и в ангобированной керамике, здесь преобладают тагоры с округлым профилированным изнутри венчиком. Край в двух местах загнут внутрь и примят пальцем. Диаметр — 30—36 *см* (рис. 47, 3) [50].

Количественно за ними следуют тагоры с «листовидным» венчиком, напоминающие такие же ангобированные тагоры с той лишь разницей, что внутренний край венчика скошен. Диаметр венчика — 40—44 *см* (рис. 50, 5, 6) [51]. Реже встречаются тагоры со скошенным наружу краем. Край в двух местах загнут внутрь и примят пальцем. Диаметр венчика — 50 *см* [№ 97—100] (рис. 47, 2). Также редки тагоры с утолщенным загнутым внутрь краем диаметром 40—48 *см* [№ 83, 87, 88] (рис. 50, 2, 3).

Кувшин представлен единственным образцом яйцевидной формы с выступающим венчиком подчетырехугольной формы. Кувшин имел одну широкую плоскую ручку. На тулове штамп в виде круга, разделенного на секторы семью радиусами. Диаметр венчика — 7 *см* [№ 218] (рис. 49, 11).

Найденные фрагменты стенок желтоглиняной неангобированной посуды украшены штампом двух видов:

1) Вихревой знак — наносится редко в один ряд [№ 652] (илл. 21, 3).

2) Круг, разделенный радиусами на 7—8 секторов [№ 641, 647, 656, 655] (илл. 21, 2).

Кроме того, в келье были найдены и другие фрагменты художественной керамики. Все они представлены единичными образцами:

1) Фрагмент стенки сосуда с ручкой, в основании которой находится налеп со штампованным изображением головки человека. Аналогичный налеп был обнаружен также в завале восточного коридора пещерного храма П-II комплекса Б [52].

2) Фрагмент стенки красноангобированного сосуда с ручкой в виде фигурки обезьяны с повернутой вбок головой. Аналогичная ручка была найдена в завале южного коридора пе-

[50] Хранятся в ГМИНВ: $\frac{\text{Т—65 К—Т}}{\text{II—126, 127, 128}}$ (далее номера указаны в тексте в квадратных скобках).

[51] Хранятся в ГМИНВ, шифр $\frac{\text{Т—65, К—Т}}{\text{II—94, 96, 137, 80, 138, 139, 81, 82}}$ (далее номера указаны в квадратных скобках).

[52] Налепы со штампованным изображением головки человека были опубликованы в материалах экспедиции. См., например: Б. Я. Ставиский, Основные итоги раскопок Кара-тепе в 1963—1964 гг.,— «Кара-тепе II», стр. 19, рис. 8а; его же, Итоги раскопок Кара-тепе в 1965—1969 гг.,— «Кара-тепе III», стр. 22, 44, табл. XVIII.

щерного храма П-II комплекса Б и на поверхности холма в подъемном материале [53].

К художественной керамике относятся также многочисленные фрагменты и целые формы крышек реликвариев, украшенных сверху рельефным изображением цветка лотоса. Подобные находки известны в материале Кара-тепе по раскопкам боковой комнаты пещерного храма П-I, центрального помещения (святилища) храма П-II; найдены они были также в материалах «свалки» заднего двора комплекса А, а также в материалах из раскопок, проводимых непосредственно во дворе комплекса А [54].

Сероглиняной керамики из пещерной кельи комплекса Б сравнительно немного. Вся она покрыта либо серым, либо красно-коричневым ангобом и представлена тагорами и кувшинами.

Тагоры диаметром 38—40 *см* с расходящимися прямыми стенками, которые, утолщаясь вверху, образуют венчик, профилированный изнутри неглубокой бороздкой. Край тагоры в двух местах загнут внутрь и придавлен пальцем. Характер ангобирования такой же, как у тагор желтоглиняных, но без потеков. Ангоб серый [№ 119, 120, 114, 115, 108, 109] (рис. 48, 10, 11).

Сохранился фрагмент еще одной сероглиняной тагоры, но он настолько мал, что восстановить диаметр невозможно. Венчик имеет вид горизонтальной площадки, чуть скругленной и скошенной внутрь. Наружная грань венчика профилирована двумя глубокими и широкими четко обозначенными бороздками. Этот фрагмент покрыт снаружи почти черным ангобом и полностью залощен. Для керамики Кара-тепе такие тагоры не характерны.

Сероглиняные кувшины, хотя они представлены только фрагментами и форму тулова восстановить невозможно, видимо, повторяли в основном формы кувшинов желтоглиняных, поскольку имели аналогичные венчики и горла. Среди них можно выделить:

1) Кувшины с вертикально стоящим скругленным венчиком, профилированным снаружи. Венчик с обеих сторон покрыт серым ангобом. Диаметр венчика — 7 *см* [№ 306—308] (рис. 49, 3).

2) Кувшины с вертикально стоящим венчиком с утолщенной верхней гранью. Такие кувшины покрыты серым или красным ангобом [№ 818, 818б] (рис. 49, 1, 8).

---

[53] Б. Я. Ставиский, Итоги раскопок Кара-тепе в 1965—1969 гг., стр. 24, 45, табл. XVII.

[54] Б. Я. Ставиский, Основные итоги раскопок Кара-тепе в 1961—1962 гг., стр. 36—38, рис. 29; его же, Итоги раскопок Кара-тепе в 1965—1969 гг., стр. 43—44, табл. XV.

3) Кувшины с прямостоящим раздвоенным венчиком. Ангоб серый. Диаметр венчика — 8 см [№ 815, 815а] (рис. 49, 16, 17).

4) Кувшины с выступающим наружу подчетырехугольным в сечении венчиком с рельефным валиком по горлу. Характер ангобирования — как у всех предыдущих кувшинов. Ангоб серый или красный. Поверх ангоба такие кувшины иногда украшались волнистым лощением. Диаметр венчика — 7 *см* [№ 305] (рис. 49, 10).

На сероглиняных кувшинах, так же как и на желтоглиняных, встречается штамп в виде цветка лотоса, который наносился на тулово в один ряд. Иногда штамп сочетался с вертикальным полосчатым лощением, но чаще штамп и лощение встречаются на разных сосудах, причем иногда кроме полосчатого сероглиняные кувшины украшались ромбическим и арочным лощением. На нескольких фрагментах сероглиняных кувшинов имеются потеки ангоба.

Кроме сероглиняных кувшинов и тагор в келье были обнаружены фрагменты сероглиняной энохои, от которой сохранились венчик в виде трилистника и округлая ручка [№ 44].

Храмовый двор. Керамика, найденная в храмовом дворе комплекса Б, немногочисленна. Это обстоятельство объясняется как всей спецификой памятника, так и тем, что двор являлся нежилой частью Кара-тепе. Он был проходным местом, где вряд ли оставляли или хранили посуду. Керамика из завалов и найденная на полу посуда мало отличаются друг от друга.

Вся посуда со двора сделана на гончарном круге. Тесто хорошо промешано и обожжено. Керамика в большинстве случаев покрыта ангобом, неангобированной керамики мало (в основном это придонная часть стенок). Здесь, так же как и в пещерной келье комплекса Б, можно выделить желтоглиняную и сероглиняную керамику. Из сероглиняной найдены только стенки сосудов, покрытых серым ангобом, поэтому мы остановимся только на желтоглиняной керамике.

Вся желтоглиняная керамика со двора делится на ангобированную и неангобированную. В ангобированной посуде преобладают тагоры с прямыми расходящимися стенками. Диаметр этих тагор колеблется от 40 до 50 *см*. Это сосуды с округлым венчиком, профилированным изнутри бороздками. Тагоры изнутри и венчик снаружи покрыты красным ангобом [55].

---

[55] Полевой шифр $\frac{\text{Т—65 К—Т}}{\text{Б—13}}$.

Второй вид ангобированной посуды — кувшины, так же как и тагоры, немногочисленный. По форме тулова все кувшины относятся к яйцевидным с чуть отогнутым утолщенным овальным в сечении венчиком и удлиненным горлом, переходящим в покатые плечики. Кувшин снаружи и венчик изнутри покрыты красным ангобом. Диаметр по венчику — 8—10 *см*[56].

Кроме венчиков сосудов во дворе найдены их стенки с вертикальным полосчатым, сетчатым и арочным лощением.

Неангобированная керамика представлена стенками сосудов и одной тагорой с «листовидным» в сечении венчиком, наружная грань которого профилирована двумя бороздками. Диаметр по венчику — 50 *см* (рис. 50, 4).

Ниша храмового двора. Вся керамика из ниши сделана из желтой глины на гончарном круге из хорошо промешанного теста. Найденные образцы покрыты красным ангобом. Восстановить можно только три-четыре формы[57].

1) Чаша с чуть загнутым внутрь венчиком, профилированным снаружи двумя горизонтальными бороздками. Венчик с двух сторон покрыт красным ангобом.

2) Миска толстостенная с округлым туловом и вертикальным скругленным в верхней части венчиком. Сохранившаяся часть миски с двух сторон покрыта красным ангобом.

3) Хум с вертикально стоящим венчиком, скругленным, чуть скошенным наружу. Нижняя часть венчика заканчивается четко очерченной гранью. Весь фрагмент снаружи и венчик его изнутри покрыты бледно-желтым ангобом.

4) Кувшин с вертикально стоящим венчиком подчетырехугольной формы с уплощенной верхней гранью. По горлу сосуда четко обозначены два горизонтальных рельефных валика. Венчик с двух сторон покрыт красным ангобом с вертикальным полосчатым лощением.

Наземное помещение к востоку от наземного святилища. Так же как в пещерных кельях комплексов А и Б, вход в наземное помещение комплекса Б был заложен. При раскопках этого помещения на слое натека толщиной 50—70 *см* было обнаружено одиночное захоронение и расположенный на уровне черепа сосуд, который представлял собой кувшин с длинным носиком (типа чайника). Форма тулова раздутая, приплюснутая книзу, плечики крутые, переходящие в длинное узкое горло, заканчивающиеся в верхней части раструбом. Плоская ручка одним концом крепится к венчику, другим —

---

[56] Полевой шифр $\frac{\text{Т—65 К—Т}}{\text{Б—22}}$.

[57] Диаметры сосудов из ниши двора определить невозможно из-за маломерности данных фрагментов.

к плечикам сосуда. Кувшин снаружи целиком и венчик его изнутри покрыты красным ангобом и густо нанесенным полосчатым лощением. Поддон выемчатый, дисковидный. Носик изогнутый. Размеры сосуда: высота — 24,7 *см*, диаметр по венчику — 5,3 *см*, диаметр дна — 6,2 *см* (илл. 23а) [58]. Вместе с кувшином в погребении были найдены две кушано-сасанидские монеты, обнаруженные в области поясницы.

III. Керамика из комплекса В второй группы помещений

Как уже отмечалось [59], основная масса керамики этого комплекса обнаружена в надпольном песчаном слое в пещерах I и IV.

Пещера I. Керамика из этой пещеры представлена 377 фрагментами, три из которых сероглиняные. Остальная часть керамики желтоглиняная. Сероглиняная посуда представлена в основном фрагментами стенок (2 экз.) и одним фрагментом тагоры с расходящимися стенками и подчетырехугольным в сечении профилированным снаружи венчиком (рис. 51, 2) [60]. Сероглиняная керамика покрыта снаружи серым ангобом.

Желтоглиняная керамика также представлена исключительно как ангобированными, так и неангобированными фрагментами. Ангобированная керамика насчитывает 205 фрагментов, из которых 161 покрыт красным ангобом, 32 — красно-коричневым, 12 — желтым. В основном это стенки сосудов, ручки и донца. Из восстанавливающихся форм единичным экземпляром представлен кувшин или горшок с покатыми плечиками, широким горлом и подчетырехугольным в сечении венчиком с профилированной верхней и боковой гранью. Верхняя часть сосуда покрыта с обеих сторон красным ангобом. Диаметр по венчику — 10 *см* (рис. 51, 4) [61].

Несколькими образцами представлены миски. Среди них есть толстостенные (2 экз.) и одна тонкостенная:

1) Толстостенная желтоглиняная миска с округлым туловом и венчиком в виде уплощенного края стенки. Миска изнутри целиком и снаружи на одну треть покрыта красным

---

[58] Полевой шифр $\frac{\text{Т—73 К—Т}}{\text{Б.н.п.—26}}$.

[59] См. настоящий сборник, стр. 88, 89.

[60] Полевой шифр $\frac{\text{Т—73 К—Т}}{\text{IВ—18}}$.

[61] Полевой шифр $\frac{\text{Т—73 К—Т}}{\text{IВ—19}}$.

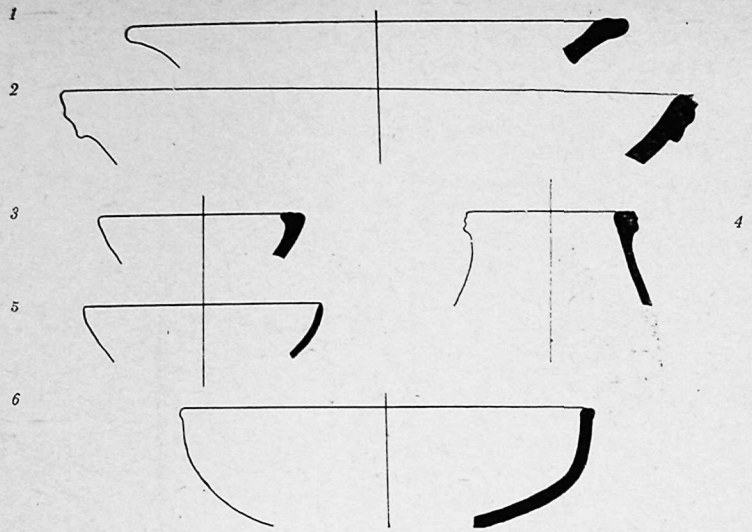

Рис. 51

ангобом, потеки которого видны снаружи. Диаметр по венчику — 24 *см* (рис. 51, 6) [62].

2) Вторая толстостенная желтоглиняная миска также имеет округлую форму тулова, край стенки загибается внутрь, образуя козырек, профилированный по верхней грани двумя бороздками. Миска изнутри и край ее снаружи покрыты красным ангобом. Диаметр по венчику — 12 *см* (рис. 51, 3) [63].

3) Третья миска тонкостенная с округлым туловом и венчиком, образованным приостренным краем стенки. Миска с обеих сторон покрыта красным ангобом. Диаметр по венчику — 14 *см* (рис. 51, 5) [64].

Среди ангобированной посуды большинство фрагментов поверх ангоба дополнительно покрыто лощением. Об этом говорят обнаруженные в слое стенки сосудов, 57 из которых покрыты ромбическим сетчатым лощением, 5 — арочным.

Кроме бытовой посуды в пещере I были обнаружены фрагменты художественной керамики. Это прежде всего часть

---

[62] Полевые шифры: $\frac{\text{Т—73 К—Т}}{\text{IВ—9}}$ и $\frac{\text{Т—73 К—Т}}{\text{IВ—10}}$.

[63] Полевой шифр $\frac{\text{Т—73 К—Т}}{\text{IВ—11}}$.

[64] Полевой шифр $\frac{\text{Т—73 К—Т}}{\text{IВ—12}}$.

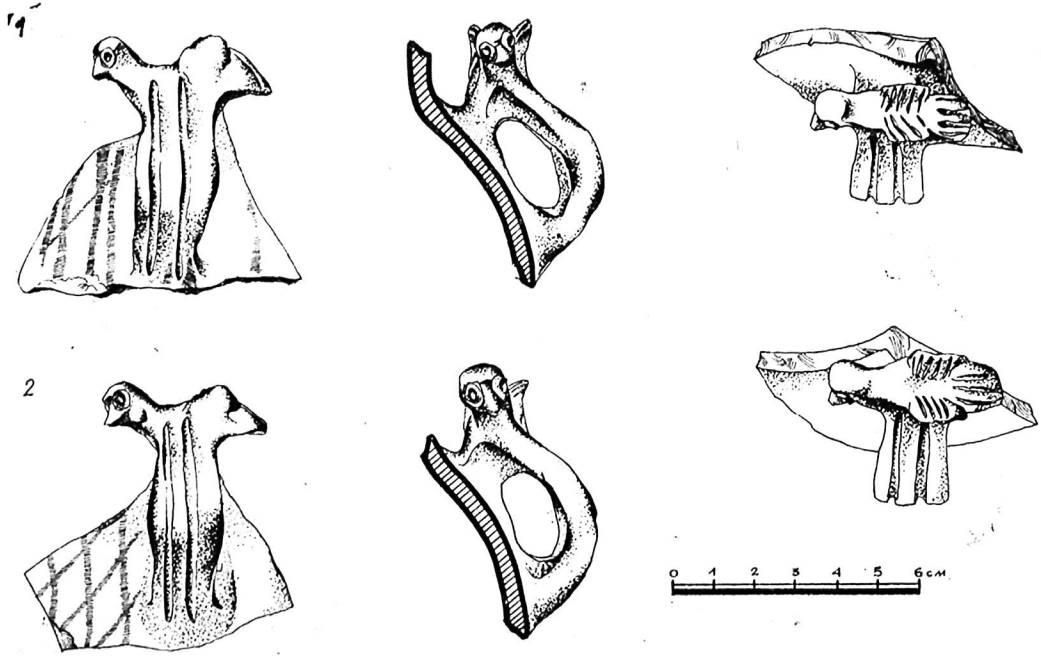

Рис. 52

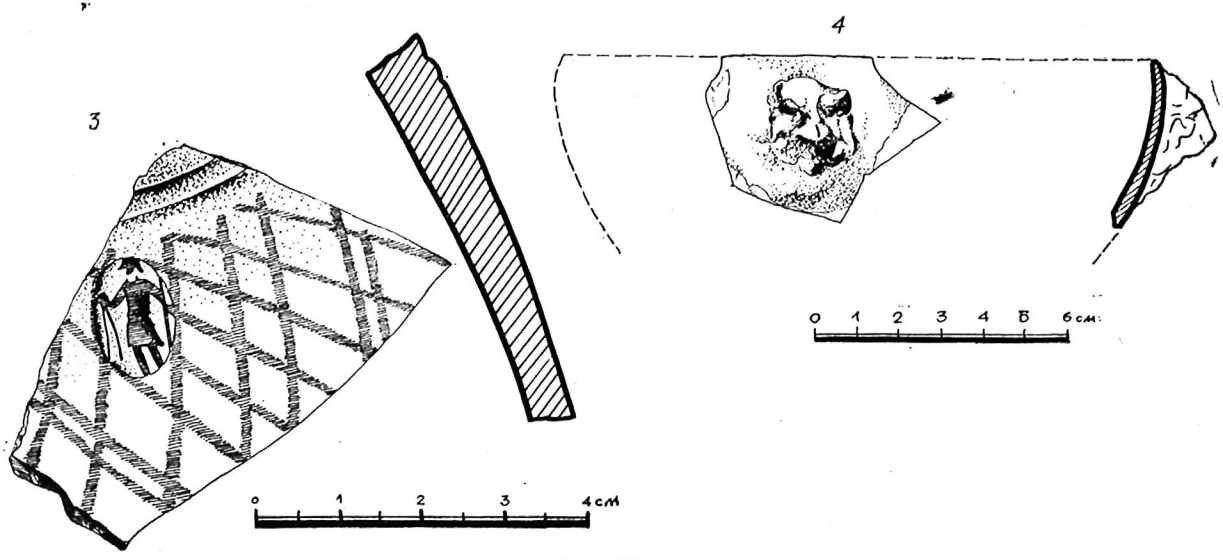

Рис. 53

тонкостенной красноангобированной миски с налепом в виде головки льва (рис. 53, 2; илл. 22) [65].

В этом же слое были обнаружены фрагменты двух ручек, по-видимому, от одного и того же сосуда [66]. Это красноангобированный покрытый вертикальным полосчатым лощением сосуд с двумя ручками, каждая из которых имела навершие в виде фигурки птицы (рис. 52, 1, 2; илл. 22). Фигурки прекрасно моделированы и повернуты головками в разные стороны.

Аналогичные ручки с навершиями в виде птиц открыты при раскопках И. Т. Кругликовой на Дальверзин-тепе в Афганистане [67]. Известны они и по материалам Хотана [68].

Кроме того, в надпольном слое и в завале первого пещерного помещения были найдены два фрагмента стенки сосуда, покрытого коричневым ангобом с ромбическим сетчатым лощением и штампом в виде стоящей фигуры мужчины [69]. Штамп крупный, нанесен редко. Форма штампа напоминает гемму (рис. 53, 1; илл. 22).

В неангобированной керамике необходимо отметить тагоры. Наиболее характерной формой тагор являются сосуды с расходящимися стенками и подчетырехугольным, профилированным снаружи венчиком, диаметр которых колеблется от 36 до 42 *см* (рис. 51, 2) [70].

Единичным фрагментом представлена желтоглиняная неангобированная тагора с овальным в сечении, отогнутым наружу венчиком с профилированной верхней гранью. Диаметр по венчику — 30 *см* (рис. 51, 1) [71].

Кроме фрагментов глиняной посуды в надпольном слое пещеры I было найдено шесть светильников обычного для Кара-тепе типа.

В слое с описанной выше керамикой была обнаружена также медная монета Канишки, позволяющая говорить о ранней дате этого керамического комплекса.

---

[65] Полевой шифр $\frac{\text{Т—73 К—Т}}{\text{IB—21}}$.

[66] Полевые шифры фрагментов: $\frac{\text{Т—73 К—Т}}{\text{IB—1}}$ и $\frac{\text{Т—73 К—Т}}{\text{IB—2}}$.

[67] Приношу искреннюю благодарность И. Т. Кругликовой, предоставившей в мое распоряжение эти сведения.

[68] Н. В. Дьяконова, С. С. Сорокин, Хотанские древности, Л., 1960, табл. I, 3; табл. XIV, 317, 318, 332.

[69] Полевой шифр $\frac{\text{Т—73 К—Т}}{\text{IB--22}}$.

[70] Полевой шифр $\frac{\text{Т—73 К—Т}}{\text{IB—15, 16, 17}}$.

[71] Полевой шифр $\frac{\text{Т—73 К—Т}}{\text{IB—14}}$.

Пещера IV. Как уже отмечалось в отчете о раскопках комплекса В второй группы помещений, вход в эту пещеру был заложен. Кроме того, сама пещера также была перегорожена закладкой, расположенной на расстоянии 3,1 *м* от входа [72].

На небольшом слое песка в 5 *см* выше уровня пола были обнаружены остатки погребения, рядом с которым найдены тарелочка и кувшин. Тарелочка желтоглиняная тонкостенная, на невысоком выемчатом поддоне, с вертикально стоящим скругленным бортиком и характерным перегибом в месте перехода бортика к тулову. Тарелочка изнутри целиком и частично снаружи покрыта красным ангобом, стекающим по тулову снаружи неровными потеками. Бортик тарелочки с внешней стороны покрыт вертикальным полосчатым лощением. Размеры: высота — 5,9 *см*, диаметр по венчику — 17,8 *см*, диаметр дна — 4,7 *см* [73].

Кувшин с шаровидным туловом, раздутым в верхней части и резко сужающимся книзу, с широким горлом, переходящим в вертикально стоящий овальный венчик. Горло отделено от тулова пояском, состоящим из четырех бороздок. Поддон плоский. Сосуд снаружи на две трети и венчик изнутри покрыты красным ангобом. Тулово поверх ангоба покрыто вертикальным полосчатым лощением, горло — зигзагообразным лощением. Размеры: диаметр по венчику — 12,3 *см*, диаметр дна — 10,7 *см*, высота — 33 *см* [74].

IV. Керамика из постройки, расположенной близ вершины холма

В 1972—1973 гг. раскопки велись и близ вершины холма. Здесь были открыты четыре помещения постройки с немногочисленной керамикой.

Помещение X-1. Вся керамика из этого помещения желтоглиняная и представлена в основном стенками сосудов. Все фрагменты, обнаруженные здесь, покрыты красным ангобом, поверх которого наносилось иногда полосчатое струйчатое лощение (из 26 фрагментов 6 покрыты таким лощением). Помимо фрагментарного материала здесь был обнаружен целый сосуд — кувшин с шаровидным приплюснутым туловом и срав-

---

[72] Полевой шифр $\frac{\text{Т—73 К—Т}}{\text{IB—4}}$, $\frac{\text{Т—73 К—Т}}{\text{IB—6}}$, $\frac{\text{Т—73 К—Т}}{\text{IB—7}}$, $\frac{\text{Т—73 К—Т}}{\text{IB—8}}$, $\frac{\text{Т—73 К—Т}}{\text{IB—5}}$, $\frac{\text{Т—73 К—Т}}{\text{IB—3}}$.

[73] Полевой шифр $\frac{\text{Т—73 К—Т}}{\text{4B—29}}$.

[74] Полевой шифр $\frac{\text{Т—73 К—Т}}{\text{4B—28}}$.

нительно раздутыми плечиками, узким горлом, энохоевидным венчиком в форме трилистника. Ручка плоская, крепится одним концом к тулову, другим — к венчику. Поверхность сосуда снаружи на две трети покрыта красным ангобом[75]. На тулове кувшина, непосредственно под линией ангоба, обнаружена индийская надпись[76].

Помещение Х-4. На натеке, расположенном над полом, было обнаружено два захоронения, ориентированных головами в разные стороны: одно — на юг, другое — на восток. У первого погребенного в левой руке была кушано-сасанидская монета, у второго в правой руке — две кушано-сасанидские монеты. У правого плеча второго погребенного был поставлен сосуд-кувшин типа чайника с раздутыми плечиками, шаровидным туловом, резко сужающимся книзу (илл. 23б). Горло узкое, длинное, расширяющееся кверху. Венчик отогнут наружу и скруглен. Ручка плоская, крепится одним концом к венчику, другим — к тулову. Носик с двойным изгибом поднят кверху почти параллельно горлу. Поддон дисковидный выемчатый. Кувшин снаружи целиком и венчик изнутри покрыты красным ангобом, по которому нанесено на тулове сетчатое ромбическое лощение, по горлу, венчику и ручке — вертикальное полосчатое лощение. Высота — 21,7 *см,* диаметр по венчику — 5,5 *см,* диаметр дна — 5,6 *см*[77].

V. Анализ и датировка керамики

Из всего керамического материала, найденного в первой группе помещений, наибольший интерес представляет коллекция керамики из святилища пещерного храма П-I комплекса А, включающая 18 целых сосудов, сопровождавшихся монетами, и связанная с захоронениями, совершенными в этом помещении. Эти захоронения (следовательно, и керамика) достаточно надежно датированы 50—80 гг. IV в. н. э., поскольку обнаруженные здесь монеты, поддающиеся определению, носят имя кушано-сасанидского царя Варахрана[78]. Остальные монеты плохо сохранились и не поддаются точному

[75] Сосуд хранится в Гос. Эрмитаже, № А-1870.

[76] О ней см. статью В. В. Вертоградовой в настоящем сборнике, стр. 70—81.

[77] Полевой шифр $\frac{\text{Т—73 К—Т}}{\text{х4—27}}$.

[78] Существует несколько датировок царствования Варахрана. По Биварду, Варахран кончил царствовать в 50-х годах IV в. н. э.; по Р. Гёблю, он правил между 356—371 гг.; по В. Г. Луконину, Варахран I правил с 384 по 389 г. Эти сведения приведены в работе: Б. Я. Ставиский, Б. И. Вайнберг, Сасаниды в правобережной Бактрии — Тохаристане в IV—V вв.,— ВДИ, 1972, № 3, стр. 185—190.

определению, однако, судя по размеру и весу, они также могли быть монетами этого правителя.

Следует подчеркнуть необычный характер захоронений. Они совершены в помещении, не предназначенном для этой цели, в пустовавшем святилище. В одной комнате было помещено несколько десятков костяков, положенных один на другой. Это свидетельствует о поспешности захоронения, связанной, видимо, с какой-то эпидемией. (Отсутствие механических повреждений на костях, а также наличие костяков женщин и детей говорят о том, что эти захоронения не связаны с военными событиями[79]. Эти данные свидетельствуют, что здесь похоронены не монахи, а просто жители города.)

Аналогичные захоронения обнаружены также в обводных коридорах храма П-II, в пещерной келье и в наземном помещении (все — в комплексе Б), в помещении Х-4 (в постройке близ вершины холма), в пещере IV (комплекс В), а также, вероятно, в пещерной келье комплекса А, причем во всех этих случаях, кроме храма П-II, вместе с захоронениями найдены керамические сосуды. Отсутствие находок сосудов в храме П-II, видимо, объясняется тем, что после обвала свода доступ туда был открыт вскоре после погребения.

Благодаря находкам сасанидо-кушанских монет в святилище храма П-I, в наземном помещении комплекса Б и помещении Х-4 близ вершины холма захоронения в этих помещениях можно датировать второй половиной IV в. н. э. Захоронения в других местах не датированы и определить, являются ли все они одновременными, можно, лишь сравнив керамику, найденную в них.

Прежде всего сравним керамику из святилища храма П-I и из пещерной кельи этого же комплекса А. В святилище были найдены семь одноручных кувшинов, пять двуручных, четыре тарелочки и одна чашечка. В келье были найдены три одноручных кувшина. Сравним общие формы, т. е. одноручные кувшины, имеющиеся в обоих случаях.

В святилище преобладают разновидности двух форм, которые условно можно назвать «яйцевидной» и «грушевидной». «Грушевидными» мы обозначаем кувшины, у которых наибольший диаметр тулова расположен значительно ниже, чем у «яйцевидных». Кроме того, «грушевидные» кувшины отличаются аморфностью общих очертаний. «Яйцевидные» кувшины из святилища (рис. 36, 7, 8) по форме аналогичны двум кувшинам из кельи (рис. 39, 1, 3). Третий кувшин из кельи (рис. 39, 2) по форме тулова несколько ближе к грушевидным из святилища, хотя и отличается от них фор-

[79] З. Б. Альтман, Антропологические и палеопатологические исследования останков людей в пещерах Кара-тепе,— «Кара-тепе III», стр. 104—110.

мой дна. Бо́льшая разница заметна в оформлении венчиков кувшинов из этих помещений. В святилище пять сосудов из семи имеют венчики, скошенные внутрь (рис. 36, 1, 4), в то время как ни один кувшин из кельи не имеет такого скоса (рис. 39, 1—3). Все кувшины на две трети снаружи, а иногда почти целиком покрыты красным ангобом с вертикальным полосчатым лощением. Ручки плоско-выпуклые, имеют иногда удлинение на нижнем конце, так называемый хвост.

Таким образом, сравнение кувшинов из святилища и пещерной кельи комплекса А выявляет весьма незначительные различия в них, которые могут объясняться либо небольшим временным разрывом между датами их изготовления, либо тем, что они изготовлены разными мастерами, либо какими-то другими, может быть случайными, причинами. Малочисленность сосудов в келье не дает возможности судить об этом с большей определенностью.

Сравним теперь керамику захоронений в пещерной келье комплекса Б с керамикой первых двух групп захоронений. В этой келье обнаружены два целых кувшина, 818 фрагментов керамики и одна кружка. Костяк лежал поверх большой кучи битой керамики, которая не связана с захоронением. Целая кружка была найдена во второй нижней комнате и также, видимо, не была связана с захоронением. В противном случае в непотревоженном захоронении, доступ в которое был закрыт сырцовой закладкой, она оставалась бы рядом с костяком и кувшинами, поэтому для сравнения мы берем только два целых кувшина.

Один кувшин (рис. 46, 2) по форме аналогичен кувшину из святилища и кувшину из кельи (рис. 39, 3), хотя отличается от того и другого оформлением венчика. Второй кувшин из кельи (рис. 46, 1) по форме близок кувшину из святилища, но также отличается оформлением венчика. Оба кувшина из кельи снаружи частично покрыты красным ангобом с вертикальным полосчатым лощением, так же как некоторые кувшины из святилища. Один из кувшинов кельи (рис. 46, 2) имеет ручку с «хвостатым» удлинением на конце, так же как некоторые кувшины в святилище и пещерной келье комплекса А (рис. 39, 3). Венчики обоих кувшинов профилированы изнутри бороздкой, что не встречается ни в пещерной келье комплекса А, ни в святилище, хотя венчик с внутренней профилировкой ближе венчикам со скосом из святилища (рис. 39, 1), чем венчикам кувшинов пещерной кельи комплекса А.

Таким образом, некоторые формы и характерные черты сближают кувшины из погребений в святилищах храма П-I, пещерной келье комплекса А и пещерной келье комплекса Б, хотя в каждом из этих трех помещений венчики кувшинов

имеют свои особенности. Однако разница между ними настолько мала, что в пределах той точности датировки, которую дают другие археологические материалы, всю керамику из этих трех групп захоронений можно считать одновременной, т. е. относящейся ко второй половине IV в. н. э.

Этим временем мы датируем также керамику из захоронений в наземном помещении, расположенном к востоку от наземного святилища комплекса Б, и керамику из помещения Х-4 постройки близ вершины холма, которые сопровождались кушано-сасанидскими монетами. Захоронения в пещере IV комплекса В датируются также этим временем, так как керамика, сопровождавшая их, дает формы, аналогичные керамике из святилища храма П-I (ср. тарелочки из святилища — рис. 37, 5, 6 — и тарелочку из пещеры IV).

Таким образом, керамику захоронений можно рассматривать как составляющую единую керамическую группу. Справедливость этого суждения подтверждается при сравнении керамики из захоронений с керамикой из пещерной кельи комплекса Б, связанной, видимо, с одним из периодов жизни на Кара-тепе. После того как помещения Кара-тепе перестали функционировать как буддийские, но до периода захоронений, происходило обживание некоторых каратепинских помещений. Видимо, именно в это время в пещерной келье комплекса Б и образовалась «свалка» из старой битой посуды, которую принесли сюда из других помещений.

При сравнении керамики из «свалки» кельи комплекса Б с керамикой захоронений в глаза сразу бросаются значительные отличия. Заметна разница в наборе посуды и в характере орнаментации. Это может объясняться либо разными назначениями керамики, либо временными различиями. Для того чтобы решить этот вопрос, необходимо сравнить те общие виды керамики, которые встречаются и в «свалке», и в погребальном инвентаре. Это прежде всего одноручные кувшины.

В «свалке» пещерной кельи комплекса Б было найдено 57 фрагментов венчиков и многочисленные стенки. Среди них выделяется группа венчиков (34), имеющих подчетырехугольную в сечении форму. По аналогии с керамикой из святилища храма П-I, где двуручные кувшины имеют подчетырехугольные в сечении венчики, тогда как ни один одноручный кувшин такого венчика не имеет, мы относим подчетырехугольные венчики в «свалке» кельи к двуручным кувшинам или к сосудам типа баклаги с сильно раздутым туловом и почти горизонтальными плечиками, три фрагмента которых найдены в этой келье. Остальные 20 венчиков, видимо, относятся к одноручным кувшинам.

Кроме этих 20 фрагментов к одноручным кувшинам с достаточной долей вероятности можно отнести большое число

фрагментов тонких стенок (более массивные толстые стенки были у двуручных кувшинов).

Сравнение выделяемых нами в материале «свалки» кельи комплекса Б фрагментов одноручных кувшинов с погребальным инвентарем выявляет значительные различия между этими группами керамики. В «свалке» встречаются фрагменты сероглиняной и сероангобированной посуды, которой совершенно нет в погребальном инвентаре. В материале «свалки» есть фрагменты с волнистым и арочным лощением, тогда как все одноручные кувшины из погребального инвентаря украшены вертикальным полосчатым или ромбическим лощением. Венчики одноручных кувшинов из «свалки» кельи комплекса Б демонстрируют иные по сравнению с погребальным инвентарем формы (лишь три фрагмента находят прямую аналогию с кувшинами из пещерной кельи комплекса А; отметим также, что эти три венчика аналогичны лишь по форме, но отличаются от желтоглиняных красноангобированных кувшинов пещерной кельи комплекса А серой глиной и серым ангобом). Перечисленные нами значительные различия между одноручными кувшинами погребального инвентаря и «свалки» пещерной кельи комплекса Б заставляют предположить, что они разновременны.

К такому же выводу приводит сравнение двуручных кувшинов, к которым, как мы уже указывали, в «свалке» пещерной кельи комплекса Б относятся подчетырехугольные венчики и сравнительно массивные стенки.

Двуручные кувшины из «свалки» пещерной кельи комплекса Б отличаются от таких же кувшинов погребального инвентаря наличием среди них сероглиняных и сероангобированных сосудов и иным характером декора. Двуручные кувшины погребального инвентаря украшены вертикальным полосчатым лощением и мелким частым штампом, а кувшины из «свалки» пещерной кельи комплекса Б имеют крупный редкий штамп; наряду с вертикальным полосчатым лощением встречается и арочное. Отметим также, что те черты, которые, по нашим наблюдениям, отличают кувшины «свалки» пещерной кельи комплекса Б от кувшинов погребального инвентаря, в частности присутствие сероглиняной и сероангобированной керамики и арочного лощения, характерны и для других видов посуды из «свалки» кельи комплекса Б.

Однако не все различия керамики «свалки» этой кельи и погребального инвентаря объясняются разновременностью. В частности, тот факт, что в «свалке» кельи комплекса Б обнаружено большое число фрагментов больших и малых тагор, фрагменты больших и малых сосудов с носиками, фрагменты сосудов типа баклаги и единственно целый сосуд в «свалке» — одноручная кружка, объясняется, видимо, тем, что эта посуда

хозяйственного назначения не употреблялась в качестве погребального инвентаря и потому не присутствует в захоронениях. Это предположение подтверждается находками аналогичных видов посуды в помещениях, где не было совершено захоронение,— в келье наземного храма и в «свалке» заднего двора комплекса А.

В «свалке» заднего двора в отличие от «свалки» кельи комплекса Б полностью отсутствует сероглиняная керамика. Материал из «свалки» заднего двора сближает с керамикой захоронений также наличие в первой венчиков кувшинов со скосом внутрь, характерным для керамики захоронений. Кроме того, в «свалке» комплекса А найдено много фрагментов сосудов (47) с малиновым ангобом, совершенно отсутствующим в «свалке» комплекса Б, но встречающимся во фрагментарном материале из святилища храма П-I комплекса А.

Таким образом, ясно, что керамика из «свалки» заднего двора хронологически ближе к керамике погребального инвентаря и отделена от керамики из «свалки» кельи комплекса Б значительным промежутком времени. Более того, керамика из «свалки» заднего двора, видимо, даже позднее погребальной посуды, поскольку демонстрирует некоторые черты, не характерные не только для материалов «свалки» кельи комплекса Б, но и для керамики захоронений. К таким чертам относятся иные формы венчиков кувшинов, наличие желтоангобированной посуды, процарапанный орнамент на неангобированной посуде. Правда, возможно, что ко времени более позднему, чем захоронения, относится только какая-то часть керамики «свалки» комплекса А. Напомним, что единственной чертой, характерной для керамики «свалки» из кельи комплекса Б и отсутствующей в посуде из захоронений, обнаруженной в материале из «свалки» заднего двора комплекса А, является арочное лощение стенок кувшинов. На наш взгляд, это явление можно объяснить двояко: 1) арочное лощение, не характерное для времени образования «свалки» кельи комплекса Б, вышло из употребления в период захоронений и вновь получило распространение несколько позже; 2) более вероятно, однако, что кувшины с арочным лощением не употреблялись в качестве погребального инвентаря.

Подводя итог (с учетом нашего последнего предположения), можно сказать, что набор посуды и характер лощения объясняются различиями в назначении керамики. В то же время цвет глины и ангоб, форма венчика, характер орнаментации относятся к временным отличиям.

В целом керамика из святилища храма П-I, пещерной кельи комплекса А, целые кувшины из пещерной кельи комплекса Б, кувшин с носиком из наземного помещения, расположенного к востоку от наземного святилища комплекса Б,

керамика из помещения X-4 постройки близ вершины холма, а также керамика из пещеры IV комплекса В демонстрируют черты, характерные для керамики, употреблявшейся в качестве погребального инвентаря во второй половине IV в. н. э.; материал из «свалки» заднего двора комплекса А дает представление о посуде более широкого назначения этого же или чуть более позднего времени, а керамика из «свалки» пещерной кельи комплекса Б демонстрирует черты, характерные для времени более раннего, чем время захоронений. Причем «свалка» кельи комплекса Б отделена от захоронений значительным промежутком времени, о чем, во-первых, свидетельствуют большие различия в керамике, а во-вторых, то, что с момента прекращения функционирования Кара-тепе как буддийского культового центра до момента совершения захоронений даже в закрытых помещениях с сохранившимися сводами местами надуло до 50—70 *см* песка. Учитывая, что Кара-тепе располагался в черте города, в котором продолжалась жизнь, для такого заноса требовался длительный промежуток времени, поэтому керамику из «свалки» пещерной кельи комплекса Б, которая относилась еще к периоду функционирования Кара-тепе, мы весьма приближенно датируем концом III — началом IV в. н. э.

Кроме керамики III—IV вв. н. э. на Кара-тепе в 1973 г. удалось выявить и более ранний керамический материал. Это керамика из пещеры I комплекса В, которая сопровождалась монетой Канишки и по своему характеру тяготеет к керамике из «свалки» пещерной кельи комплекса Б.

Так же как и в «свалке» кельи комплекса Б, в пещере I обнаружены фрагменты сероглиняной и сероангобированной посуды. В обоих случаях есть фрагменты с арочным и ромбическим лощением, штамп, украшающий стенки сосудов, крупный, наносится редко, с большими интервалами, преобладает красно-коричневый и красный ангоб. Все эти признаки сближают керамику «свалки» кельи комплекса Б с керамикой из пещеры I комплекса В. Кроме явных признаков сходства в этих керамических комплексах есть и некоторые отличия. В пещере I найдены фрагменты художественной керамики, которая совершенно отсутствует в «свалке» кельи комплекса Б (ручки с навершиями в виде фигурки птицы, налепы в виде головки льва, керамика со штампом в виде стоящей мужской фигуры) и которая известна по ранним материалам других памятников Средней Азии. Так, керамику с налепами в виде головки льва, найденную в подъемном материале Зар-тепе, Л. И. Альбаум датирует I—II вв. н. э.[80],

[80] Л. И. Альбаум, Некоторые данные по изучению Анхорской группы археологических памятников (1948—1949 гг.),— «Труды института истории и археологии АН УзбССР», вып. 7, Ташкент, 1955, стр. 121.

ручки с навершиями в виде фигурок птиц известны по материалам Хотана и датируются в основном II—III вв.[81]. Керамика со штампом в виде стоящей человеческой фигуры зарегистрирована в Средней Азии впервые и не находит пока аналогий. О ранней дате этого керамического комплекса косвенно говорят размеры кирпича из этого помещения и форма ниш. Сопоставление размеров кирпичей из пещеры I комплекса В с данными, приведенными Г. А. Пугаченковой[82], говорит о том, что эта пещера ближе к памятникам I—III вв. н. э., расположенным в районе Старого Термеза (Чингиз-тепе и Зурмала). Квадратные ниши, по форме аналогичные нашим, известны по материалам работ Хорезмской экспедиции на Гяур-кале. Здесь при раскопках парадного зала в восточной стене были обнаружены три ступенчатые ниши. Постройка же Гяур-калы относится ко II в. н. э.[83].

Таким образом, приведенные данные говорят о том, что керамика из пещеры I комплекса В, вероятно, более ранняя по времени, чем керамика из свалки пещерной кельи комплекса Б, и относится ко времени Канишки (II в. н. э.?).

К этому же времени относятся, по-видимому, фрагменты стенок красноангобированных и черноангобированных сосудов со сплошным зеркальным лощением, как бы имитирующим лакоглазурь, а также ручки сосудов с зооморфными изображениями[84] и сосуды с налепами в виде человеческого лица; сосуды с налепами в виде человеческого лица известны по раскопкам Явана, где они датируются I—II вв. н. э.[85].

Итак, в керамике Кара-тепе выделяются три хронологические группы, две из них датируются весьма условно (первая — II — начало III вв. н. э., вторая — конец III — начало IV в. н. э.), а третья группа датируется на основании монетных находок достаточно твердо — второй половиной IV в. н. э.

Для II — начала III в. н. э. характерной является керамика желтоглиняная или сероглиняная, покрытая красным, коричневато-малиновым или серым ангобом. Применялось ромбическое и вертикальное полосчатое лощение. Как прием украшения использовался довольно крупный штамп, наносившийся на стенки сосудов с большими интервалами. К ранним видам штампа относится штамп в виде стоящей мужской фигуры. Некоторые виды посуды украшались налепами в

---

[81] Н. В. Дьяконова, С. С. Сорокин, Хотанские древности. стр. 37.

[82] Г. А. Пугаченкова, Халчаян, Ташкент, 1966, стр. 126—127.

[83] Ю. А. Раппопорт, Городище Гяур-кала,— «Труды ХАЭЭ», т. II, М., 1958, стр. 359 и 366.

[84] См.: «Кара-тепе II», рис. 7; «Кара-тепе III», табл. XVII.

[85] Э. А. Юркевич, Городище кушанского времени на территории Северной Бактрии,— СА, М., 1965, № 4, стр. 165—167.

виде головки льва. Этот декоративный прием связан с определенным видом посуды, а именно с тонкостенными мисками. Такие миски имели округлое тулово, их венчик был образован приостренным краем стенки. Кроме налепов в виде головок львов в раннем материале встречаются налепы под ручками сосудов (вероятно, горшков или кувшинов) в виде головки человека. Иногда ручки сосудов украшались фигурками обезьян или птиц. К ранним формам можно отнести наиболее часто встречающиеся тагоры с расходящимися стенками и подчетырехугольным в сечении профилированным снаружи венчиком, как ангобированные, так и неангобированные. Также к ранним формам относятся тагоры с отогнутым наружу венчиком, профилированным по верхней грани. Миски, как правило, имели округлое тулово и венчик либо в виде уплощенного края стенки, либо край стенки загибался внутрь, образуя козырек, профилированный по верхней грани неглубокими бороздками.

Керамика Кара-тепе конца III — начала IV в. н. э. сделана из тонкоотмученной хорошо обожженной глины серого или желтого цвета. Такая керамика обычно покрывалась красным либо серым ангобом, причем очень аккуратно. Иногда ангоб спускался по тулову потеками. Ангоб наносился либо с внешней стороны и покрывал весь сосуд целиком, либо только наполовину. Иногда ангобировался только венчик с двух сторон. Довольно часто посуда украшалась лощением: полосчатым, арочным, ромбическим, волнистым. Как прием украшения использовался штамп: ромбический, зернистый, вихревой, пальметта, цветочный, в виде «колеса Закона». Штамп довольно крупный, наносился обычно с интервалами в несколько рядов, как правило очень аккуратно.

Наиболее распространенным видом посуды были тагоры и кувшины. Типичной формой первых были тагоры сходных форм с прямыми расходящимися стенками, заканчивающимися в большинстве случаев отогнутым наружу утолщенным венчиком с внутренней профилировкой. Край таких тагор в двух местах загибался внутрь и придавливался пальцем, образуя своеобразные ручки. Встречаются также тагоры с листовидным венчиком, двумя петлеобразными ручками, с утолщенным загнутым внутрь венчиком и тагоры со скошенным наружу краем.

Кувшины чаще всего имели «яйцеобразную» форму. Встречаются кувшины с различным оформлением венчика. Наиболее характерны кувшины с вертикально стоящим скругленным венчиком, профилированным снаружи, и кувшины с так называемым раздвоенным венчиком, генетически восходящие к более ранним кувшинам с подчетырехугольным в сечении венчиком. У одноручных кувшинов ручка иногда заканчива-

лась «хвостатым» удлинением с оттиском пальца либо без такового. Характерны также сосуды с выступающим венчиком подчетырехугольной формы.

В керамике Кара-тепе второй половины — конца IV в. н. э. наиболее распространены те же виды посуды: тагоры, одноручные и двуручные кувшины, а также миски, тарелочки, горшки.

Форма тагор та же, что и в более раннее время, но отогнутые венчики с внутренней профилировкой встречаются реже, преобладают тагоры с венчиками, продолжающими линию стенки, появляются также тагоры с подчетырехугольным профилированным снаружи венчиком. В целом тагоры становятся более грубыми.

Характерной особенностью керамики этой хронологической группы является преобладание среди одноручных кувшинов сосудов с венчиками, имеющими скос, внутреннюю профилировку или характерный уступ внутри. Совершенно отсутствуют кувшины с раздвоенным венчиком. Кувшины украшались более мелким штампом, чаще цветочным.

В целом керамика второй половины IV в. н. э. показывает, что при изготовлении сосудов в это время перестали использовать серую глину и серый ангоб, зато появляются сосуды с малиновым ангобом. В более распространенной бытовой керамике ангоб становится светлее и менее плотным. В захоронениях использовались редко встречающиеся в бытовой керамике наиболее тщательно выделанные кувшины с плотным ангобом, с полосчатым лощением, двуручные кувшины с цветочным штампом и тонкостенные тарелочки с перегибом стенки, а также кувшины с изогнутым носиком.

Сравнение керамики Кара-тепе, а также памятников, расположенных в районе Термеза, т. е. в низовьях Сурхандарьи, таких, как Дальверзин-тепе, Хайрабад-тепе, Зар-тепе, «Курган» в Старом Термезе, городище Айртам, Айртамский могильник, группа памятников Талимаранского массива, с керамикой из других районов Северной Бактрии кушанского времени, таких, как Кобадиан, Бишкентская, Гиссарская, Вахшская, Яванская долина, показало как некоторое сходство, так и значительное отличие в формах посуды и в приемах ее украшения, что позволяет говорить о существовании в низовьях Сурхандарьи в кушанское время локального керамического центра.

Для низовьев Сурхандарьи наиболее распространенным видом посуды являются тагоры диаметром от 30 до 52 *см* с расходящимися прямыми краями, с утолщенным округлым венчиком, профилированным изнутри одной или двумя горизонтальными бороздками. Такие тагоры имеют обычно две ручки либо в виде горизонтальных выступов с нанесенным на

них штампованным орнаментом, либо в виде налепного жгута глины с оттиском пальца. Чаще всего такие тагоры покрыты целиком или частично ангобом, но есть и неангобированные тагоры. Такая форма тагор зафиксирована при раскопках «Кургана» в Старом Термезе [86], Дальверзин-тепе [87], Хайрабад-тепе [88], Зар-тепе [89], Айртаме [90], Кара-тепе.

Такой же распространенной формой тагор являются тагоры с «листовидным» вытянутым венчиком, чуть приостренным вверху. С наружной стороны по венчику проведены две неглубокие бороздки. Как правило, эти тагоры большого диаметра — до 50 *см*. Они известны по материалу Кара-тепе и Хайрабад-тепе [91].

Следующим довольно распространенным видом посуды были одноручные и двуручные кувшины с «яйцевидным» или «шаровидным» туловом. Характерной формой являются кувшины с вертикально стоящим венчиком, профилированным снаружи. Такая же профилировка прослеживается и на внутренней стороне венчиков отдельных кувшинов. Они известны не только по керамике Кара-тепе, но и по материалу Хайрабад-тепе [92] и Айртама [93]. Особенностью одноручных кувшинов является скос венчика вовнутрь на отдельных кувшинах. Ручка крепится одним концом к горлу, другим — к тулову. На конце она иногда заканчивалась характерным «хвостатым» удлинением с оттиском пальца или без такового. Кувшин снаружи и венчик изнутри обычно покрывались ангобом, поверх которого наносилось вертикальное полосчатое лощение. На некоторых фрагментах стенок кувшинов лощение ромбическое или арочное, иногда волнистое.

Довольно распространенным видом посуды были тарелочки на невысоком поддоне с вертикально стоящим скругленным венчиком и характерным перегибом в месте перехода венчика к тулову. Изнутри и частично снаружи такие тарелочки покрывались красным ангобом, стекающим по тулову снаружи неровными потеками. Изнутри такие тарелочки ук-

---

[86] В. А. Шишкин, «Курган» и мечеть Чор-Сутун в развалинах Старого Термеза,— «Труды АН УзбССР», серия I (история, археология), Ташкент, т. II, 1945, стр. 125, рис. 27, 14.

[87] Л. И. Альбаум, Городище Дальверзинтепа,— ИМКУ, 1966, вып. 7, стр. 54.

[88] См. диссертацию Н. С. Сычевой «Керамика нижней Сурхандарьи в кушанское время», М., 1972, табл. XXV, 3, 5 и табл. XXIV, рис. 1, 5.

[89] Л. И. Альбаум, Некоторые данные по изучению Анхорской группы археологических памятников стр. 124, рис. 8; стр. 125, рис. 9.

[90] М. И. Вязьмитина, Керамика Айртама времени кушанов,— «Труды АН УзбССР», серия I (история, археология), Ташкент, т. II, 1945, стр. 57, табл. II.

[91] См.: Н. С. Сычева, Керамика нижней Сурхандарьи..., табл. XXV, 7.

[92] Там же, табл. XXIV, 13, 14, табл. XXVII, 10, 13, табл. XXVIII, 10.

[93] М. И. Вязьмитина, Керамика Айртама, стр. 59, 9.

рашались ромбическим, арочным, либо радиально расходящимся лощением. Такое же лощение украшало тарелочку и снаружи. Подобные тарелочки известны по раскопкам Хайрабад-тепе[94], группы памятников Талимаранского массива[95] и Кара-тепе.

Довольно частой находкой в керамике памятников нижней Сурхандарьи является энохоя с венчиком в виде трилистника. Во фрагментарном материале достаточно часто встречаются стенки сосудов, украшенные ромбическим, арочным, волнистым, полосчатым лощением, а также штампом в виде пальметты, цветка, ромба, круга с радиусами, расходящимися от центра, вихревого знака, «ступни Будды», зернистого штампа. Керамика с подобным орнаментом широко известна по материалам «Кургана» в Старом Термезе[96], Дальверзин-тепе[97], Хайрабад-тепе[98], Зар-тепе[99], Артама[100].

Иногда стенки сосудов украшались налепами в виде головки льва; такие налепы известны в нижней Сурхандарье по материалам Кара-тепе и Зар-тепе[101].

Иногда ручки кувшинов украшались фигурками птиц. Этот прием украшения в Северной Бактрии известен пока только на Кара-тепе.

Отличия в посуде памятников нижней Сурхандарьи и других областей Северной Бактрии — Тохаристана сводятся в основном не к формам посуды, а к деталям и отдельным элементам. Так, для керамики Кобадиана, Бишкентской, Яванской, Гиссарской и Вахшской долин не характерны тагоры с ручками в виде налепного жгута с пальцевым оттиском, кувшины с ручками, заканчивающимися «хвостатым» удлинением, арочное лощение, ручки с навершиями в виде сидящей птицы. В то же время для керамики нижней Сурхандарьи не свойственна крашеная и белоангобированная керамика, а также керамика, покрытая зеленоватым или розовым ангобом, что характерно, напрмер, для Явана.

Все вышесказанное позволяет сделать вывод о неоднородности керамики Северной Бактрии кушанского времени и выделить район Термеза как самостоятельный керамический центр с собственными традициями гончарного искусства. Вы-

---

[94] Н. С. Сычева, Керамика нижней Сурхандарьи..., табл. XXVII, 9.
[95] Там же, табл. XXIX, 2—5.
[96] В. А. Шишкин, «Курган» и мечеть Чор-Сутун, стр. 125, рис. 27 (12, 11), стр. 126, рис. 28 (2, 3, 5).
[97] Л. И. Альбаум, Городище Дальверзинтепа, стр. 54.
[98] В. Д. Жуков, Археологическая разведка на шахристане Хайрабад-тепе,— ИМКУ, 1961, вып. 2, стр. 188, рис. 7.
[99] Л. И. Альбаум, Балалык-тепе, Ташкент, 1960, стр. 17, рис. 4.
[100] М. И. Вязьмитина, Керамика Айртама, стр. 64, табл. IX, 4—10.
[101] Л. И. Альбаум, Балалык-тепе, стр. 19 и рис. 5; «Кара-тепе I», стр. 41, и рис. 34, 2.

вод находится в полном соответствии с утверждением многих исследователей о неоднородности кушанской культуры [102].

К сожалению, в нижней Сурхандарье пока нет комплексов керамики, твердо относящихся к более раннему времени, которые позволили бы решить вопрос о том, существовали ли эти локальные отличия керамики нижней Сурхандарьи в I—II вв. н. э. Имеющиеся разрозненные материалы и единичные находки керамики, предположительно относящиеся к этому времени, позволяют говорить лишь об общности керамики нижней Сурхандарьи с керамикой других районов Северной Бактрии, которая, впрочем, в определенной мере сохранилась и в III—IV вв. н. э.

VI. Общие черты керамики нижней Сурхандарьи и керамики других областей Северной Бактрии — Тохаристана

Несмотря на неоднородность керамики кушанского времени на территории Северной Бактрии — Тохаристана, о которой говорилось выше, этой керамике свойственны некоторые общие черты, позволяющие называть продукцию различных керамических центров общим термином «кушанская керамика Северной Бактрии — Тохаристана». К таким общим чертам прежде всего можно отнести распространение общих и сходных видов и форм посуды: одноручные и двуручные кувшины, тагоры с расходящимися стенками, горшки с раздутым туловом, бокалы на ножке, энохои, сосуды с боковым носиком, котлы, хумы и хумча. Кроме того, к общим чертам относятся и многие элементы декора.

Некоторые из них явились результатом тесных связей между различными областями Средней Азии, другие — следствием эллинизации местных форм и элементов, третьи — вхождения Северной Бактрии в состав Кушанской державы, тесных контактов и торговых отношений как между отдельными областями Кушанского царства, так и между кушанами и другими государствами.

---

[102] А. Н. Бернштам, Историко-археологические очерки Центрального Тянь-шаня и Памиро-Алая,— МИА, М.—Л., 1952, № 26, стр. 232—234, 304—325; С. П. Толстов, По древним дельтам Окса и Яксарта, М., 1962, стр. 209; К. В. Тревер, Кушанская империя,— «История Узбекской ССР», т. I, Ташкент, 1955, стр. 102; Б. Я. Ставиский, Средняя Азия в кушанский период,— «История таджикского народа», т. I, М., 1963, стр. 373; Э. А. Юркевич, К вопросу о локальных вариантах кушанской керамики,— «Тезисы докладов и сообщений к совещанию по археологии Средней Азии», Л., 1968, стр. 288—292; В. М. Массон, В. А. Рамодин, История Афганистана, т. I, М., 1964, стр. 186.

Наблюдения над керамикой Северной Бактрии — Тохаристана показали, что самым распространенным приемом украшения посуды было ангобирование. Встречается ангоб красный, серый, малиновый, желтый, черный, белый, но преобладает красный цвет. Иногда ангоб покрывал весь сосуд целиком либо частично изнутри и целиком снаружи, а иногда частично снаружи и целиком изнутри.

Частичное ангобирование сосудов известно по целому ряду памятников Сурхандарьи: Дальверзин-тепе (III в. н. э.), «Курган» в Старом Термезе (конец IV в. н. э.), Хайрабад-тепе (III — конец IV в. н. э.), Талимаран, Джалпак-тепе, Абыдабад-тепе (II в. н. э.), в недатированном материале Айртама и Халчаяне [103].

Ангобирование части сосуда можно обнаружить также в керамике Северной Бактрии, в Кобадиане, Чимгалыш-тепе, Яванском городище. В Южной Бактрии и Северной Индии, входивших, как и Северная Бактрия, в состав Кушанской державы, частичное ангобирование не было известно. Зато здесь распространены сосуды с росписью, чего мы не встречаем в Северной Бактрии, где частичное ангобирование, вероятно, было заменителем росписи. Возможно, этот прием украшения посуды характерен только для Северной Бактрии и отражает местные среднеазиатские традиции гончарного искусства: прием частичного ангобирования посуды известен в Средней Азии по материалам Хорезма, Ферганы, Согда [104]. Появившись в Средней Азии задолго до нашей эры, этот прием стал особенно распространенным в Северной Бактрии во времена Великих Кушан.

Разновидностью керамики с частичным ангобированием является посуда с неровными потеками ангоба, придающими ей несколько грубоватый и небрежный вид.

Наряду с ангобированием в керамике Северной Бактрии широко использовался другой прием украшения посуды — лощение (вертикальное полосчатое, ромбическое сетчатое, арочное, волнистое, струйчатое). Лощением в основном покрывали стенки и горла кувшинов и горшков, тарелочки, маленькие чашечки и в редких случаях крупные тагоры.

Наиболее распространенным видом лощения является вертикальное полосчатое лощение. Кроме Кара-тепе оно встре-

[103] Описание керамики этих памятников с указанием характера ангобирования см.: Н. С. Сычева, Керамика нижней Сурхандарьи..., стр. 94—123.

[104] С. К. Кабанов, Археологические работы 1948 г. в Каршинском оазисе,— «Труды института истории и археологии АН УзбССР», т. 2, Ташкент, 1950, стр. 87—130; М. Г. Воробьева, Керамика Хорезма античного периода,— «Труды ХАЭЭ», М., 1959, IV, стр. 144—169; Ю. А. Заднепровский, Древнеземледельческая культура Ферганы,— МИА, М.—Л., 1965, № 118, стр. 137—138.

чается на Дальверзин-тепе, в «Кургане» Старого Термеза, Хайрабад-тепе, Абыдабад-тепе, Джалпак-тепе и Талимаране, в недатированном материале Зар-тепе, Айртама и Халчаяне [105]. Такое же лощение известно в Северной Бактрии, в Кобадиане, Яванском городище, Халкаджар-тепе.

Наряду с вертикальным полосчатым лощением в керамике Северной Бактрии встречается другой вид лощения в виде пересекающихся прямых полос, образующих ромбическую сетку.

Ромбическое сетчатое лощение известно в Сурхандарье по целому ряду памятников: Хайрабад-тепе, Абыдабад-тепе. Известно оно и по материалу Яванского городища.

Отметим, что в конце III — начале IV в. н. э. ромбическое лощение появляется и получает распространение на территории Хорезма и Согда [106].

Не менее распространенным было лощение с арочным переплетением. Пока керамика с таким лощением встречена только на Сурхандарье и лишь в районе Термеза на памятниках II—IV вв. н. э.— Талимаран и Хайрабад-тепе. Иногда арочное лощение встречается на сосудах в сочетании с ромбическим, что позволяет отнести появление этого приема украшения к концу II в. н. э.

Другим декоративным приемом в Северной Бактрии был штамп. Случаи использования его хотя и немногочисленны, но весьма важны для нашего исследования.

Скорее всего, этот прием был завезен из Греции еще во времена вхождения Бактрии в состав греко-бактрийского государства или возник здесь самостоятельно в связи с эллинизацией местной среднеазиатской культуры.

В Греции штамп был известен уже в IV в. до н. э. [107]. В Северной и Южной Бактрии, а также в Индии он отмечен несколько позднее, во II—I вв. до н. э. [108].

Самым ранним видом штампа в Северной Бактрии был штамп в виде пальметты, именно его мы встречаем в слоях II—I вв. до н. э. в Тулхарском могильнике [109]. Этот штамп продолжал бытовать и позднее на всем протяжении истории

[105] О видах лощения см.: Н. С. Сычева, Керамика нижней Сурхандарьи..., стр 94—123.

[106] М. Г. Воробьева, Керамика Хорезма, стр. 158, 168; Б. Я. Ставиский, Раскопки на городище Кулдор-тепе в 1956—1957 гг.,— СА, М., 1960, № 4, стр. 120.

[107] Г. А. Пугаченкова, Халчаян, стр. 59.

[108] А. М. Мандельштам, Кочевники на пути в Индию,— МИА, М., 1966, № 136, табл. 33, рис. 13; A. Ghosh, Taxila (Sirkap) (1944—1945),— AI, 1948, № 4, рис. 17, XLVI; G. R. Sharma, The Excavations at Kaucambi 1957—1959, Allahabad, 1960; D. Schlumberger, P. Bernard, Ai Khanum,— BCH, 1965, t. LXXXIX, fasc. II.

[109] А. М. Мандельштам, Кочевники на пути в Индию, табл. 33, рис. 13.

греко-бактрийского царства и кушанского времени в Северной Бактрии. Он встречается на Дальверзин-тепе, в «Кургане» Старого Термеза, на Хайрабад-тепе, а также в недатированном материале Зар-тепе, Айртама и Халчаяне [110]. Такие же виды штампа известны в Кобадиане, Чимгалыш-тепе и Яванском городище.

Несколько позднее на территории Северной Бактрии появляется штамп в виде ромба.

В Сурхандарье такой штамп известен не только по образцам из Кара-тепе, но зафиксирован и в «Кургане» Старого Термеза, Хайрабад-тепе, а также в Зар-тепе и Айртаме. Причем на Хайрабад-тепе и в «Кургане» Старого Термеза этот штамп мелкий.

Кроме ромбического штампа и пальметты в Северной Бактрии известна разновидность штампа в форме разделенного на сектора круга, напоминающего колесо «чакра», один из основных буддийских символов. Рисунок штампа аналогичен одному из элементов декора капители стамбхи из Сарнатха [111]. Это не единственный случай сходства штампа на керамике с архитектурной деталью. То же мы видим в Халчаяне, где штампованная пальметта повторяет форму антефикса [112]. Можно предположить, что бактрийские мастера-керамисты, украшая посуду штампом, иногда брали за основу узора архитектурный декор.

Кроме Кара-тепе подобный штамп отмечен в Айртаме.

К штампу в виде колеса близок по характеру так называемый вихревой штамп, напоминающий вращающееся колесо с изогнутыми спицами. Штамп известен по материалу Кара-тепе и Айртама, а за пределами Сурхандарьи — в материалах Яванского городища.

Еще одним видом штампа, распространенным в Северной Бактрии, является цветочный штамп, по узору аналогичный штампу Сиркапа [113]. В последнем угадывается стилизованное изображение лотоса. Подобное изображение цветка мы часто встречаем в индийской буддийской архитектуре [114].

Кроме Сурхандарьи цветочный штамп (крупный) известен по городищу Саксанохур. На Кара-тепе такой штамп и мелкий (в комплексе А), и крупный (в комплексе Б).

В Бактрии и на смежных с ней территориях названные

---

[110] О видах штампа см.: Н. С. Сычева, Керамика нижней Сурхандарьи..., стр. 94—123.

[111] R. E. M. Wheeler, Iran and India in Pre-Islamic Times,— AI, 1948, № 4, табл. XXVIII.

[112] Г. А. Пугаченкова, Халчаян, стр. 136, рис. 80, I.

[113] A. Ghosh, Taxila, стр. 70, рис. 17, XLVI.

[114] H. G. Franz, Hinduistische und islamische Kunst Indiens, Leipzig, 1967, tafl. II, стр. 107, 186.

три вида штампа известны по памятникам Зар-тепе, Балха, Сака, Шахри-Бану, Сиркап [115].

Следующим видом штампа в Северной Бактрии является штамп в виде ступни Будды, известный пока только по материалу Зар-тепе и Айртама.

Сходство последних четырех видов штампа с буддийскими символами дает основание предполагать, что эти виды штампа проникли в Северную Бактрию из Индии вместе с буддизмом.

Кроме перечисленных видов штампа в Северной Бактрии был в употреблении так называемый зернистый штамп. Он известен по раскопкам Кара-тепе, по материалу «Кургана» в Старом Термезе, Хайрабад-тепе, Айртама. Как правило, этот штамп мелкий. Кроме бассейна Сурхандарьи он известен также в Кобадиане и в Яванском городище.

Одним из ранних видов штампа в Северной Бактрии является штамп в виде стоящей мужской фигуры, пока известный лишь по материалу Кара-тепе.

Кроме штампованного орнамента посуда Северной Бактрии кушанского времени украшалась налепами. Такие налепы, как правило изображающие львов, встречены в завальном слое Кара-тепе и в подъемном материале Зар-тепе. Кроме того, подобные налепы были зафиксированы в надпольном слое пещеры I комплекса В, где находки керамики сопровождались монетой Канишки. Налепы в виде львов делались на небольших тонкостенных мисках, покрытых темно-красным или светло-коричневым ангобом. В слоях III—IV вв. н. э. подобные образцы не встречаются. По-видимому, керамика с налепами более ранняя, чем III в. н. э. Помимо Сурхандарьи миски с налепами в виде головы льва найдены в Сиркапе, Дхармараджике [116]. Аналогичные налепы известны и в материале Хотана [117].

Кроме налепов в виде головы льва в Северной Бактрии кушанского времени, в частности в материалах Зар-тепе, обнаружен налеп в виде головы козла-архара [118]. Здесь же были найдены налепы в виде фантастических животных, а в Яване и на Кара-тепе — налепы в виде человеческих лиц.

Сверх перечисленных выше приемов украшения посуды в Северной Бактрии распространенным декоративным приемом

---

[115] G. S. Gardin, Ceramique de Bactres,— MDAFA, 1957, t. 15, стр. 35, рис. 10, 4, 6, 7, 8; G. Carl, Le Fortun du Saka et la monastere du Guldara,— MDAFA, 1957, t. 8, стр. 17, рис. 111; G. Carl, Fouilles dans le site Shahr-i-Banu et soundage ou Zaker-tepe,— MDAFA, 1959, t. 8, стр. 65, рис. 16; A. Ghosh, Taxila, стр. 70, рис. 17, XLVI.

[116] J. Marhsall, Taxila, Cambridge, 1951, vol. III, рис. 131, k, l, m, n.

[117] Н. В. Дьяконова, С. С. Сорокин, Хотанские древности, табл. 16—19.

[118] Л. И. Альбаум, Балалык-тепе, стр. 19 и рис. 6.

в кушанское время была профилировка посуды. Обычно профилировались венчики тагор и кувшинов. Венчик украшали бороздками снаружи и изнутри, иногда снаружи и изнутри одновременно. Важно отметить наличие внутренней и наружной профилировки. Как было установлено на материале Кара-тепе, внутренняя профилировка у кувшинов появилась во второй половине IV в. н. э. Эта деталь прослеживается на керамике всех памятников района Термеза. Так, кувшины Дальверзин-тепе имели только наружную профилировку, а на кувшинах Хайрабад-тепе и «Кургана» Старого Термеза отмечается уже и внутренняя профилировка.

Интересной деталью являются ручки тагор и кувшинов. Наиболее распространенный вид у тагор — ручки, имеющие вид налепного жгута с оттиском пальца. Такие ручки имеются в Дальверзин-тепе, в «Кургане» в Старом Термезе, в Хайрабад-тепе, Зар-тепе и Айртаме [119]. Подобные ручки известны также на очень отдаленной территории Северного Причерноморья [120].

Другую разновидность этой формы дают ручки тагор в виде круглых выступов, иногда фестончатых с оттиском мелкого штампа, либо с пальцевыми ямочками или ногтевыми луночками. Такие ручки найдены в слоях III—IV вв. н. э. в «Кургане» Старого Термеза, Хайрабад-тепе, в материале Айртама. Кроме того, сходные ручки известны в Северном Причерноморье [121]. Очевидно, появление таких ручек на Сурхандарье приходится на конец III — начало IV в. н. э.

Более ранним видом являются витые ручки. Они известны в Дальверзин-тепе, Айртаме, Зар-тепе, Кобадиане.

У кувшинов необходимо отметить ручки с навершиями в виде сидящей птицы. Аналогичные ручки, как уже отмечалось, были найдены при раскопках в Афганистане. Известны они и по материалам Хотана.

Кроме рассмотренных декоративных приемов в керамике Северной Бактрии кушанского времени весьма распространены были процарапанные и прочерченные узоры, широко известные по всей Средней Азии.

Итак, на основе проделанного анализа приемов украшения глиняной посуды Северной Бактрии кушанского времени мы пришли к следующим выводам:

1) Прием частичного ангобирования, известный в Средней Азии в докушанское время, распространяется на рубеже

---

[119] Текстовой материал о видах ручек см.: Н. С. Сычева, Керамика нижней Сурхандарьи..., стр. 94—123.

[120] Собрание ГМИИ, шифры М—48, ЭХТ 15, № 1246 и М—59, LXXXIII/12, № 257.

[121] Т. Н. Книпович, Керамика местного производства из раскопа И,— сб. «Ольвия», т. I, Киев, 1940, табл. 37, 3, 4.

нашей эры в Северной Бактрии, где становится особенно характерным во времена Великих Кушан, являясь своеобразным заменителем росписи посуды, типичной для Согда и Хорезма этого времени.

2) Лощение в виде вертикальных полос, появившееся в Северной Бактрии во II—I вв. до н. э., являлось, очевидно, излюбленным приемом украшения посуды всей Северной Бактрии и характерно для кушанского времени. Кроме полосчатого лощения посуду Северной Бактрии, по-видимому, со II в. н. э. начинают украшать сетчатым ромбическим лощением и переплетающимся арочным.

3) Штамп как прием украшения керамики появляется в Северной Бактрии во II—I вв. до н. э. Возможно, он был завезен из Греции или возник здесь самостоятельно в результате эллинизации местной среднеазиатской культуры. Некоторые виды штампов, появившиеся в Северной Бактрии в I—II вв. н. э., проникли сюда из Индии вместе с буддизмом. Сравнительно широкое распространение штампа на керамике Северной Бактрии характерно для I—III вв. н. э., причем в I—III вв. н. э. штамп был крупный и наносился на поверхность сосуда с интервалами, ко второй половине IV в. н. э. штамп становится мельче и наносится на сосуд более часто.

4) Налепы, видимо, характерны для более ранней (до III в. н. э.) керамики Северной Бактрии.

5) Распространенным приемом украшения керамики Северной Бактрии кушанского времени была профилировка венчиков тагор и кувшинов. Внутренняя профилировка венчика у кувшинов появляется во второй половине IV в. н. э. лишь в районе Термеза.

6) Местной особенностью керамики района Термеза являются ручки тагор, имеющие вид налепного жгута с оттиском пальца. Эти ручки стали известны здесь только с III в. н. э. Во второй половине IV в. н. э. появились ручки тагор в виде горизонтального выступа с нанесенным на него штампом или ногтевыми ямочками. Более ранним видом ручек являются витые ручки, известные по всей Северной Бактрии.

7) Район Термеза не был единственным керамическим центром на территории Северной Бактрии в кушанскую эпоху, о чем наглядно свидетельствует керамика памятников Гиссарской, Вахшской, Яванской, Бишкентской долин, а также керамика долины р. Кафирниган. При современном состоянии вопроса, к сожалению, невозможно решить, относились эти памятники к одному или разным керамическим центрам, поскольку на большинстве городищ проводилась либо шурфовка, либо собирался только подъемный материал,

либо раскопки проводились на незначительных площадях. Поэтому до окончательного решения этого вопроса установление хронологических соответствий по аналогиям возможно лишь внутри одного локального варианта.

VII. Керамика нижней Сурхандарьи и вопрос о культурных связях Северной Бактрии — Тохаристана

Исследование керамики Северной Бактрии кушанского времени позволяет поставить и в какой-то мере разрешить некоторые вопросы ее истории, так скудно освещенные в письменных источниках. Прежде всего это вопрос о культурных связях Средней Азии, и в частности Северной Бактрии, с другими территориями и народами. Такая проблема ставилась неоднократно [122].

В литературе уже не раз отмечались связи Средней Азии кушанского периода с Индией и Римской империей, а также тесные связи, существовавшие между различными областями, входившими в состав Кушанской империи, и между этими областями и соседними государствами [123]. Тезис о наличии таких связей подтверждался в основном анализом украшений, нумизматического материала, изделий из кости и отдельных образцов керамики.

Изучение массового керамического материала Северной Бактрии кушанского времени вообще и Кара-тепе в частности позволяет расширить круг наших знаний о международных связях между различными областями Кушанской империи.

---

[122] Г. А. Пугаченкова, Сосуд из Термеза с вакхической сценой,— ВДИ, 1951, № 1, стр. 128—136; ее же, Древние связи в искусстве Средней Азии и Афганистана,— МПВКВ, стр. 411—412; В. А. Шишкин, К вопросу о древних культурных связях народов Средней Азии с другими странами и народами,— «Материалы второго совещания археологов и этнографов Средней Азии», М.—Л., 1959, стр. 22—23; его же, Изобразительное искусство народов Средней Азии по материалам археологических исследований,— МПВКВ, стр. 603; Б. Я. Ставиский, О международных связях Средней Азии в V — середине VIII в. н. э. в свете данных советской археологии,— ПВ, 1960, № 5, стр. 114—116; его же, Средняя Азия, Индия, Рим (к вопросу о международных связях в кушанский период),— ИД, стр. 166—187; А. М. Беленицкий, К истории культурных связей Средней Азии и Индии в раннее средневековье,— ИД, стр. 188—198; Б. А. Литвинский, Таджикистан и Индия,— ИД, стр. 143—165; Б. А. Литвинский, Н. О. Турсунов, Ленинабадский кратер и лувр-ская ваза Сосибия,— ВДИ, 1971, № 3, стр. 92—106; В. М. Массон, Археологические памятники Средней Азии и греко-римские влияния и связи,— «Academia Nazionale dei Lincei», Anno CCCLXIII, Roma, 1966, № 76, стр. 335—356.

[123] Б. Я. Ставиский, Средняя Азия, Индия, Рим, стр. 166—187; В. М. Массон, Археологические памятники Средней Азии и греко-римские влияния и связи, стр. 335—356.

Остановимся на связях Северной Бактрии кушанского времени с южными областями Кушанской империи, в первую очередь с Южной Бактрией. Тесные контакты этих двух областей хорошо прослеживаются на керамическом материале, прежде всего в наличии общих форм керамики. К подобным формам можно отнести красноангобированные тонкостенные тарелочки на невысоком поддоне с характерным перегибом стенки, покрытые изнутри лощением. Такие тарелочки встречаются в керамическом материале Северной Бактрии — Кара-тепе, Дальверзин-тепе, Хайрабад-тепе, Джалпак-тепе, Абы-дабад-тепе, Талимаран [124]. В Южной Бактрии они известны в материале Балха [125].

Другим видом посуды, который находит аналогии в керамике этих территорий, является тагора. Правда, надо отметить, что не все типы тагор Северной Бактрии аналогичны тагорам Южной Бактрии. К общим формам в этом виде посуды можно отнести большие тагоры со стреловидным и овальным венчиком, отогнутым наружу и скругленным. Этот вид посуды известен в Северной Бактрии на Кара-тепе и Хайрабад-тепе, а в Южной Бактрии — в Балхе [126]. В целом же формы керамики Северной и Южной Бактрии имеют свои специфические разновидности.

Кроме указанных общих форм в керамике Северной и Южной Бактрии определенная общность наблюдается и в приемах украшения посуды. Наиболее распространенным декоративным приемом в керамике этих областей является частичное покрытие сосудов ангобом, неоднократно отмечавшееся нами в керамике Северной Бактрии и известное также по керамике Балха [127]. Другим не менее распространенным приемом украшения было ромбическое сетчатое лощение, отмеченное также в Балхе и Дурман-тепе [128].

Общей чертой керамики Северной и Южной Бактрии кушанского времени является также штамп — как само наличие штампа, так и формы его. Это штамп в виде цветка, розетки, пальметты, ромба, круга с расходящимися из центра радиусами. Кроме керамики Северной Бактрии эти же виды штампа встречаются и на керамике Южной Бактрии, например в Балхе, Дурман-тепе [129].

---

[124] Сведения о видах посуды Северной Бактрии и приемах ее украшения см.: Н. С. Сычева, Керамика нижней Сурхандарьи..., стр. 57—128.

[125] G. S. Gardin, Ceramique, табл. IV, 19 c.

[126] Там же, табл. III, 6.

[127] Там же, табл. III.

[128] Там же, табл. IV, 19, c, d; см. также: Durman-tepe and Lolma. Buddhist Sites in Afghanistan Surveyed in 1963—1965, ed. by S. Mizuno, Kyoto, 1968, табл. 11, 1.

[129] G. S. Gardin, Ceramique, рис. 5; Durman-tepe and Lolma, табл. 40, рис. 15.

К общим элементам в керамике Северной и Южной Бактрии кушанского времени можно отнести витые ручки кувшинов, которые известны в Северной Бактрии по керамике Кара-тепе, Зар-тепе, Дальверзин-тепе, а в Южной Бактрии — по материалам Балха [130].

Свидетельством связей Северной и Южной Бактрии являются также сосуды с носиками, известные по керамике Кара-тепе, «Курган» в Старом Термезе и Явана, а на юге — по материалам Балха [131].

По керамике можно проследить также связи, которые существовали в кушанское время между Северной Бактрией и Индией, одинаково входившими в состав огромной империи Кушан. Об этих связях свидетельствуют некоторые общие формы посуды. Это относится прежде всего к сосудикам с носиками, которые отмечены на Кара-тепе, в «Кургане» Старого Термеза, в Айртаме, а в Индии известны с древнейших слоев Бхир-Маунда [132]. Общей формой посуды являлись и тарелочки с вертикальным бортиком и характерным перегибом стенки, которые известны и в Северной Бактрии, и в Индии [133]. Сходны с бактрийскими также тонкостенные красноангобированные миски с налепами в виде головы льва [134]. К общим чертам можно отнести и штамп в виде цветка лотоса, который хорошо известен по материалу Северной Бактрии (Кара-тепе, Зар-тепе, Яван, Саксанохур) и по материалам Индии и Пакистана (Сиркап, Шахри-Бану) [135]. На этом, однако, сходство керамики Северной Бактрии и Индии кушанского времени кончается. Весь характер прочей керамики, ее формы, внешнее оформление, орнамент резко отличаются от керамики Северной Бактрии рассматриваемого периода.

Интересно, что из семи отмеченных нами черт, общих для керамики Северной и Южной Бактрии, только три являются общими для Северной Бактрии и Индии. Пожалуй, это естественно, поскольку мы вправе предполагать существование более тесных и непосредственных связей между обеими частями Бактрии, чем между Северной Бактрией и Индией. Последние осуществлялись через Южную Бактрию, что и прослеживается очень четко на керамическом материале.

Возникает вопрос, откуда пришли те или иные черты керамики: с севера на юг или наоборот — с юга на север? Ответить исчерпывающе на этот вопрос пока не представляется возможным из-за недостатка необходимого материала и не-

[130] G. S. Gardin, Ceramique, табл. III, 10f.
[131] Там же, табл. III, 10e.
[132] J. Marshall, Taxila, vol. III, рис. 123, 125, 126.
[133] A. Ghosh, Taxila, рис. 4, 10k, 10l.
[134] J. Marshall, Taxila, vol. III, рис. 131, k, l, m, n.
[135] A. Ghosh, Taxila, рис. 17, XLIV; G. Carl, Fouilles dans le site Shahr-i-Banu, стр. 65, рис. 16.

надежности датировок многих памятников. Однако можно все же утверждать, что связи между севером и югом осуществлялись в двух встречных направлениях. О направлении с юга на север свидетельствуют штампы с буддийской символикой, украшающие посуду Северной Бактрии (черта, пришедшая явно с юга), а о движении с севера на юг говорят, например, тарелочки с характерным перегибом стенки, найденные в Индии. Скорее всего, они пришли туда из Причерноморья, северным путем.

О наличии тесных связей между Средней Азией и Северным Причерноморьем уже писали [136]. Исследователи этого вопроса подчеркивали главным образом наличие общих форм посуды в Северной Бактрии и Северном Причерноморье. К подобным формам относили следующие:

1) Красноангобированные тонкостенные тарелочки на невысоком плоском поддоне с характерным перегибом стенки. Эта посуда, очевидно, делалась на месте как подражание римским красноглиняным изделиям, известным в Северном Причерноморье уже в I в. н. э. [137].

2) Как образец такого подражания рассматривались сосуды типа энохои с венчиком в виде трилистника. В Северном Причерноморье этот тип бытует уже на рубеже нашей эры [138].

При дальнейшем рассмотрении керамики нами были установлены еще две общие формы. Это, во-первых, большие двуручные кувшины с цилиндрическим горлом, покрытые красным ангобом. Такая форма кувшинов идет, как нам кажется, от двуручных небольших амфор Северного Причерноморья [139] и встречается в Северной Бактрии не только на Кара-тепе, но и в Халчаяне, Хайрабад-тепе, Дальверзин-тепе.

Во-вторых, это большие и малые тагоры с ручками-выступами, аналогичные чашам и лутериям Северного Причерноморья. В Северной Бактрии они известны кроме Кара-тепе на Дальверзин-тепе и Хайрабад-тепе, а в Северном Причерноморье — в Пантикапее [140], Мирмекии [141]. Известны они и в Ольвии в слоях III—II вв. до н. э. [142].

---

[136] Б. Я. Ставиский, Средняя Азия, Индия, Рим, стр. 176—181; В. М. Массон, Археологические памятники Средней Азии и греко-римские влияния и связи, стр. 335—356.

[137] Б. Я. Ставиский, Средняя Азия, Индия, Рим, стр. 180.

[138] Там же.

[139] Г. А. Цветаева, Раскопки некрополя Горгиппии в 1964 г.,— КСИА, 1967, № 109, рис. 54, 5 (на стр. 137).

[140] И. Б. Зеест, И. Д. Марченко, Некоторые типы толстостенной керамики из Пантикапея,— МИА, 1962, № 103, стр. 158—159.

[141] Е. Г. Кастанаян, Лепная керамика Мирмекия и Тиритаки,— МИА, 1952, № 25, стр. 268—272.

[142] Т. Н. Книпович, Керамика местного производства из раскопа И, табл. 37, 4, 3.

Связи с Северным Причерноморьем выразились не только в появлении в Северной Бактрии новых форм посуды, но и в распространении здесь отдельных черт, присущих керамике Северного Причерноморья.

К таким чертам можно отнести:

1) Ручки-выступы тагор, с той лишь разницей, что в Северном Причерноморье такие ручки украшались круглыми ямочками [143] (слои III—II вв. до н. э.), а в Северной Бактрии — мелким штампом [144].

2) Общим элементом керамики Северной Бактрии и Северного Причерноморья являются также витые ручки. В Северном Причерноморье они обнаружены в материалах II—III вв. н. э. в Неаполе Скифском [145], Кепах и Танаисе [146]. Некоторые исследователи считают, что подобные ручки характерны именно для этого времени, II—III вв. н. э. [147]. В Северной Бактрии витые ручки известны в Кобадиане, Дальверзин-тепе, Хайрабад-тепе.

3) Среди общих черт интересно отметить ромбическое сетчатое лощение. Подобное лощение появилось впервые в Ольвии, там оно засвидетельствовано уже в слоях IV—III вв. до н. э. [148], а также в I—II и во II—III вв. н. э. [149]. Кроме Ольвии ромбическое сетчатое лощение хорошо известно по всему Северному Причерноморью. Так, сероглиняные сосуды с сетчатым лощением найдены в слоях III—IV вв. н. э. в Танаисе [150], в Пантикапее [151], Тиратаки [152], Китее [153], Фанагории [154]. Ряд исследователей (И. Б. Зеест,

---

[143] Там же, табл. 37, 4, 3.

[144] В. А. Шишкин, «Курган» и мечеть Чор-Сутун в развалинах Старого Термеза, стр. 126, рис. 28, 4.

[145] П. Н. Шульц, Тавро-скифская экспедиция,— КСИИМК, 1949, XXVII, стр. 63, рис. 27.

[146] Н. И. Сокольский, Раскопки в Кепах в 1959 г.,— КСИА, 1961, № 86, стр. 59; его же, Раскопки в Кепах в 1962 г.,— КСИА, 1963, № 103, стр. 113; Т. Н. Книпович, Танаис, М.—Л., 1949, стр. 41, рис. 6.

[147] Т. Н. Книпович, Танаис, стр. 41.

[148] Е. И. Леви, Ольвийская агора,— МИА, 1956, № 50, стр. 71, 72, рис. 32.

[149] Е. И. Леви, Итоги раскопок ольвийского теменоса и агоры (1951—1960),— сб. «Ольвия», М.—Л., 1964, стр. 17—18, рис. 1—2, стр. 25, рис. 22, I и II.

[150] Т. Н. Книпович, Танаис, стр. 44.

[151] И. Т. Кругликова, О местной керамике Пантикапея,— МИА, 1954, № 33, табл. II, 23, 25, 46, 47; табл. III, 33, 39—42; табл. IV, рис. 1—3, 8, стр. 107, рис. 7.

[152] В. Ф. Гайдукевич, Раскопки Тиритаки в 1935—1940 гг.,— МИА, 1952, № 25, стр. 116, рис. 142.

[153] Н. С. Белова, Археологические разведки в Китее,— КСИА, 1961, № 83, стр. 86.

[154] И. Т. Кругликова, О местной керамике Пантикапея, стр. 91 и табл. IV; И. Д. Марченко, Раскопки восточного некрополя Фанагории,— МИА, 1956, № 57, стр. 124, рис. 5 (5, 3).

Е. Г. Кастанаян, И. Д. Марченко, И. Т. Кругликова) считают, что такое лощение чаще всего встречается в слоях III—IV вв. н. э. и что появляется этот орнамент вместе с сарматами, продвигавшимися и оседавшими в это время в Северном Причерноморье, а потому и посуду с таким орнаментом называют сарматской [155]. Нам кажется, что сарматы не принесли этот вид орнамента, а, наоборот, сами восприняли его от жителей Северного Причерноморья. И у тех, и у других характер лощения одинаковый: это мелкое лощение на серой глине по первичному сплошному лощению. Кроме такого лощения в Северном Причерноморье известно также и лощение по красному ангобу, причем не мелкое, а крупное, т. е. такое же, как и в кушанских памятниках Северной Бактрии. На территории Средней Азии такое лощение зафиксировано в памятниках III—IV вв. н. э. в Хорезме [156] и Согде [157]. Кроме того, в Средней Азии встречается и мелкое сетчатое лощение на отдельных частях сосудов (Кара-тепе, Хайрабад-тепе, Яван).

Таким образом, из сказанного выше следует, что ромбическое сетчатое лощение, впервые возникнув, по-видимому, в Ольвии, позднее, в III—IV вв. н. э., стало преобладающим не только на территории Северного Причерноморья, но и у кушан, сарматов и на более отдаленной территории племен полей погребений [158]. Необходимо отметить, что население Северной Бактрии восприняло этот вид лощения, несколько переработав его.

4) Говоря о связях Северной Бактрии кушанского времени с городами Северного Причерноморья, необходимо остановиться еще на одном общем элементе — штампе. Выше уже отмечалось, что штамп пришел в Северную Бактрию в результате эллинизации местной среднеазиатской культуры. Среднеазиатские мастера, взяв за основу самую идею штампа, осмыслили ее по-своему, создав новые орнаментальные формы.

5) О непосредственных связях Северного Причерноморья с Северной Бактрией свидетельствует техника частичного покрытия сосудов краской, которая в Северном Причерноморье

---

[155] И. Б. Зеест, Пантикапейская керамика сарматского времени,— МИА, 1957, № 56, стр. 159; Е. Г. Кастанаян, Художественные элементы в лепной керамике Боспора,— сб. «Античные города Северного Причерноморья», М.—Л., 1955, стр. 401, рис. 18, 2; И. Д. Марченко, Раскопки восточного некрополя Фанагории, стр. 124; И. Т. Кругликова, О местной керамике Пантикапея, стр. 91.

[156] М. Г. Воробьева, Керамика Хорезма, стр. 158, рис. 35, 13.

[157] Б. Я. Ставиский, Раскопки на городище Кулдор-тепе в 1956—1957 гг., стр. 120, рис. 6, 2.

[158] Э. А. Рикман, О влиянии позднеантичной культуры на черняховскую в Днепровско-Прутском междуречье,— КСИА, 1970, № 124, стр. 27.

существовала уже в позднеклассический и раннеэллинистический период [159].

Перечисленные факты еще раз подтверждают наличие связей между указанными территориями.

Убедившись в существовании контактов между Северным Причерноморьем и Северной Бактрией, мы невольно задаем вопрос: через какие территории осуществлялись эти связи?

В литературе неоднократно ставился и в той или иной степени решался вопрос о территориях, по которым осуществлялись связи Кушанского государства с городами Северного Причерноморья и Римом. Б. Я. Ставиский утверждает, что такие связи шли по трем путям: северному (через евразийский коридор), центральному (через Иранское плато) и южному (по морю из Египта в Индию) [160]. В. М. Массон, в целом соглашаясь с таким решением вопроса, полагает, однако, что северный путь имел характер косвенных контактов через посредство кочевых племен, снижая таким образом до некоторой степени роль северного пути в римско-кушанских связях [161]. Керамический материал подсказывает несколько иное толкование. Сравнение керамики Северной Бактрии и Северного Причерноморья свидетельствует о том, что северный путь был главным, по крайней мере в отношении распространения тех или иных черт причерноморской керамики в Северной Бактрии. Связи, видимо, осуществлялись непосредственно между Бактрией и Причерноморьем, а роль кочевых племен сводилась к тому, что их территории служили как транзитные, сами же они были «свидетелями» этих связей.

В качестве подтверждения справедливости этого тезиса приведем перечень тех общих черт керамики, которые встречаются на территории Северной Бактрии кушанского времени, Северного Причерноморья этого же времени и у сарматов.

Первой такой чертой является лощение. Мы уже останавливались на этом вопросе, поэтому внесем лишь некоторые дополнения. Ромбическое сетчатое лощение довольно широко встречается в керамике Северного Причерноморья и Северной Бактрии. Кроме этих двух территорий ромбическое лощение встречается в единичных случаях в керамике сарматов [162], начиная с III в. н. э. оно появляется в Согде и Хорезме.

[159] В. Д. Блаватский, О технике росписи арибаллических лекифов,— КСИИМК, 1947, XV, стр. 51—57; М. М. Кобылина, Раскопки некрополя Тиритаки в 1934 г.,— МИА, 1941, № 4, стр. 78, рис. 113.

[160] Б. Я. Ставиский, Средняя Азия, Индия, Рим, стр. 178.

[161] В. М. Массон, Археологические памятники Средней Азии и греко-римские влияния и связи, стр. 346—347.

[162] М. И. Вязьмитина, Сарматские погребения у с. Ново-Филипповка,— сб. «Вопросы скифо-сарматской археологии», М., 1954, стр. 227, табл. 3, 6.

Вторая общая черта — витые ручки. Как уже говорилось выше, витые ручки в Северном Причерноморье известны по материалам II—III вв. н. э. в Неаполе Скифском, Кепах, Танаисе. В Северной Бактрии витые ручки хорошо известны в Кобадиане, Дальверзин-тепе, Хайрабад-тепе, Кара-тепе. Встречаются они и в сарматском материале.

Интересно отметить еще одну форму ручек. Это ручки, нижняя часть которых заканчивается когтистой лапой. Один из сосудов с такой ручкой найден в Айртамском могильнике [163], второй — в сарматском материале Северного Кавказа [164]. Возможно, прототипом этих ручек следует считать ручки кувшинов, о которых пишет А. М. Мандельштам, исследовавший Тулхарский могильник [165]; это ручки, нижняя часть которых заканчивается в виде двух или трех расходящихся валиков.

И наконец, частичное ангобирование сосудов. Этот прием хорошо известен и в Северном Причерноморье, и в кушанской Северной Бактрии (Кара-тепе, Дальверзин-тепе, Хайрабад-тепе, Зар-тепе, группа памятников Талимаранского массива, Айртам, Яван). В сарматском материале обнаружен только один сосуд с частичным покрытием краской, как видно, эта черта совершенно несвойственна сарматской керамике [166].

Несмотря на то что в сарматском материале имеется ряд черт, общих с керамикой Северной Бактрии кушанского времени и керамикой Северного Причерноморья, мы можем в настоящее время, опираясь на керамический материал, говорить только о непосредственных контактах Северной Бактрии с Северным Причерноморьем. Те черты, которые довольно характерны для керамики Северной Бактрии и Северного Причерноморья, у сарматов встречаются в единичных экземплярах. Это относится и к характеру лощения, и к ангобированию, и к витым ручкам, и к ручкам в виде когтистой лапы. Если бы контакты осуществлялись косвенным путем, эти черты встречались бы в керамике сарматов гораздо чаще.

В вопросе связей Средней Азии с греко-римским миром важным моментом является выделение периодов в развитии этих связей. В. М. Массон считает, что можно выделить три

---

[163] Б. А. Тургунов, Айртамский могильник,— ОНУ, 1968, № 8, стр. 52, рис. 2; аналогичный сосуд хранится в фондах Музея культуры и искусства Узбекской ССР в г. Самарканде, № А-50-178.

[164] Н. В. Анфимов, Земляные склепы сарматского времени в грунтовых могильниках Прикубанья,— КСИИМК, 1947, XVI, стр. 152, рис. 53.

[165] А. М. Мандельштам, Кочевники на пути в Индию, стр. 89, табл. VII, 10.

[166] К. Ф. Смирнов, Быковские курганы,— МИА, 1960, № 78, стр. 181, рис. 6, 13.

периода в развитии связей между Средней Азией и греко-римским миром[167]. Первый этап он относит к IX—VII вв. до н. э., когда контакты с эллинским миром были незначительными и ограничивались областью культуры. Второй, во время которого эллинистические вкусы и образ жизни становятся нормой, он ограничивает IV—I вв. до н. э. В третий период — I—III вв. н. э.— в Средней Азии наблюдается выработка стиля, органически включавшего достижения греко-римского искусства.

На основании анализа керамики Северной Бактрии кушанского времени нам кажется возможным выделить четвертый период в развитии этих связей.

Сравнивая комплексы керамики различных памятников Северной Бактрии кушанского времени, мы обратили внимание на разницу и в качестве отделки и в формах посуды. Возьмем несколько хронологически разновременных комплексов керамики Сурхандарьи: Зар-тепе, Абыдабад-тепе, Джалпак-тепе, Талимаран — I хронологическая группа; Дальверзин-тепе, Кара-тепе — II хронологическая группа. Сравним сначала качество отделки одних и тех же видов посуды, которые встречаются одновременно и в Северном Причерноморье. Это прежде всего тарелочки. Если тарелочки I группы памятников отличаются прекрасной отделкой наружной поверхности, хорошим ангобом, тщательным лощением (залощивалась не только ангобированная часть сосудов, но и неангобированная), то эти же виды посуды во II группе памятников, относящихся к более позднему времени, демонстрируют ухудшение обработки наружной поверхности сосудов (ангоб становится тусклым, отслаивается, лощение — небрежным, залощивается только ангобированная часть). Если же мы обратимся к III хронологической группе памятников — «свалка» на заднем дворе комплекса А Кара-тепе и «Курган» Старого Термеза, то вообще не найдем там посуды этого типа.

Далее рассмотрим штамп. Если в I группе памятников керамика со штампом отличалась особой тщательностью отделки, четким крупным штампом, а иногда и несколькими видами штампа, нанесенного на один сосуд, то во II группе памятников штампованный орнамент становится небрежнее, мельче, на сосуде встречается только один вид штампа. Керамика памятников III группы становится еще грубее и хуже по сравнению с керамикой не только I, но и II группы памятников. Здесь совершенно не встречается керамика со штампом.

---

[167] В. М. Массон, Археологические памятники Средней Азии..., стр. 335—356.

Если в I группе памятников встречались сосуды, покрытые лакоглазурью, то в III группе они совершенно отсутствуют. Исчезает ранее часто встречавшийся тип посуды — энохоя с венчиком в виде трилистника. Эти факты говорят о том, что в IV период (вторая половина IV в. н. э.) связи Северной Бактрии с Северным Причерноморьем ослабевают или прекращаются вовсе. Возможно, это связано с крушением Кушанской империи или началом «великого переселения народов», а возможно, что ослабление связей произошло в период, предшествовавший этому крушению, когда империя ослабла политически и экономически.

В. Я. Бирштейн

К ВОПРОСУ О ТЕХНИКЕ РОСПИСЕЙ КАРА-ТЕПЕ И ДРУГИХ ПАМЯТНИКОВ СРЕДНЕЙ АЗИИ — ПРОБЛЕМА ИЗУЧЕНИЯ СВЯЗУЮЩЕГО КРАСОК И ГРУНТА

Определение связующего красок монументальных росписей имеет важнейшее значение для вопроса о технике произведения. Эту проблему четко сформулировал цейлонский ученый Де Сильва: «Наиболее важный аспект научного исследования живописи, ключ к применявшейся технике — установление факта, употреблялось ли связующее; определение типа темперной живописи становится возможным после идентификации связующего»[1]. Однако многие археологи и искусствоведы, занимающиеся изучением памятников Средней Азии, не уделяют должного внимания данному вопросу. Обычно в работах указывается, что живопись выполнялась клеевыми красками по сухому грунту или штукатурке, причем экспериментальные подтверждения отсутствуют[2]. Более того, нередко встречается следующее мнение о растительном клее, применявшемся мастерами: «Установить его состав не удалось потому, что клей за длительное время успел совершенно разложиться»[3]. Такие утверждения только отвлекают внимание от постановки экспериментальной работы.

Чтобы внести ясность в вопрос о технике среднеазиатской монументальной живописи, мы решили провести систематическое изучение связующего красок и грунта росписей[4]. На-

---

[1] R. H. De Silva, The Problem of the Binding Medium Particularly in Wall Painting,— «Archaeometry», vol. 6, Oxford, 1963, стр. 56—64.

[2] И. П. Костров, Техника живописи и консервации росписей древнего Пянджикента,— «Живопись древнего Пянджикента», М., 1954, стр. 162, 163; В. А. Шишкин, Варахша, М., 1963, стр. 150—152; Г. А. Кошеленко, Л. А. Лелеков, Живопись Хорезма позднеантичной эпохи,— «Сообщения ВЦНИЛКР», вып. 28, М., 1972, стр. 195—210.

[3] В. А. Шишкин, Варахша, стр. 150—152.

[4] Автор выражает искреннюю признательность доктору биологических наук А. С. Антонову за предоставленную возможность проводить работу в Межфакультетской лаборатории биоорганической химии МГУ, научному сотруднику А. В. Троицкому — за обсуждение результатов.

чало такой работы было сопряжено с большими сложностями. Во-первых, совершенно неизвестно, употребляли ли в действительности древние мастера растительные клеи. Во-вторых, не ясно, какие это могли быть клеи — растворы камедей плодовых деревьев или другие вещества растительного происхождения, например клей «шереша», который в Средней Азии готовят из корней растения эремурус[5]. Наконец, трудно сказать, в каком виде — нативном или разрушенном (частично или до олиго- и моносахаридов) — находятся полисахариды в археологических фрагментах.

Первые эксперименты, проведенные на образцах среднеазиатских росписей, показали, что в некоторых случаях из живописи и грунта удается выделить полимерные полисахариды[6]. В настоящей работе мы остановимся на изучении связующего росписей Кара-тепе, а также некоторых других памятников Средней Азии, в которых найдено связующее, состоящее из полисахаридов.

Материалы

Образцы из Кара-тепе:

а) фрагменты росписей с красной раскраской (пигмент, по-видимому, охра[7]) из пещерных помещений.

б) Фрагмент с растительным орнаментом, снятый с южной стены северного коридора храма П-II. Живопись выполнена красной и черной красками.

В обоих случаях живопись находится на грунте толщиной 1,5—2,0 *мм*. Грунт рыхлый, плохо растворяется в HCl, наполнителем служит песок. Грунт наносился на поверхность стен пещер, вероятно, тонкими слоями (на изломе четко прослеживается слоистость). Грунт полихромного фрагмента готовился в два этапа: видна граница между слоями (возможно, слои наносились в разное время), но разделить его не представлялось возможным. Верхний слой, лежащий непосредственно под живописью, отличается белизной. Красочный слой легко отделяется от грунта.

в) Фрагмент из наземного помещения с полихромной росписью по лёссовой штукатурке; живопись выполнена на тонкой белой подгрунтовке.

---

[5] В. А. Шишкин, Варахша, стр. 150—152.

[6] В. Я. Бирштейн, В. М. Тульчинский, Древняя живопись в инфракрасных лучах,— «Химия и жизнь», 1973, № 12; В. Я. Бирштейн, Некоторые вопросы технологии среднеазиатских и причерноморских стенных росписей античного времени,— «Сообщения ВЦНИЛКР», вып. 31.

[7] Т. И. Берлин, З. М. Желнинская, Результаты исследования красок из Кара-тепе,— «Кара-тепе III», стр. 111—113.

г) Небольшие лепные детали скульптур, найденные в наземных помещениях (археологи обычно определяют их как ганчевые). Состав массы, из которой они вылеплены, сходен с грунтом росписей. На деталях видны остатки красной раскраски.

Образцы из Пенджикента[8] — фрагменты размером 1×2 *см*^{2} толстой глиняной штукатурки с наполнителями, на которую нанесен тонкий слой белого грунта с черной или коричневатой раскраской (пигменты — вероятно, сажа и охра[9]).

Образцы из Топрак-кала — небольшие фрагменты росписей, выполненных черной краской по красному фону. Под живостью тонкий слой белого плотного грунта на глиняной штукатурке с наполнителями[10].

Образец из Аджина-тепе — фрагмент с пятнами синей, розовой и желтой краски (по-видимому, лазурит и охра[11]). Плотный грунт толщиной 1—1,5 *мм*, вероятно гипсовый (ганчевый)[12].

Методы

Гидролиз материала, в котором предположительно содержался белок, проводился по методу Штейна и Мура[13]: 1—10 *мг* материала гидролизовали в вакууме (с предварительным трехкратным замораживанием в атмосфере азота и оттаиванием в вакууме) в течение 24 часов в 6н HCl при 105°. Полученный гидролизат фильтровали через стеклянный фильтр g5 и упаривали в роторном вакуумном испарителе. Иногда для лучшей очистки гидролизат наносили на колонку со смолой Дауэкс 50х8, с которой аминокислоты элюировали раствором 2н NH_4OH.

Гидролиз полисахаридов вели в 1н H_2SO_4 в течение 10—12 часов на кипящей водяной бане (навеска 1—5 *мг*)[14]. Гид-

---

[8] Автор благодарит сотрудников Государственного Эрмитажа Е. Г. Шейнину и Н. Г. Герасимову за любезно предоставленные для исследования фрагменты росписей, найденные в завалах при раскопках 1968 г.

[9] И. П. Костров, Техника живописи, стр. 162, 163.

[10] М. Г. Воробьева, К вопросу техники внутренней отделки помещений дворца Топрак-кала.— «Труды ХАЭЭ», т. I, М., 1952, стр. 68—70; Г. А. Кошеленко, Л. А. Лелеков, Живопись Хорезма, стр. 196.

[11] Б. А. Литвинский, Т. И. Зеймаль, Аджина-тепа, М., 1971, стр. 68.

[12] Там же.

[13] S. Moore, W. H. Stein, Chromatographic Determination of Amino Acids by the Use of Automatic Recording Equipment,— «Methods in Enzymology», vol. 6, New York, 1963, стр. 819—831.

[14] Дж. А. Адамс, Полный кислотный гидролиз полисахаридов,— «Методы химии углеводов», М., 1967, стр. 442—447.

ролизат нейтрализовали $BaCO_3$, осадок $BaSO_4$ отфильтровывали, к фильтру добавляли немного смолы Дауэкс 50х8 в кислотной форме, раствор центрифугировали, супернатант высушивали в вакуумном роторном испарителе.

Хроматография смесей аминокислот проводилась на пластинках «Silufol UV_{254}» фирмы «Kavalier» в системе н-бутанол-ледяная уксусная кислота-вода (60 : 20 : 20). Хроматограммы окрашивали 0,5% раствором нингидрина в этаноле.

Гидролизаты полисахаридов хроматографировали: а) в предварительных опытах — на пластинках «Silufol UV_{254}» в системе н-бутанол-ледяная уксусная кислота-вода (60 : 20 : 20); б) при более детальном исследовании — в тонком слое микрокристаллической целлюлозы (ГДР) с помощью трехкратной прогонки при 37° С в системе этилацетат-пиридин-вода (100 : 35 : 25) [15]. Целлюлозу наносили на стеклянные пластинки размером 4,5×20 *см* (10 *г* целлюлозы размешивали в гомогенизаторе с 60 *мл* воды). Хроматограммы опрыскивали анилинфталатным реактивом.

Количественный анализ смесей аминокислот [16] проводился на приборе KLA-3B фирмы «Hitachi». Условия разделения: а) колонка 0,9×50 *см* — буфер цитратный 0,2н по Na^+ pH 3,25—4,25; скорость буфера — 60 *мм/час*; нингидрина — 30 *мм/час*; t° = 55° С; б) колонка 0,6×10 *см* — буфер цитратный 0,35н по Na^+, pH 5,28; скорость буфера — 60 *мм/час*, нингидрина — 30 *мм/час*.

Анализ гидролизатов полисахаридов газохроматографией проводился на приборе Pye Argon [17]. Предварительно моносахариды гидролизатов восстанавливали до полиолов и превращали в ацетилированные производные [18]: к высушенному нейтрализованному гидролизату полисахарида (навеска 2 *мг*) добавляли 10—15 *мг* боргидрида натрия в метаноле, перемешивали и оставляли на 1 час. Избыток боргидрида разлагали катионитом КУ-2 (H^+), раствор упаривали, к остатку несколько раз прибавляли метанол и упаривали, остаток тщательно высушивали. После этого добавляли смесь, содержавшую одинаковые количества ацетангидрида и пиридина, и оставляли

---

[15] C. W. Readsveld, H. Klomp, Thin-layer Chromatographic Analysis of Sugar Mixtures,— «J. Chromatogr.», vol. 57, Amsterdam, 1971, стр. 96—106.

[16] Автор благодарит сотрудников Межфакультетской лаборатории биоорганической химии МГУ Л. П. Белянову и Л. А. Баратову за помощь в проведении количественного анализа смесей аминокислот.

[17] Автор благодарит сотрудника Института органической химии АН СССР А. И. Усова за помощь в работе и проведение ряда анализов.

[18] J. S. Sawardeker, J. H. Sloneker, A. Jeanes, Quantitative Determination of Monosaccharides as Their Alditol Acetates by Gas Liquid Chromatography,— «Anal. Chem.», vol. 37, Washington, 1965, стр. 1602—1604.

на 4 часа. Условия разделения: колонка ECNSS-M 3% на газхроме Q, температура 180°, газ-проявитель — аргон, вводили 5 *мкл* 20% раствора в хлороформе.

Инфракрасные (ИК) спектры снимали на приборе «Perkin-Elmer 257»[19]. 1 *мг* материала запрессовывали в таблетки с KBr (150 *мг*).

Результаты исследований

Исследование фрагментов росписи Кара-тепе было начато с гидролиза образцов грунта с красной раскраской. Хроматография гидролизатов на пластинках «Silufol» показала, что в них присутствуют в основном аминокислоты, но имеются и следы моносахаридов. Ранее при такой методике наличие аминокислот уже было установлено[20], из чего делался вывод о применении белкового клея.

Однако присутствие аминокислот в гидролизате грунта не может служить однозначным указанием на белковое связующее. Скорее всего, этот факт говорит о загрязнении образца свободными аминокислотами. Для того чтобы достоверно убедиться в наличии связующего, его необходимо выделить в полимерном виде, очистить и потом исследовать. Именно так бельгийские исследователи Л. Масшелейн-Клейнер и Ф. Трико-Маркс изучали полисахариды связующих помпейской живописи и росписей майя[21]. Если же полимерное соединение выделить не удается, то следует провести количественный анализ смеси аминокислот или сахаров и уже на основании этих данных делать выводы. Таким образом нам удалось идентифицировать желатину в грунте и живописном слое росписей Мансур-депе[22].

Поэтому следующие опыты проводили по такой схеме: грунт или красочный слой измельчали, кипятили с водой 10 минут, а потом отцентрифугированный осадок обрабаты-

---

[19] Автор выражает признательность сотруднику Института химии природных соединений АН СССР В. М. Тульчинскому за любезное разрешение пользоваться прибором «Perkin-Elmer 257» и помощь в расшифровке ИК-спектров.

[20] Т. И. Берлин, З. М. Желнинская, Результаты исследований, стр. 112.

[21] L. Masschelein-Kleiner, F. Tricot-Marckx, La détection de polysaccharides dans les matériaux constitutifs des oeuvres d'art,— «Bull. Inst. Roy. Patr. Art», vol. 8, Bruxelles, 1965, стр. 180—191; P. de Henau, R. Kléber, L. Masschelein-Kleiner, J. Thissen, F. Tricot-Marckx, Les peintures murales mayas de Bonampak analyse des matériaux,— «Bull. Inst. Roy. Patr. Art.», vol. 9, Bruxelles, 1966, стр. 114—124.

[22] В. Я. Бирштейн, Некоторые вопросы технологии; В. Я. Бирштейн, В. М. Тульчинский, Древняя живопись в инфракрасных лучах.

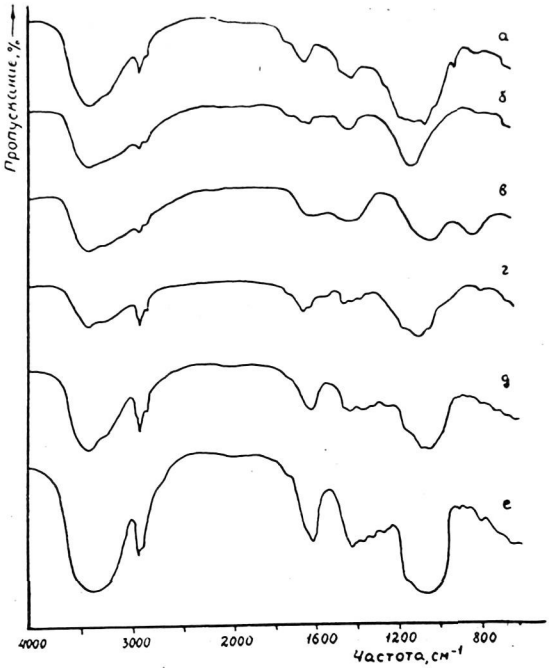

Рис. 54

вали последовательно 1н HCl и 1н NaOH. Все эти растворы смешивали, доводили до нейтрального pH, диализовали против воды в течение 72 часов. Диализат упаривали в вакуумном роторном испарителе и снимали ИК-спектр полученного вещества. Оказалось, что во всех опытах удавалось выделить полисахарид (обычно с примесью неорганических соединений).

На рис. 54 представлены типичные спектры полученных веществ: *а* — из красочного слоя полихромного фрагмента, *б* — из грунта того же фрагмента, *в* — из живописного слоя (вместе с подгрунтовкой) фрагмента на лёссовой штукатурке. Все эти спектры практически совпадают. В области 3400 $см^{-1}$ лежит широкая и интенсивная полоса валентных колебаний связанных OH-групп, а в области 2800—3000 $см^{-1}$ — полосы валентных колебаний CH-групп. В спектрах наблюдаются две полосы в областях примерно 1740 $см^{-1}$ и 1620—1640 $см^{-1}$. В первой области лежит полоса, принадлежащая валентным колебаниям C=O групп неонизированных кислот, а во второй — карбонилам ионизированных кислот (некоторые ав-

торы объясняют эту полосу исключительно присутствием в образце гидратационной воды[23]), образующих комплексы с неорганическими ионами[24]. Валентные колебания скелета молекулы находятся в области 1000—1100 $см^{-1}$. Разница в данной области, вероятно, обусловлена неорганическими компонентами образцов. Даже при 72-часовом диализе удалить неорганические примеси не всегда удавалось. На спектрах тех же веществ, прокаленных в фарфоровом тигле, полоса при 1000—1100 $см^{-1}$ смещалась до 1120—1160 $см^{-1}$ — спектральной области, характерной для гипса[25].

То, что описанные спектры — спектры полисахаридов, подтверждается как литературными данными[26], так и нашими экспериментами. Области поглощения в спектрах камедей урюка (абрикоса) Armenica vulgaris и вишни Prunus cerasus, собранных в г. Ташкенте, соответствуют указанным для выделенных соединений (рис. 53 д, е). Следует подчеркнуть абсолютное сходство этих спектров, то есть на основании сравнения спектров эти камеди различить нельзя. Однако данные спектры не идентичны спектрам полисахаридов, выделенных из фрагментов росписей (особенно поглощение в области 1200—1500 $см^{-1}$).

На том же рис. 54г приведен ИК-спектр вещества, выделенного из лепных скульптурных деталей. Хотя спектр данного вещества весьма похож на спектры остальных соединений, выделенных из фрагментов росписей Кара-тепе, однако в нем присутствуют полосы поглощения при 1550 $см^{-1}$ (плечо) и 1650 $см^{-1}$ (довольно интенсивная полоса), характерные для пептидных групп белков. Другими словами, в данном случае, по-видимому, мы имеем дело со смесью полисахаридов с белком — возможно, применялся смешанный клей из камеди и белка.

При хроматографии гидролизатов выделенных веществ в тонком слое целлюлозы были обнаружены пятна ксилозы, маннозы, глюкозы и глюкуроновой кислоты. Наибольшей интенсивностью окраски обладало пятно ксилозы, пятно маннозы выявлялось слабее, остальные пятна были едва видны. Эти данные подтвердила газо-жидкостная хроматография

---

[23] L. Masschelein-Kleiner, F. Tricot-Marckx, La détection de polysaccharides, стр. 186.

[24] В. Д. Щербухин, Применение ИКС к изучению углеводов,— УБХ, 1968, № 9, стр. 198—219; J. Rosik, A. Kardošová, J. Kubala, Infrared Spectroscopy of Peach-gum Polysaccharides of Prunus persica (L) Batch,— «Carbohyd. Res.», vol. 18, Amsterdam, 1971, стр. 151—186.

[25] Н. Н. Осипова, Об определении минеральных компонентов почвы методом инфракрасной спектрометрии,— БН, 1973, № 8, стр. 116—120.

[26] В. Д. Щербухин, Применение ИКС к изучению углеводов, стр. 198—219; L. Masschelein-Kleiner, F. Tricot-Marckx, La détection de polysaccharides, стр. 185.

гидролизата полисахарида, выделенного из грунта полихромного фрагмента. На хроматограмме (рис. 55) ясно видны пики производных ксилозы (1) и маннозы (2), а пики производных галактозы, глюкозы и глюкуроновой кислоты почти не прослеживаются. Таким образом, в красочном слое и грунте присутствует полисахарид, в состав которого входят указанные моносахариды. К сожалению, подобный состав не предоставляет возможности даже предположительно указать камедь растения, употреблявшуюся для клея.

Поскольку нами показано, что полученное вещество — полисахарид, а при предварительном исследовании найдены аминокислоты, был проведен количественный аминокислотный анализ гидролизата соединения, выделенного из фрагмента с красной росписью (см. таблицу).

Аминокислотный состав гидролизата вещества, выделенного из грунта росписи Кара-тепе

	мкМ	Мол. %
Аспарагиновая кислота	0,0231	9,7
Треонин	0,0112	4,7
Серин	0,0446	18,7
Глютаминовая кислота	0,0380	15,9
Пролин	Следы	—
Глицин	0,0565	23,6
Аланин	0,0194	8,1
Валин	0,0133	5,6
Метионин	Следы	—
Изолейцин	0,0069	2,9
Лейцин	0,0110	4,6
Тирозин	Следы	—
Фенилаланин	Следы	—
Лизин	0,0125	5,3
Гистидин	0,0022	0,9
Аргинин	Следы	—
Сумма	0,2387	100,0

Как видно из таблицы, в выделенном веществе имеются аминокислоты, причем некоторые из них в относительно значительных количествах (глицин, серин, глютаминовая кислота). Следовательно, в состав полученного полисахарида входят аминокислоты. Такое явление для полисахаридов извест-

Рис. 55

но[27]. Итак, можно считать доказанным, что в данном случае древние мастера применяли растительные клеи из камедей.

Аналогичным образом были выделены связующие из фрагментов росписей Пенджикента, Топрак-калы и Аджина-тепа. В случае образцов из Пенджикента и Топрак-калы отделить красочный слой от грунта не удавалось, однако с фрагмента из Аджина-тепа краска легко соскабливалась, поэтому связующее выделяли отдельно из грунта и красочного слоя.

Как видно из рис. 56, на котором представлены ИК-спектры выделенных веществ, спектр связующего пенджикентских образцов (рис. 56а) поразительно напоминает спектр связующего, выделенного из красочного слоя образцов из Кара-тепе (рис. 54а). Сходство подтвердил анализ гидролизата полисахарида с помощью газовой хроматографии (рис. 57): на хроматограмме отчетливо видны пики производных тех же основных компонентов — ксилозы (1) и маннозы (3), однако в данном полисахариде присутствуют в значительных количествах глюкуроновая кислота (2), галактоза (4) и глюко-

[27] F. Smith, R. Montgomery, Chemistry of Plant Gums and Mucilages, New York, 1959, стр. 41—54; S. Keck, T. Peters, Identification of Protein-containing Paint Media by Quantitative Amino Acid Analysis,— «Studies in Conservation», vol. 14, 1969, стр. 75—82.

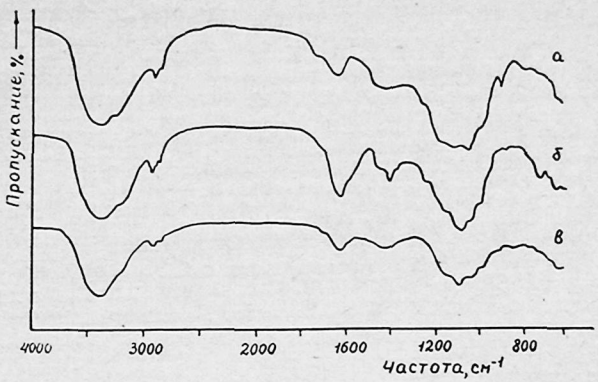

Рис. 56

за (5). Следовательно, в Пенджикенте и Кара-тепе применялись клеи из камедей близких, но не идентичных растений.

ИК-спектр вещества (рис. 56б), выделенного из образцов красочного слоя и грунта Топрак-калы, практически идентичен спектрам камедей вишни и особенно урюка (рис. 54д, е). Более интенсивная полоса поглощения в спектре полисахарида при 1410 $см^{-1}$, по-видимому, обусловлена наличием диссоциированных карбоксильных ионов (этому соответствует усиление интенсивности поглощения при 1620 $см^{-1}$) [28]; присутствие полосы поглощения при 1240 $см^{-1}$, вероятно, объясняется наличием неорганических компонентов. При хроматографии гидролизатов выделенного полисахарида в тонком слое целлюлозы были обнаружены моносахариды, входящие в состав камедей вишни и урюка: галактоза, манноза, глюкоза и, по-видимому, арабиноза. Таким образом, мастера, расписывавшие дворец в Топрак-кала, в качестве связующего применяли клей из камеди урюка или вишни.

На том же рисунке (рис. 56в) приведен ИК-спектр вещества, выделенного из красочного слоя росписей Аджина-тепа (такой же спектр имело соединение, полученное из грунта). Из сопоставления с другими спектрами видно, что данное вещество также полисахарид, но иной, чем найденные в фрагментах росписей Кара-тепе, Пенджикента и Топрак-кала. Этот вывод подтвердила хроматография гидролизатов соединения в тонком слое целлюлозы: были обнаружены пятна ксилозы, маннозы, глюкозы, причем пятно глюкозы обладало

[28] В. Д. Щербухин, Применение ИКС к изучению углеводов.

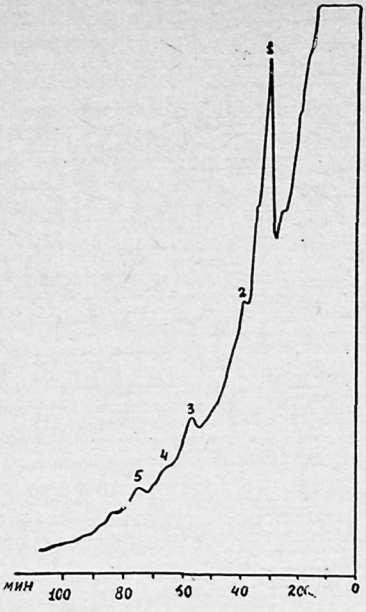

Рис. 57

наибольшей интенсивностью окраски. К сожалению, в данном случае назвать растение, камедь которого применялась для клея, не представляется возможным.

Обсуждение результатов и выводы

Мы показали, что в красочном слое и грунте росписей Кара-тепе применялся растительный клей; примерно такой же клей употребляли мастера, работавшие в Пенджикенте. В Топрак-кала художники расписывали стены красками, замешанными на камеди деревьев подсемейства Prunoideae — вишни или урюка, а в Аджина-тепа — на какой-то другой камеди. Иными словами, можно утверждать, что во всех случаях росписи были выполнены клеевыми красками.

Памятники, откуда были взяты исследованные фрагменты росписей, различаются как по времени постройки и исполнения росписей (Кара-тепе — II—IV вв. н. э.[29], Топрак-кала —

[29] Б. Я. Ставиский, Раскопки Кара-тепе — буддийского культового центра кушанского Термеза,— «Археологические открытия 1972 г.», М., 1973, стр. 471.

III—IV вв.[30], Пенджикент — VII—VIII вв.[31], Аджина-тепа — VII в.[32]), так и по назначению (Кара-тепе и Аджина-тепа — храмовые комплексы, дворцы в Пенджикенте и Топрак-кала — светские постройки). Как отмечали многие авторы, в живописи разных среднеазиатских памятников прослеживается много общего[33], однако следует подчеркнуть, что технологически изученные нами росписи существенно отличаются. Это отличие заключается не только в разнице применявшегося клея, но и в подготовке стен и грунта для исполнения росписей.

В Кара-тепе для приготовления грунта, по-видимому, мастера применяли тот же клей, на котором замешивали краски, поскольку трудно себе представить, чтобы клей из красочного слоя проникал в большом количестве в толщу грунта (из 1,5—2,0 *г* грунта удавалось выделить примерно 2,0—3,0 *мг* полисахарида; такое же количество мы выделяли примерно из 1,0 *г* красочного слоя). Как уже говорилось, грунт рыхлый, готовился с добавлением мелкого песка и наносился, по-видимому, слоями (слои, лежащие поверх стены, содержат больше песчаного наполнителя, чем слои, на которых находится живопись).

В остальных случаях, как упоминалось, грунт, вероятно, гипсовый и готовился без связующего. Следует отметить, что связующее пенджикентских образцов хотя и напоминает связующее росписей Кара-тепе, но применялось в других соотношениях: из навески красочного слоя на тонком грунте удавалось выделить примерно в два раза больше полисахарида, чем из навески красочного слоя Кара-тепе. Наличие связующего в грунте росписей Аджина-тепа, скорее всего, можно объяснить проникновением его из красочного слоя, так как вряд ли связующее вещество добавлялось при замешивании гипса.

В какой-то мере с росписями других памятников сходна живопись наземных помещений Кара-тепе, где отсутствует толстый грунт и имеется лишь тонкий слой подгрунтовки, возможно не содержащей связующего.

Техника исполнения среднеазиатских росписей сходна с техникой буддийской живописи Индии, Цейлона, Восточного

---

[30] М. Г. Воробьева, К вопросу техники; Г. А. Кошеленко, Л. А. Лелеков, Живопись Хорезма, стр. 196.

[31] А. М. Беленицкий, Монументальное искусство Пенджикента, М., 1973, стр. 40.

[32] Б. А. Литвинский, Т. А. Зеймаль, Аджина-тепа, стр. 8.

[33] М. М. Дьяконов, Росписи Пянджикента и живопись Средней Азии,— «Живопись древнего Пянджикента», М., 1954, стр. 146; Б. А. Литвинский, Т. А. Зеймаль, Аджина-тепа, стр. 68—76; Г. А. Кошеленко, Л. А. Лелеков, Живопись Хорезма, стр. 198—208.

Туркестана, Афганистана[34]. Поэтому интересно сопоставить технологию индийской живописи и росписей исследованных памятников.

Судя по указаниям трактатов VII—XVI вв., индийские мастера применяли связующее для приготовления и красок, и грунта[35]. Грунт готовился следующим образом: известь или белую глину смешивали с песком, землей, размельченной керамикой и добавляли клеевой раствор. Клей мог быть разный — растительный (в частности, употреблялись камеди и соки разнообразных растений и деревьев, отвары из бобовых и бананов), животный — желатина, полученная вываркой кожи буйволов, и даже пчелиный воск. Высушенный грунт сверху покрывался тонким слоем из смеси белой глины или растолченных раковин моллюсков с растительным или животным клеем. В качестве связующего красок применялись те же растительные или кожный клеи.

Исследование индийских росписей пещерных храмов проводится с начала XX в.[36], но систематическое изучение буддийской живописи Индии, Афганистана и Восточного Туркестана велось в 30-х годах. Практически во всех изученных индийских памятниках грунт состоял из двух слоев: нижнего, более толстого (1,5—2,2 *мм*) и верхнего — тонкого, 0,6—0,8 *мм* толщиной, что соответствует описанным выше принципам приготовления грунта. Химический анализ показал, что в толстом слое обычно присутствует известь с примесью песка, в тонком — только известь[37]. В большинстве случаев органические компоненты в росписях не найдены, лишь в некоторых обнаружена растительная камедь[38] или животный клей[39] и даже следы масла[40]. Поэтому автор работ С. Парамасиван предпо-

---

[34] М. М. Дьяконов, Росписи Пянджикента, стр. 146; Б. А. Литвинский, Т. А. Займаль, Аджина-тепа, стр. 198—208; Г. А. Кошеленко, Л. А. Лелеков, Живопись Хорезма, стр. 196—199.

[35] A. K. Coomaraswamy, The Technique and Theory of Indian Painting,— «Technical Studies in the Field of Fine Arts», vol. 3, Oxford, 1934, стр. 59—89; S. Gunasinghe, La technique de la peinture Indienne d'après les textes du Silpa, Paris, 1957, стр. 11—16; 53—54; A. Painter, Techniques anciennes de la peinture Hindoue,— «Painter, Pigment, Vernis», vol. 42, 1966, стр. 633—637.

[36] A. K. Coomaraswamy, History of Indian and Indonesian Art, London, 1927, стр. 89—90; M. Bussagli, Ajanta, EWA, 1959, стр. 159—178.

[37] S. Paramasivan, The Pallava Paintings at Conjeevaram — an Investigation into the Methods,— «Proc. Ind. Acad. Sci.», vol. 10, 1939, стр. 77—84; 85—95.

[38] Там же; см. также: S. Paramasivan, An Investigation into the Methods of the Mural Paintings. A. In Cochin and Travancore. B. Lepakshi and Sanpalayam,— «J. of Ind. Soc. of Oriental Art», vol. 7, 1939, стр. 18—38.

[39] S. Paramasivan, The Wall Paintings in the Bagh Caves — an Investigation intho Their Methods,— «Proc. Ind. Acad. Sci.», vol. 10, 1939, стр. 85—95.

[40] Там же, стр. 93—95.

ложил, что живопись обычно выполнялась в технике fresco secco, с употреблением в качестве связующего известковой воды. Разумеется, полностью доверять результатам этих работ нельзя из-за несовершенства методик, но новейшие данные также говорят об отсутствии природных клеев в ряде индийских росписей [41].

Росписи пещерных храмов Афганистана и Восточного Туркестана, к сожалению, тоже исследованы недостаточно. По мнению С. М. Дудина, обследовавшего пещерные комплексы в 1910-х годах, живопись представляет собой темперу, выполненную по грунту, состоящему из извести и песка или из гипса [42]. Р. Геттенс, изучавший в 1930-х годах образцы росписей двух пещерных храмов, сообщает, что мастера применяли краски из минеральных пигментов, смешанных с животным клеем, а для грунта употребляли гипс [43].

Расхождение между результатами экспериментов, проведенных на образцах индийской живописи, и индийскими трактатами непонятно, тем более что согласно современным восточным традиционным методам для стенных росписей используются клеи. Так, в Японии до сих пор применяется животный (кожный) клей [44], а в Средней Азии роспись по ганчу выполняется в технике смешанной темперы — минеральные пигменты сначала замешивают с урюковым клеем (разведенной в воде камедью урюка), а потом в полученный состав добавляют яичный желток [45]. Как уже упоминалось, в Средней Азии также распространен вишневый клей и клей, приготавливаемый из корней растения эремурус [46]. Клеящие свойства этого растения обусловлены содержащимися в его корнях эремураном и другими полисахаридами [47].

Наши данные о том, что в изученных памятниках применялись растительные клеи, хорошо согласуются с древними и современными методами восточных мастеров. Способы, описанные в индийских трактатах, особенно напоминает вероятная технология приготовления грунта и красок в Кара-тепе.

---

[41] O. P. Agrawal, A Study of the Techniques of Indian Wall Painting,— «J. Ind. Museums», vol. 25—26, 1969—1970, стр. 99—119.

[42] С. М. Дудин, Техника стенописи и скульптуры в древних буддийских пещерах и храмах Западного Китая,— «Сборник музея археологии и этнографии», Пг., т. 5, 1917, стр. 21—92.

[43] R. J. Gettens, The Materials in the Wall Paintings of Bamian, Afghanistan,— «Technical Studies in the Field of Fine Arts», vol. 6, 1937—1938, стр. 186—193; его же, The Materials in the Wall Paintings of Kizil in Chinese Turkestan,— там же, стр. 132—138.

[44] M. Bussagli, Ajanta, стр. 161.

[45] П. Захидов, Ферганская роспись. Из альбома народного мастера С. Наркузиева, Ташкент, 1960, стр. 10.

[46] В. А. Шишкин, Варахша, стр. 151.

[47] Н. К. Щербухина, Резервные глюкоманнаны высших растений,— УБХ, 1970, т. 9, стр. 226—243.

Возможно, здесь употреблялся не только растительный клей, но для некоторых целей он смешивался с животным. Об этом говорят результаты исследования связующего лепных скульптурных деталей, но для окончательного утверждения требуются дальнейшие эксперименты.

Следует отметить, что животный клей[48] ранее был найден нами в росписях только одного среднеазиатского памятника — парфянского святилища Мансур-депе, датируемого II—I вв. до н. э.[49]. Реконструируемая технология приготовления грунта и красок в Мансур-депе очень похожа на процессы, упомянутые в индийских трактатах для случая применения желатинового клея: здесь грунт состоял из мела с добавлением измельченных фрагментов керамики, мелкой гальки и желатинового клея, а красная краска замешивалась на том же клее.

Таким образом, за единственным исключением — Мансур-депе — среднеазиатские росписи выполнены клеевыми красками, замешанными на растительных камедях. При этом технология приготовления грунта и красок в Кара-тепе соответствует описаниям индийских трактатов. В остальных же изученных памятниках технологические процессы были иными, хотя в Пянджикенте применялось сходное связующее. Дальнейшие исследования, вероятно, позволят строить заключения о сходстве и различии художественных школ памятников Средней Азии не только на основании анализа стиля, но и на основании технологических приемов и применявшихся материалов — в первую очередь связующего красок.

---

[48] В. Я. Бирштейн, Некоторые вопросы технологии; В. Я. Бирштейн, В. М. Тульчинский, Древняя живопись в инфракрасных лучах.

[49] Г. А. Кошеленко, Л. А. Лелеков, Монументальная живопись Мансур-депе (полевые исследования ВЦНИЛКР, 1968 г.),— «Сообщения ВЦНИЛКР», вып. 26, М., 1970, стр. 155—162.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

Рисунки в тексте

1. Схематический план городища Старого Термеза.
2. План раскопа 1973 г.
3. Общий вид раскопа с северо-востока.
4. Часть изображения женщины. Фрагмент стенной росписи из южного айвана двора комплекса Б. Прорисовка.
5. Фрагменты каменных изделий: капители (*а*), рельефа с бычьей головой (*б*), рельефа с фигурой человека (*в*).
6. Захоронение в наземном помещении комплекса Б.
7. План раскопа близ вершины холма.
8. Разрез по линии восток — запад: из северного айвана двора комплекса Б через лестницу в северо-западном его углу и помещение Х-1.
9. Захоронения в помещении Х-4.
10. Вид раскопа комплекса В с севера: входные ниши пещер I, II, III и IV (слева направо).
11. Пещера I комплекса В. Разрез по линии запад — восток: через основное помещение, нишу и каморку.
12. Пещера I комплекса В. Разрез основного помещения по линии север — юг.
13. Пещера I комплекса В. Вид основного помещения с юга. Рисунок.
14. Пещера I комплекса В. Основное помещение. Реконструкция.
15. Пещера I комплекса В. Каморка. Реконструкция. Вид с востока.
16. Надпись письмом брахми на керамическом сосуде из помещения Х-4. Прорисовка.
17. Палеографическая таблица надписей брахми кушанского периода.
18. Надпись на черепке письмом брахми. Прорисовка.

19—35. Арабские надписи граффити. Прорисовки.

36—53. Керамика Кара-тепе.

54. Инфракрасные спектры поглощения полисахаридов, выделенных из росписей и скульптуры Кара-тепе и камедей вишни и урюка.
55. Хроматографическое разделение ацетилированных производных гидролизатора полисахарида, выделенного из красочного слоя росписи Кара-тепе.
56. Инфракрасные спектры поглощения полисахаридов, выделенных из образцов Пенджикента, Топрак-калы и Аджина-тепа.
57. Хроматографическое разделение ацетилированных производных гидролизатора полисахарида, выделенного из пенджикентской росписи.

Альбом иллюстраций

1. Раскоп двора комплекса Б. Вид с запада.
2. Раскоп помещения Х-1 (на переднем плане лестница в северо-западном углу двора комплекса Б).

3. Лестница в северо-западном углу помещения X-1.
4. Раскоп комплекса В. Вид с северо-востока.
5. Входная ниша пещеры II комплекса В.
6. Входная ниша пещеры III комплекса В.
7. Захоронение в наземном помещении комплекса В.
8. Захоронение в помещении X-4 — погребение I.
9. Деталь погребения I в помещении X-4 — рука с монетой.
10. Двуязычная надпись-граффити (среднеперсидская и бактрийская) в комплексе В.
11. Керамический сосуд с надписью брахми (по низу тулова) из помещения X-1.
12. Левая часть надписи брахми на сосуде из помещения X-1.
13. Правая часть надписи брахми на сосуде из помещения X-1.
14. Бактрийская надпись на черепке.
15. Бактрийская надпись на черепке.
16 *(а, б, в)*. Бактрийские надписи-граффити.
17 *(а)*. Черепок с процарапанными знаками; *(б)*. Черепок с процарапанной тамгой (?).
18—19. Керамические сосуды из Кара-тепе.
20. Образцы лощения и врезанной орнаментации сосудов из Кара-тепе.
21. Образцы штампов на сосудах из Кара-тепе.
22. Керамика из раскопок 1973 г.
23 *(а, б)*. Чайниковидные керамические сосуды из раскопок Кара-тепе 1973 г.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

БА — «Биологические науки», М.
ВДИ — «Вестник древней истории», М.
ВЦНИЛКР — Всесоюзная центральная научно-исследовательская лаборатория по консервации и реставрации.
ВЯ — «Вопросы языкознания», М.
ГМИИ — Государственный музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина.
ГМИНВ — Государственный музей искусства народов Востока.
КСИА — «Краткие сообщения Института археологии Академии наук СССР», М.
ИД — «Индия в древности», М., 1964.
ИМКУ — «История материальной культуры Узбекистана», Ташкент.
КСИИМК — «Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры Академии наук СССР», М. — Л.
МИА — «Материалы и исследования по археологии СССР», М.— Л., М.
МПВКВ — «Материалы первой всесоюзной научной конференции востоковедов в г. Ташкенте 4—11 мая 1957 г.», Ташкент, 1958.
ОНУ — «Общественные науки в Узбекистане», Ташкент.
ПВ — «Проблемы востоковедения», М.
СА — «Советская археология», Л., М.—Л.
УБХ — «Успехи биологической химии», М.
ХАЭЭ — Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция.
AAASH — «Acta Antiqua Academiae Scientiarum Hungarical», Budapest.
AI — «Ancient India», New Delhi.
AM — «Asia Major», London (Leipzig).
AMI — «Archaeologische Mitteilungen aus Iran», Berlin.
BCH — «Bulletin de correspondance hellénique», Paris.
BEFEO — «Bulletin de l'École Française d'Extrême-Orient», Paris.
BSOAS — «Bulletin of the School of Oriental and African Studies, London, (University of London)».
CRAIBL — «Comptes rendus des séances de l'Académie des inscriptions et belles-lettres», Paris.
EWA — «Encyclopedia of World Art», New York — Toronto — London.
GGA — «Göttinger Gelehrte Anzeigen».
IF — «Indogermanische Forschungen», Berlin.
JA — «Journal asiatique», Paris.
JAOS — «Journal of the American Oriental Society», Baltimore.
JRAS — «Journal of the Royal Asiatic Society of Great Britain and Ireland», London.
MDAFA — «Mémoires de la Délegation archéologique française en Afghanistan», Paris — Le Caire.
MSS — «Münchener Studien zur Sprachwissenschaft», München.
N. F. — Neue Folge.
N. S. — Neue Serie.

ZDMG — «Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft», Leipzig — Wiesbaden.
ZII — «Zeitschrift für Indologie und Iranistik», Leipzig.
«Кара-тепе I» — «Кара-тепе — буддийский пещерный монастырь в Старом Термезе», М., 1964.
«Кара-тепе II» — «Буддийские пещеры Кара-тепе в Старом Термезе», М., 1969.
«Кара-тепе III» — «Буддийский культовый центр в Старом Термезе», М., 1972.

SUMMARY

The present collection is the fourth in the Series of the Materials of the Expedition at Kara Tepe * and it is devoted to one of the remarkable monuments of the ancient culture in Central Asia, that of the Buddhic cult center which existed in the second — fourth centuries A.D. on the hill of Kara Tepe in the North-western part of the spacious site of the Old Termez.

The significance of this monument for the study of history of culture and arts of the region, as well as the materials obtained in the excavations of it, may be hardly overestimated. The florishing of Kara Tepe coincides with the existence of the powerful Central Asiatic-Indian Kushan Empire which is still understudied and thus seems mysterious. The center under question was connected with the India-generated religious learning, one of the greatest in the history of mankind, which for a long time dominated in the South, Inner and East Asia. The monument provides a reflection of international relations of the Kushan epoch. But its primary importance lies in its ability to characterize culture and arts of the main region of the Kushan state, i. e. Bactria-Toharistan. Thus, the study of Kara Tepe enriched our science with various data shedding light onto many problems of the history, culture and arts of Bactria, Central Asia and the Kushan state.

Our expedition to Kara Tepe, first in 1961, was a kind of continuing process that had started with sporadic pioneering works in 1928—1936 persued by A. S. Strelkov, G. V. Parfenov, V. N. Kesaev, and B. B. Piotrovsky, was continued by E. G. Pchelina in 1937 with her reconnaissance excavations as part of a large Termez expedition headed by Professor M. E. Masson. The previous three collections in our Series contained reports on excavations at Kara Tepe (prior to 1971), publications, terracottas, fragments of stone reliefs and architectural details, data on anthropological and palaeopathological analyses of human remnants, results of color analyses of paintings and stone reliefs, a study of political history problems of Bactria-Toharistan, and an annotated bibliography of works on Kara Tepe in 1961—1970.

The present collection contains summarized results of the Kara Tepe studies in 1972—1973. The field works in these years were undertaken by a joint expedition of three Ministry of Culture sponsored institutions: the State Hermitage, the State Museum of Oriental Peoples' Art, the All-Union Central Research Laboratory of Conservation and Preservation of Museum Artistic Values, with the Institute of Oriental Studies providing help as always before.

* See: сб. «Кара-тепе — буддийский пещерный монастырь в Старом Термезе», М., 1964; «Буддийские пещеры Кара-тепе в Старом Термезе», М., 1969; «Буддийский культовый центр Кара-тепе в Старом Термезе», М., 1972.

The Kara Tepe excavations of 1972—1973 were persued in the so called first and second groups of buildings. The first of them consists of three yards, two cave- and one surface-temple, a surface sanctuary, and a number of auxiliary premises both above and under the ground. The main works were undertaken in this group in its central part, that is in Complex Б where the cleaning up of a large temple yard was finished, as well as extractions of remains of a figurative polychrome painting once adorning one of the four collumned aiwans. Contrary to expectations, a pass leading outside or elsewhere into auxiliary above-the-ground premises was discovered in the eastern wall of the yard. The discovery of an outer abode building near the top of the hill and above the cave temple П-II of Complex Б, the study of which has just begun, will be of principal importance for understanding the inner structure and architecture of Kara Tepe. Also important for both the Kara Tepe and Termez studies are newly-discovered burials with Kushan-Sasanian coins, tea-pot-like ceramic vessels, etc. These burials were done in already abandonded surface buildings, above the layer of desertion, in the second half of the fourth century A.D. and are perhaps related to an epidemc of some kind, as well as those group-burials found earlier in cave-temples П-I and П-II.

As a result of the excavations of the second group of buildings, from 1971 on, a new Complex В is being crystallized including a large yard with six vaulted abode aiwans with passes inside the hill into cave premises in the South. The planning and structure of this Complex is distinct of those of А and Б of the first group. Its cave I is also unlike earlier dug cave temples and monk cells. It has appearance of a long, narrow and low vaulted room with a big niche and a small closet hidden in the latter. Painted pannels on side walls and remains of figurative painting on the face one of the main space of the cave does not exclude a possibility to see in it a cult room, a sanctuary, perhaps, or chapel, the niche being for a big Buddhic statue(s), and the closet being a kind of a storeroom or, which is more unlikely, a monk cell. This yet only completely dug cave of Complex В was abandoned, its entrance was blocked up and stuccoed still at the time when adjacent rooms and yard of the Complex continued their functions. That is why the objects found there (including a ceramic umbrella with painted figures of Buddhic heroes, fragments of artistic ceramics and crocks with inscriptions) may be firmly attributed to an earlier period than that of other evidently later buildings. Perhaps, the Kanishka copper coin found in cave I points out the date when this cave was abandoned (most probably due to the menace of collapse).

The preliminary reports of the excavations of Complexes Б and В in the present collection are followed by an article by Yu. M. Yegorov, L. A. Lelekov and A. V. Ivanova, the chemicist, on the field analysis of wall-paintings fragments from Kara Tepe. This study is most wellcome, since in the process of wide-range archaeological research of Soviet scholars in Central Asia (and in Northern Afghanistan) each year brings new examples of monumental painting wanting immediate conservation and further restauration. The working out of methods of the field and cameral treatment of wall-paintings being

part of the artistic treasure of our Central Asiatic Republics, Afghanistan and other adjacent countries became one of the most important tasks of restaurators-monumentalists. As is well known, twenty five years ago restaurators from the State Hermitage led by P. I. Kostrov used advance chemistry of those years to create methods of fixating and polysterics restauration of wall-paintings and saved numerous monuments of ancient art in Central Asia. Their method continues to be the most worked out one, which does not exclude the necessity to seek newer and more advanced ways of conservation and restauration based on recent achievements of chemistry. The article is believed to do its bit for the task.

As in previous collections, the present one publishes articles and notes treating inscriptions in different languages discovered by the expedition. The number of published Bactrian inscriptions is still fairly small, so the newly found ones, and such are found each year, provide corrections to the earlier read inscriptions from Kara Tepe as well as from Afghanistan and Indostan. The best examples to it are articles by the reknown Leningrader Iranist V. A. Livshits and West-German linguist, Professor Helmut Humbach, the latter, for instance, published a treatment in our previous collection as well as elsewhere. The Indian inscriptions at Kara Tepe are calling for a new interpretation. The discovery of a vessel with a completely preserved Brahmi inscription, the treatment and analysis by V. V. Vertogradova, permits considering the problem of existence at the Kara Tepe Buddhic cult center of unusual vessels with inscriptions of not donating but didactic nature, reflecting rivalry of different schools of Buddhism. Arabists and Orientalists-Medievalists may be attracted to Arabic graffiti scratched on the Kara Tepe cave-walls many centuries after the latter had served to Buddhic sanctuaries. They are published by S. B. Pevzner, who studied and copied them at site in 1973. One of the tables presents a bilingual graffiti made on the cornice of an entrance vaulted aiwan at cave 3 of Complex B by a visitor versed in both Bactrian and Middle Persian. The same name is repeated here: Mirano (in Bactrian, read by B. Ya. Stavisky) and Mihran (in Middle Persian, read by V. G. Lukonin).

Three fragments bear inscriptions which are attributed by V. V. Vertogradova to the kind of writing recently discovered by G. Fussman (BEFEO, t. LXI, 1974).

The collection provides a large place to a study by N. S. Sycheva, which is a monograph on ceramics at Kara Tepe persued since 1966. Some of the points of the author may be questioned, perhaps, and following excavations will provide additions or corrections, but the study will attract attention of specialists by both the ceramics published and methods of treatment and interpretation.

The paper by V. Ya. Birstein (from the Section of Chemical Methods of Investigation) based on the first achievements in the study of linking colors and ground of wall-paintings at Kara Tepe and other ancient sites of Central Asia, opens new vista to technological research of monumental painting.

LIST OF ILLUSTRATIONS

Figures in the text

1. Schematic plan of the Old Termez site.
2. Plan of excavations in 1973.
3. General view of excavations from the North-East.
4. Part of female figure. Fragment of the wall-painting from the southern aiwan in the yard of Complex Б (a Drawing).
5. Fragments of stone things: capitel (a) bullhead relief (б) human body relief (в).
6. Burials in the surface rooms of Complex Б.
7. Plan of excavations near the top of the hill.
8. East-West line section: from the northern aiwan of the yard of Complex Б through the staircase in its northwestern corner and room X-1.
9. Burials in room X-4.
10. Excavations view of Complex B from the North: entrance niches to caves I, II, III and IV (from left to right).
11. Cave I of Complex B. West-East line section: through the main room, niche and closet.
12. Cave I of Complex B. North-South line section of the main room.
13. Cave I of Complex B. Southern view of the main room (a drawing).
14. Cave I of Complex B. The main room. Reconstruction.
15. Cave I of Complex B. Closet. Reconstruction. Eastern view.
16. The Brahmi inscription on the ceramic vessel in room X-4. A drawing.
17. Palaeographic table of Brahmi inscriptions of the Kushan period.
18. The Brahmi inscription on the crock. A drawing.

19—35. Arabic inscriptions-graffiti. Drawings.

36—53. Ceramics from Kara Tepe.

54. Infrared spectors of absorption of polysaccharides isolated from paintings and sculptures of Kara Tepe and cherry and smaller apricot gems.
55. Chromotographic division of acetylemized derivatives of hydrolysator of polysaccharides isolated from the color layer of a Kara Tepe painting.
56. Infrared spectors of absorption of polysaccharides isolated from fragments from Pendjikent, Toprak Qala and Adjin Tepe.
57. Chromatographic division of acetylenized derivatives of hydrolysator of polysaccharides isolated from a Pendjikent painting.

Album of Illustrations

1. Excavation of the yard of Complex Б. The South-Eastern corner.
2. Excavation of room X-1 (in front: the staircase in the North-western corner of the yard of Complex Б).
3. Staircase in the north-western corner of room X-1.

4. Excavation of Complex B. Northern-Eastern view.
5. Entrance niche to cave II of Complex B.
6. Entrance niche to cave III of Complex B.
7. Burial in the surface room of Complex B.
8. Burial in room X-4 — Burial I.
9. Detail of Burial I in room X-4 — a hand with a coin.
10. Bilingual inscription-graffiti (Middle Persian and Bactrian) in Complex B.
11. Ceramic vessel with a Brahmi inscription (down the trunk) from room X-1.
12. Left part of the Brahmi inscription on the vessel from room X-1.
13. Right part of the Brahmi inscription on the vessel from room X-1.
14. Bactrian inscription on the crock.
15. Bactrian inscription on the crock.
16 (*а, б, в*). Bactrian inscriptions-graffiti.
17 (*а*). Crock with scratched signs; (б) Crock with a scratched tamga (?)
18—19. Ceramic vessels from Kara Tepe.
20. Patterns of polish and incarved ornamentation of vessels from Kara Tepe.
21. Patterns of stamps on vessels from Kara Tepe.
22. Ceramics from excavations in 1973.
23 (*а, б, в*). Teapotlike ceramic vessels from Kara Tepe excavations in 1973.

CONTENTS

Editor's Note 5
B. Ya. Stavisky, L. K. Sergeeva. Excavations of Complex B in 1972—1973 (a preliminary report) 11
N. S. Sycheva. A Short Report on Excavations of Complex B in 1972—1973 30
Yu. M. Yegorov, A. V. Ivanova, L. A. Lelekov. The Field Treatment of Monumental Painting Fragments at Kara Tepe in 1973 . . 38
V. A. Livshits. To the Interpretation of Bactrian Inscriptions from Kara Tepe 47
Helmut Humbach. To the Finds of Bactrian Inscriptions at Kara Tepe 61
V. V. Vertogradova. On an Indian Inscription on the Vessel from Kara Tepe 70
S. B. Pevzner. Arabic Graffiti Inscriptions from Kara-Tepe 82
N. S. Sycheva. Ceramics of Kara Tepe 88
V. Ya. Birstein. To the Problem of the Kara Tepe and other Central Asian Wall-Paintings Technology — The Problem of Studying Linking Colors and Ground 149
List of Illustrations (in Russian) 164
Abbreviations 166
Summary 168
List of Illustrations 171
Illustrations (Tables) 175

СОДЕРЖАНИЕ

От редактора 5
Б. Я. Ставиский, Л. К. Сергеева. Раскопки комплекса Б в 1972—1973 гг. (предварительное сообщение) 11
Н. С. Сычева. Краткий отчет о раскопках комплекса В в 1972—1973 гг. 30
Ю. М. Егоров, А. В. Иванова, Л. А. Лелеков. Полевая обработка фрагментов монументальной живописи на Кара-тепе в сезон 1973 г. 38
В. А. Лившиц. К интерпретации бактрийских надписей из Кара-тепе 47
Хельмут Хумбах. К находкам бактрийских надписей на Кара-тепе 61
В. В. Вертоградова. Об одной индийской надписи на сосуде из Кара-тепе 70
С. Б. Певзнер. Арабские надписи-граффити из Кара-тепе 82
Н. С. Сычева. Керамика Кара-тепе 88
В. Я. Бирштейн. К вопросу о технике росписей Кара-тепе и других памятников Средней Азии — проблема изучения связующего красок и грунта 149
Список иллюстраций 164
Список сокращений 166
Summary 168
List of Illustrations 171
Contents 173
Иллюстрации 175

НОВЫЕ НАХОДКИ НА КАРА-ТЕПЕ В СТАРОМ ТЕРМЕЗЕ

Основные итоги работ 1972—1973 гг.

Утверждено к печати Институтом востоковедения Академии наук СССР

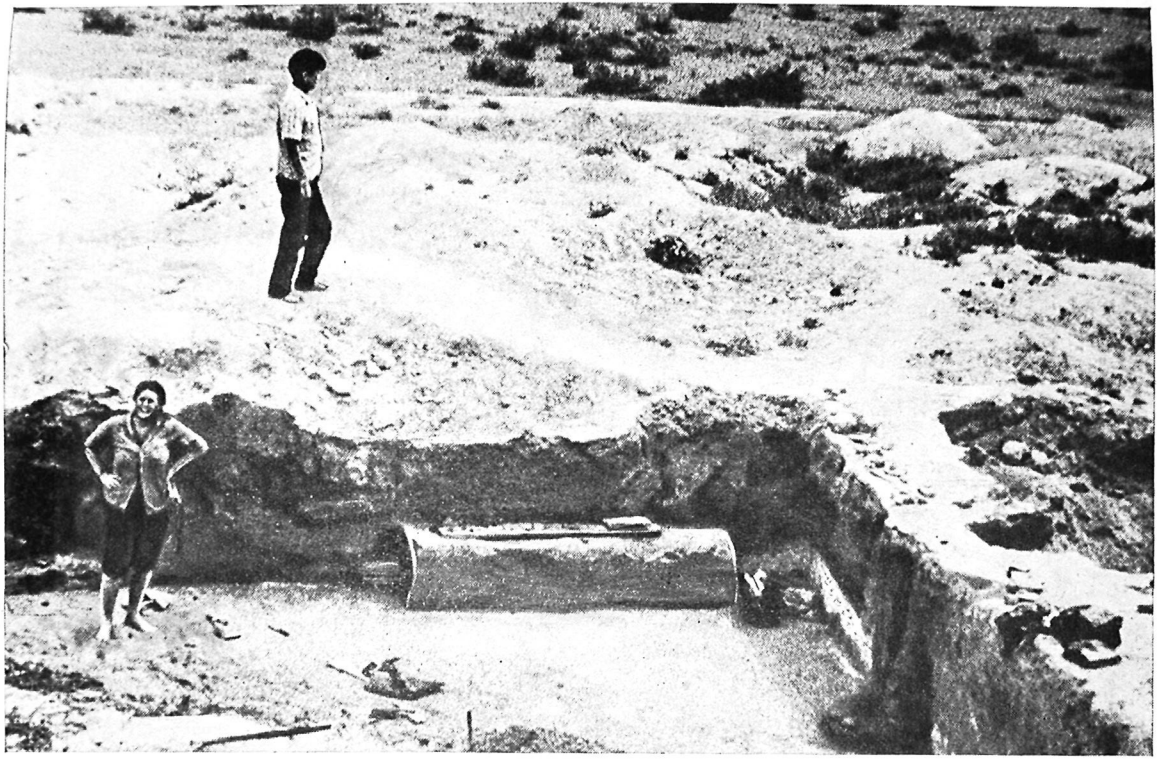
Редактор *Н. Б. Кондырева.* Младший редактор *Р. Г. Канторович*
Художник *Я. Г. Днепров.* Художественный редактор *И. Р. Бескин*
Технический редактор *Л. Ш. Береславская*
Корректоры *В. М. Кочеткова* и *Р. Ш. Чемерис*

Сдано в набор 24/I 1975 г. Подписано к печати 30/X 1975 г. А-01792. Формат 60×90¹/₁₆ Бум. № 1. Печ. л. 11,0+1,5 п. л. на мелов. бум. Усл. п. л. 12,5. Уч-изд. л. 12,26. Тираж 3000 экз. Изд. № 3528. Зак. № 61. Цена 1 р. 24 к.

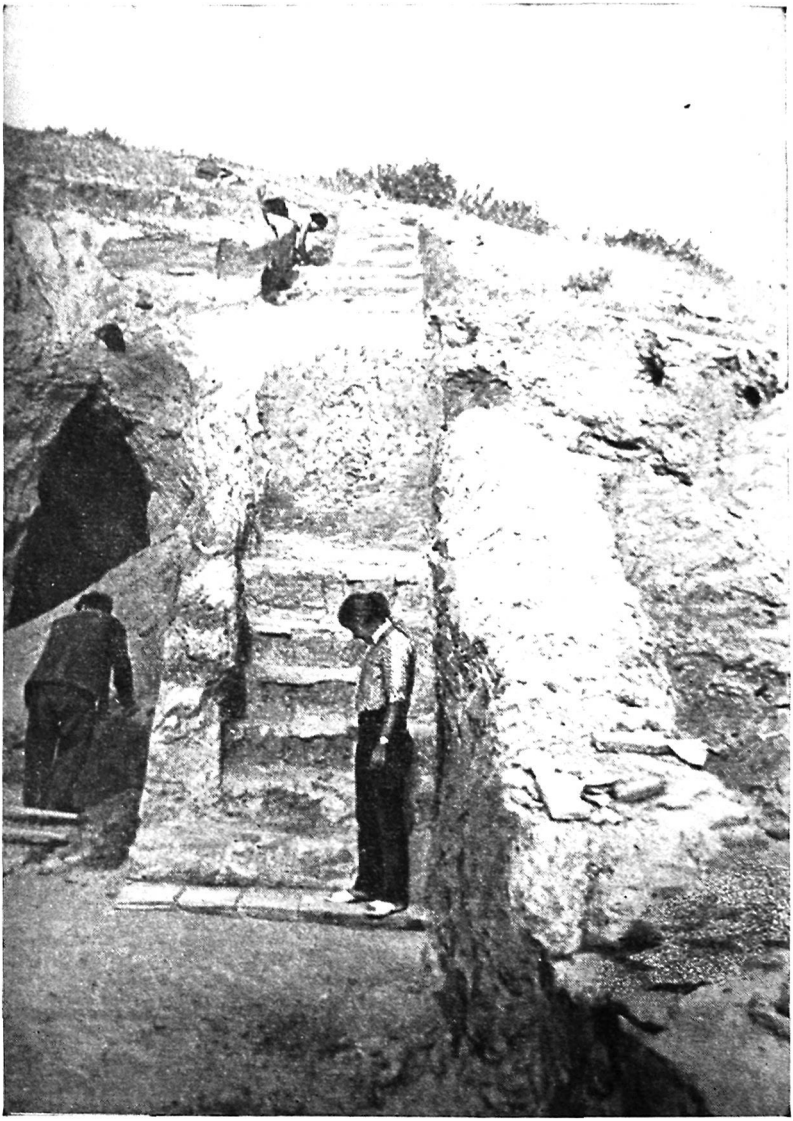
Главная редакция восточной литературы издательства «Наука» Москва, Центр, Армянский пер., 2

3-я типография издательства «Наука». Москва Б-143, Открытое шоссе, 28

ИЛЛЮСТРАЦИИ

Илл. 1

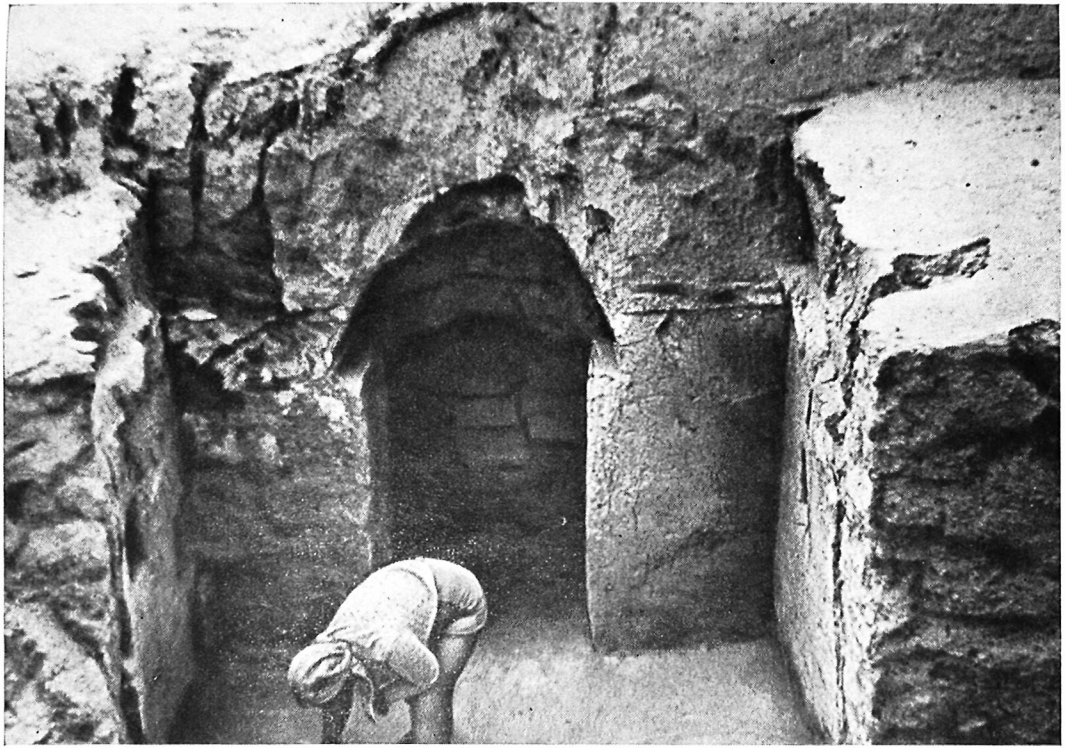
Илл. 2

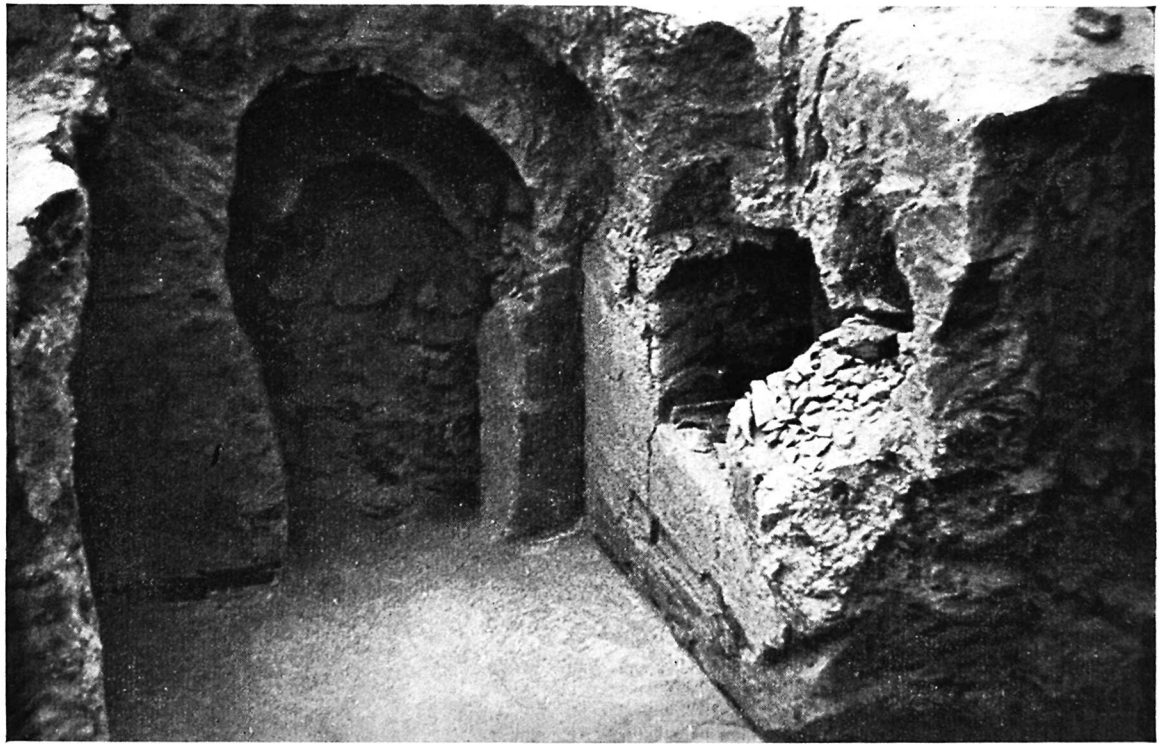
Илл. 3

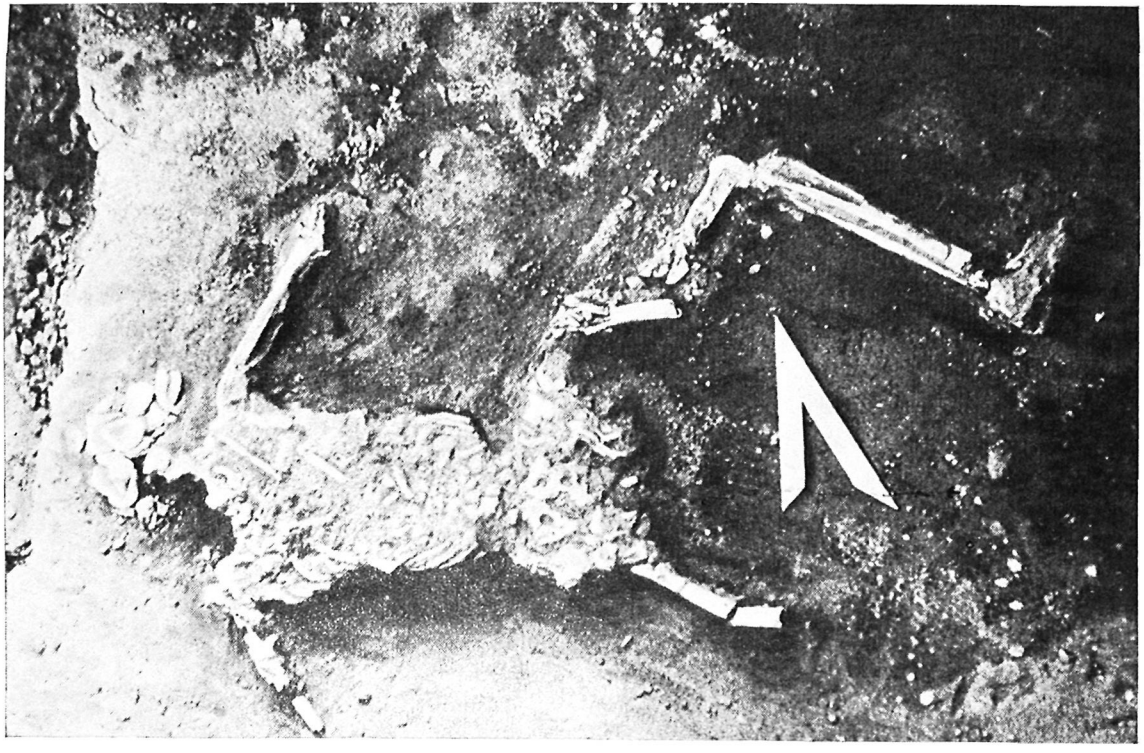
Илл. 4

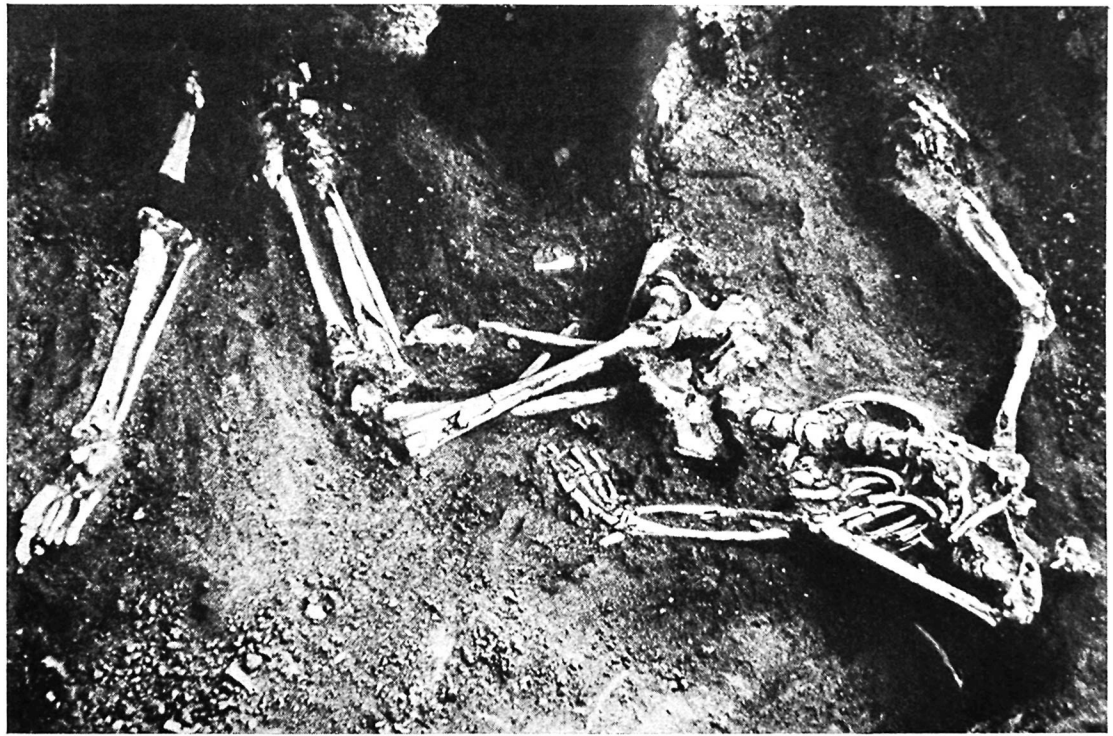
Илл. 5

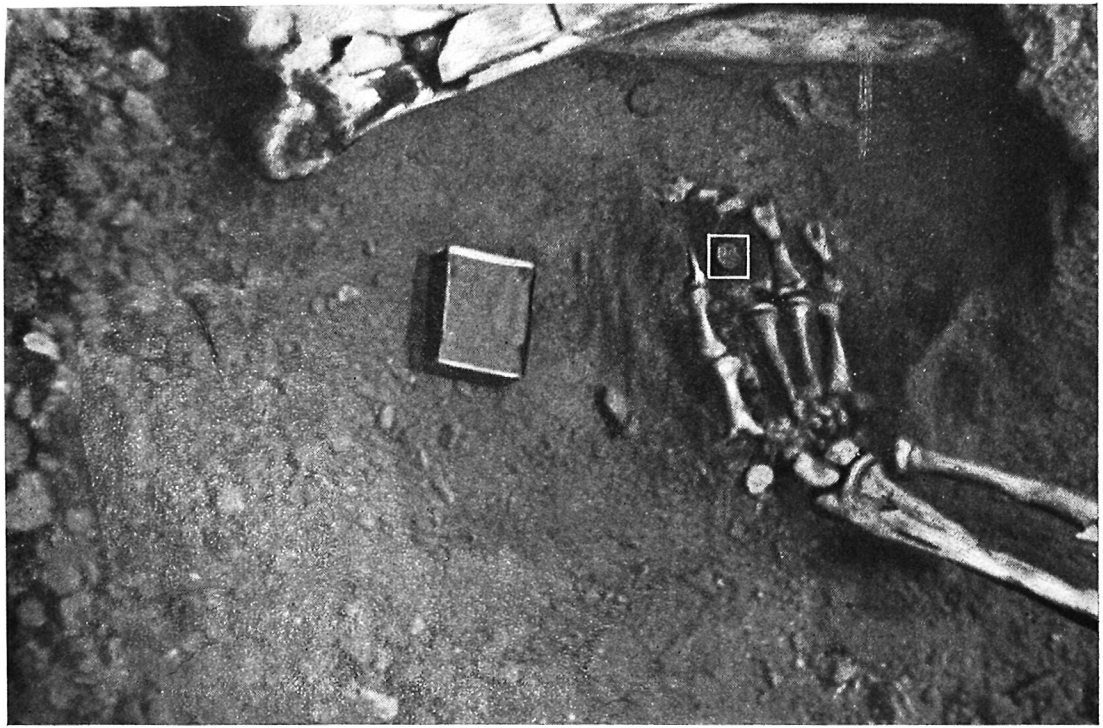
Илл. 6

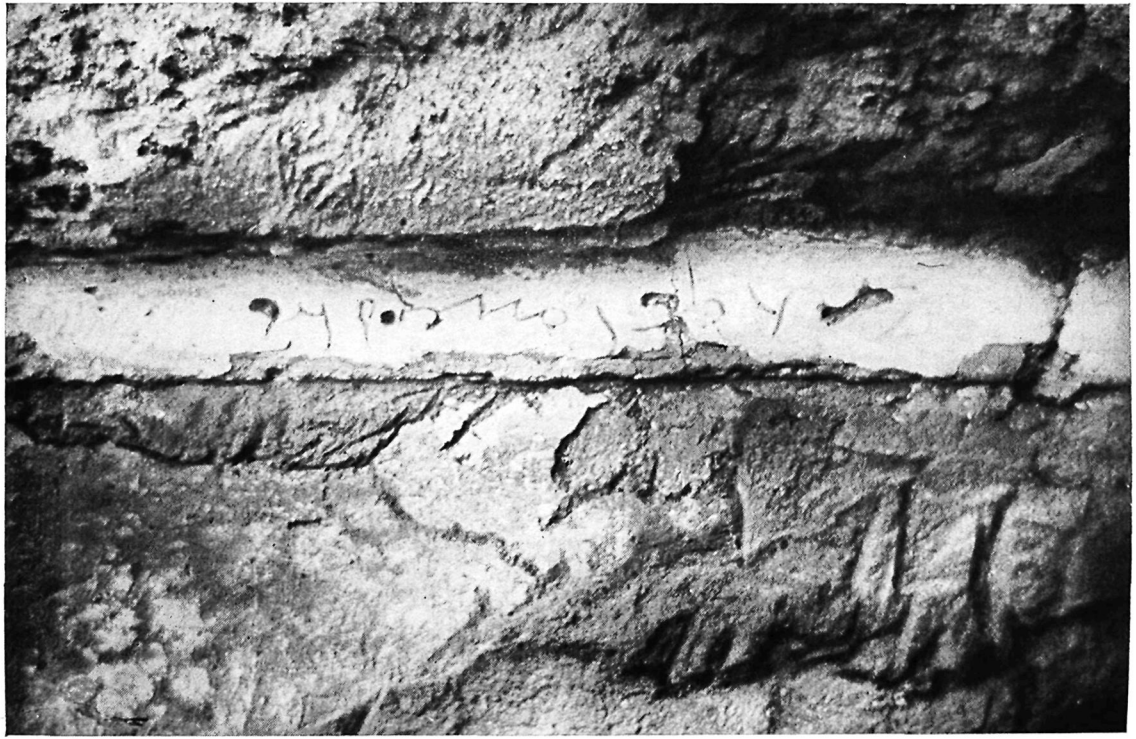
Ил. 7

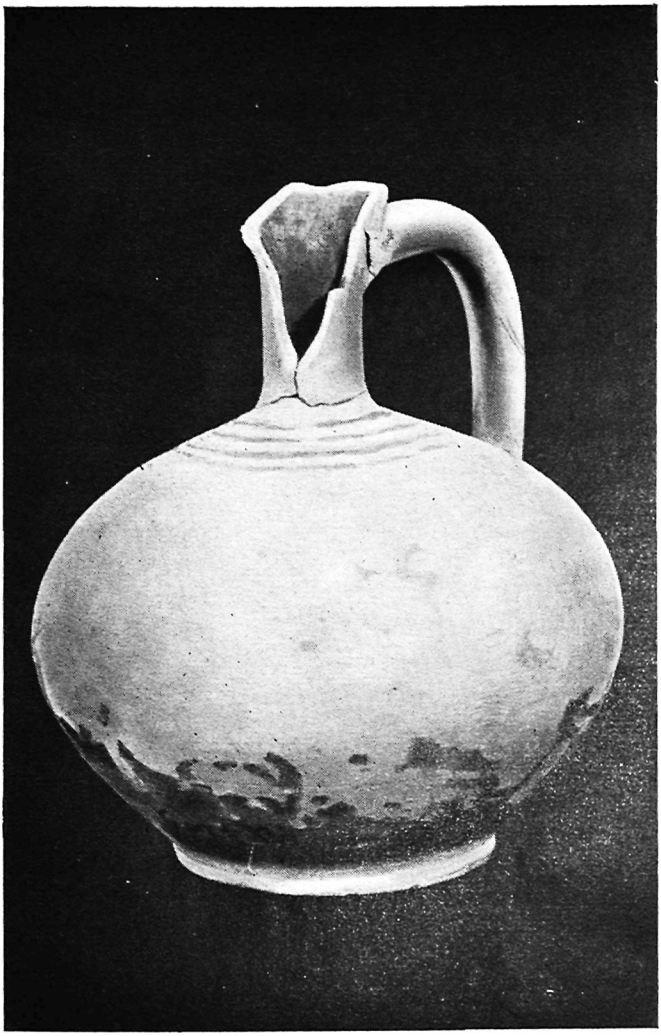
Илл. 8

Ил. 9

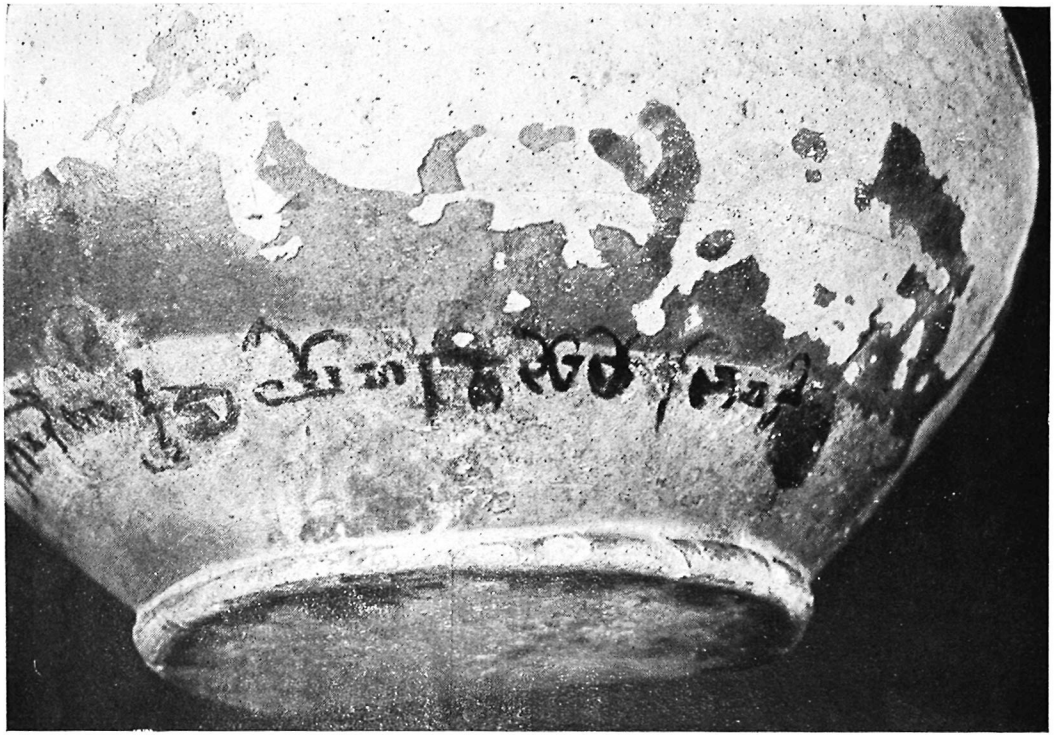
Илл. 10

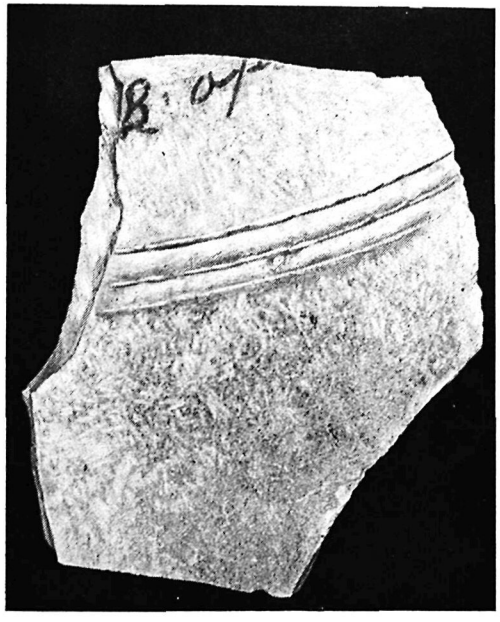
Илл. 11

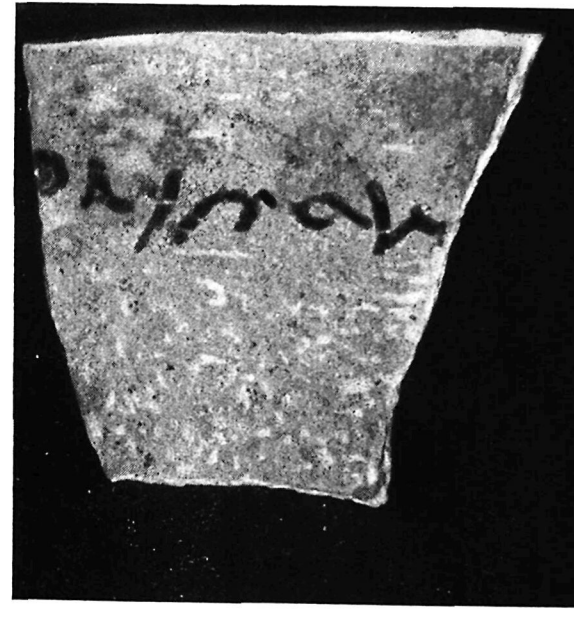
Илл. 12

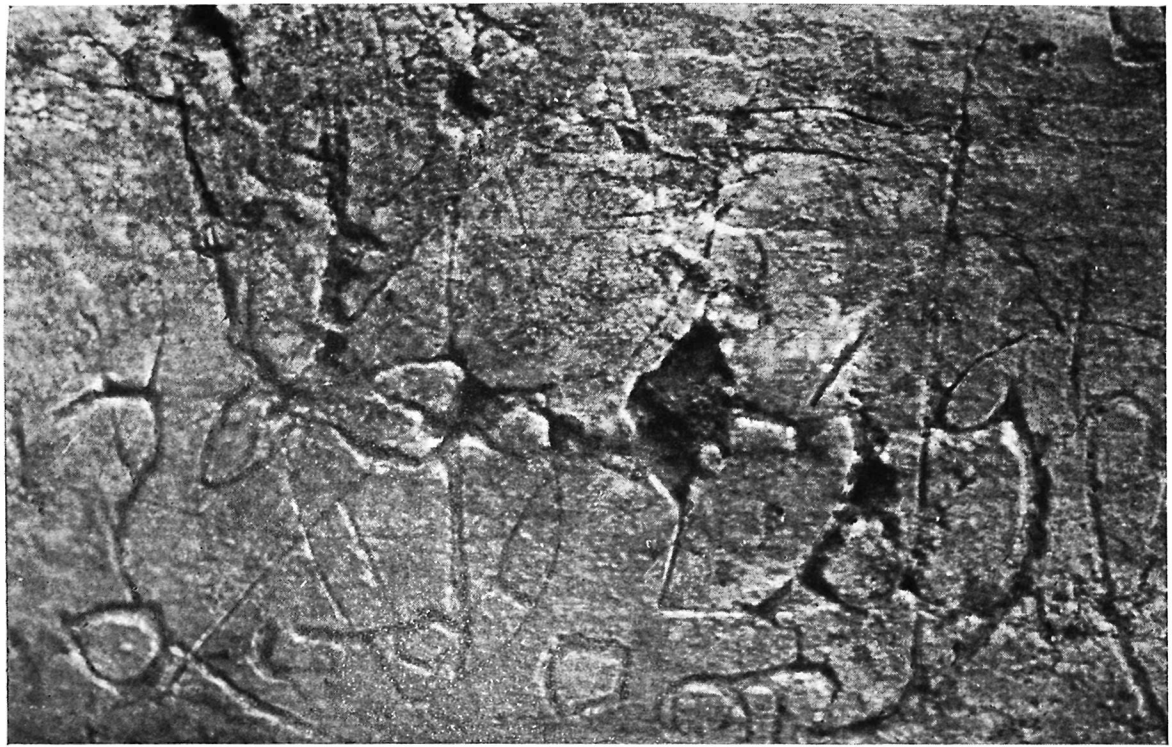
Илл. 13

Илл. 14

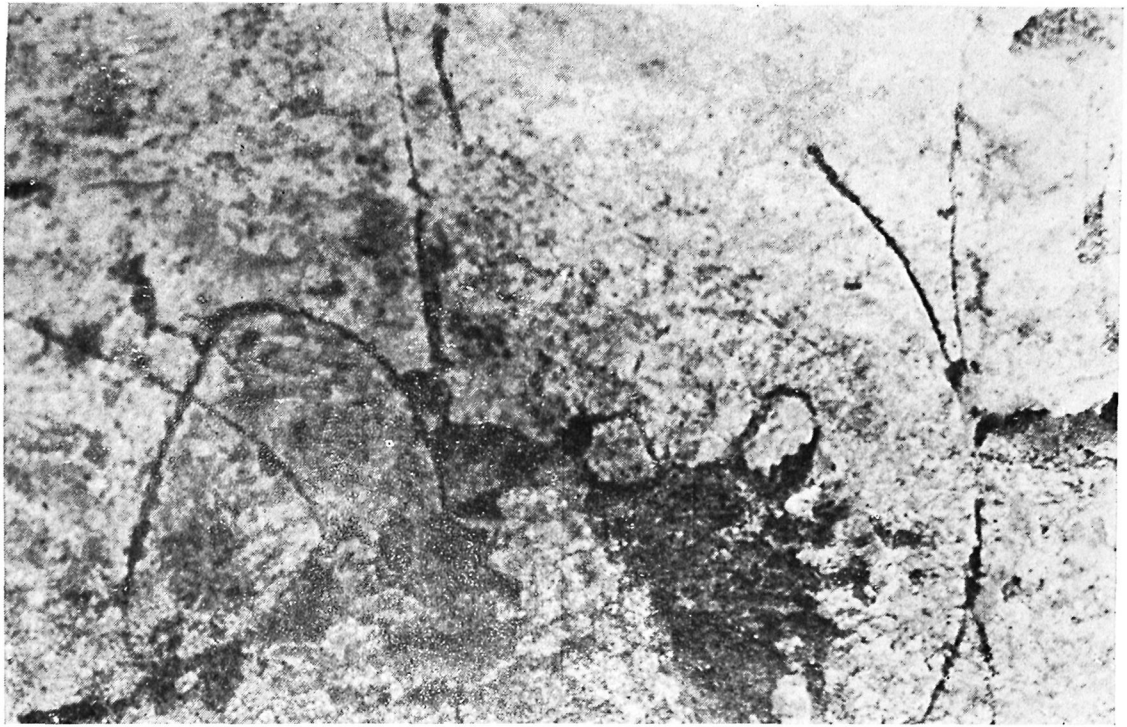

Илл. 15

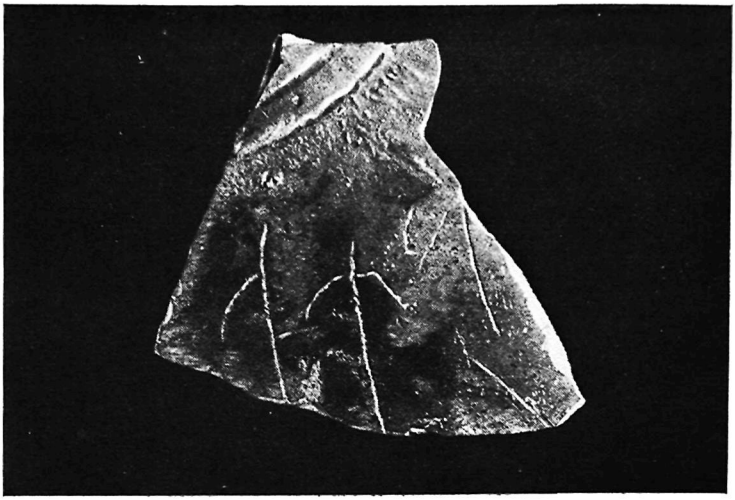

Илл. 16а

Ил. 166

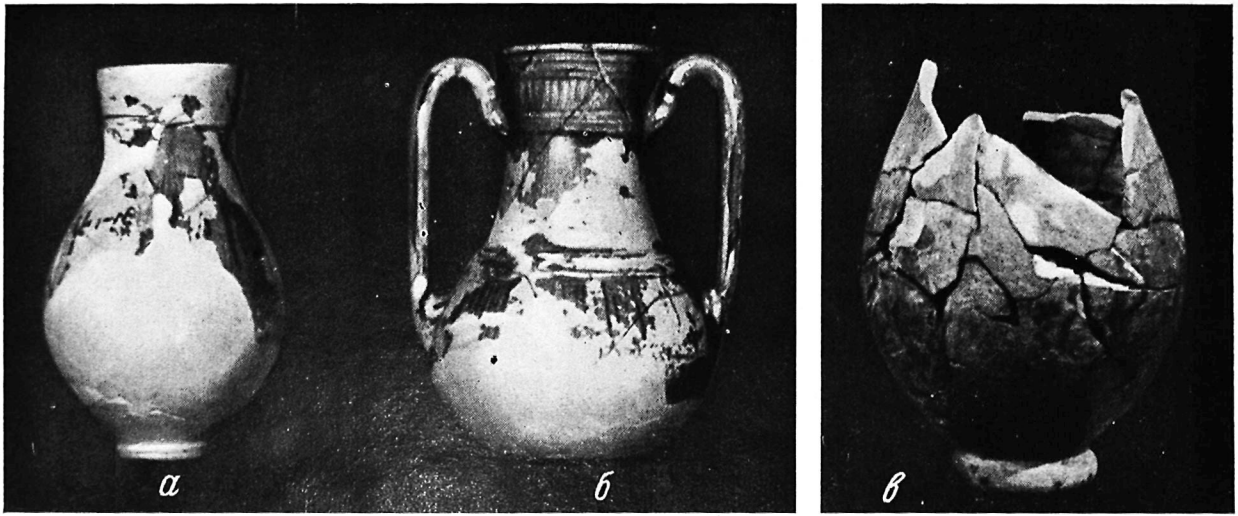
Илл. 16в

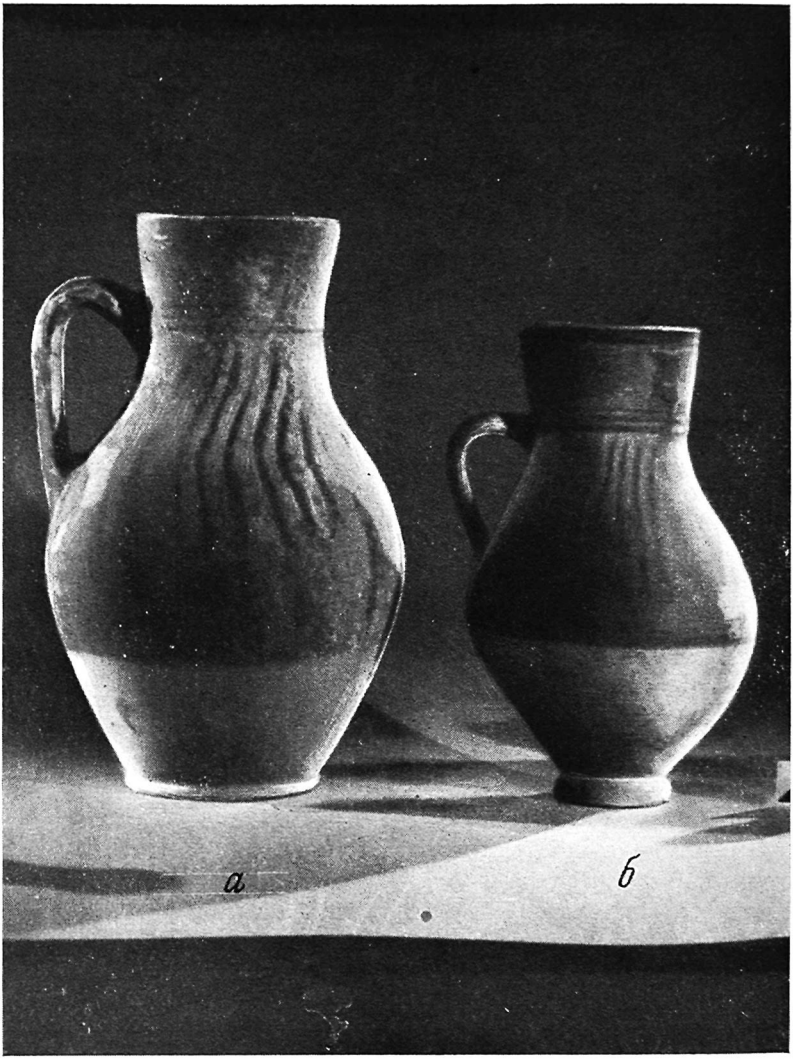
Илл. 17а

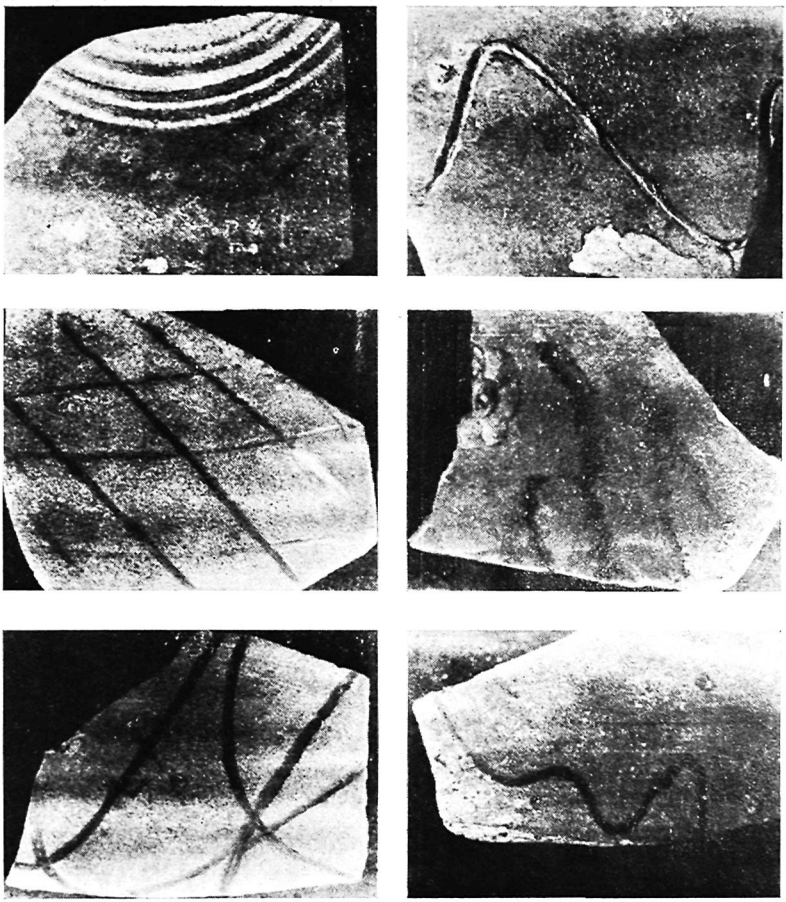
Илл. 17б

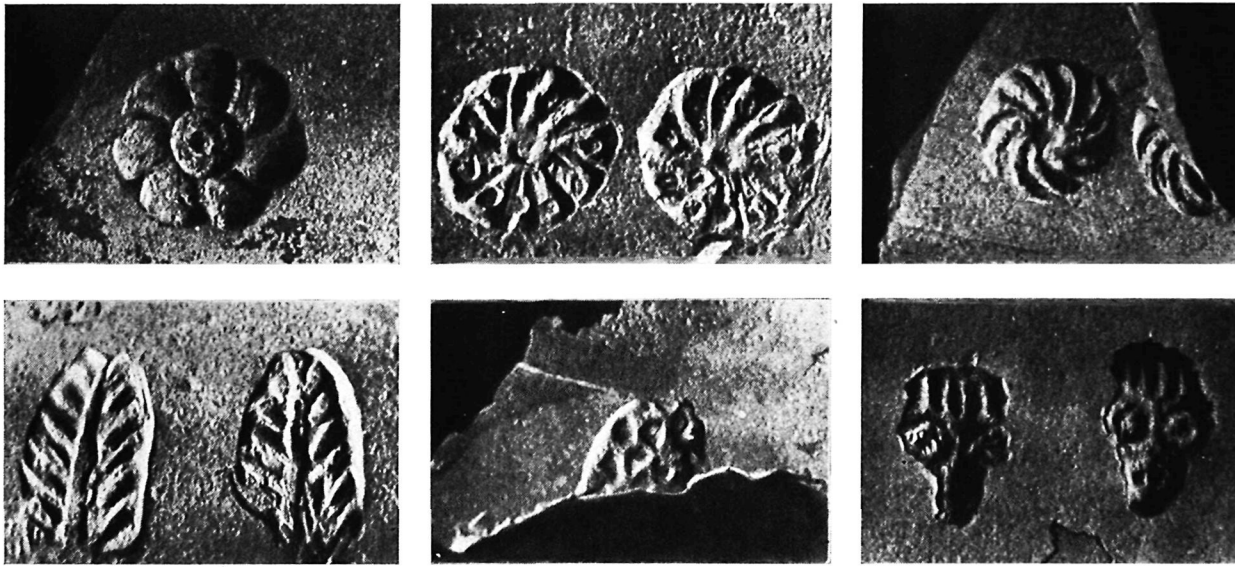
Илл. 18

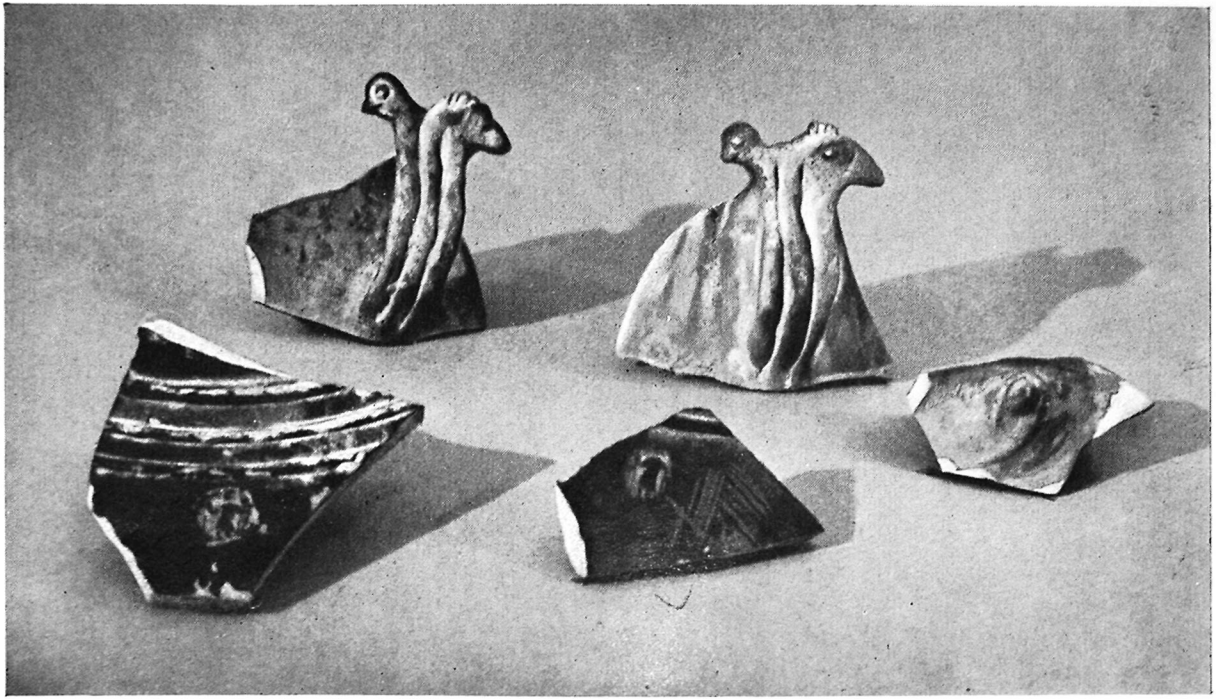
Илл. 19

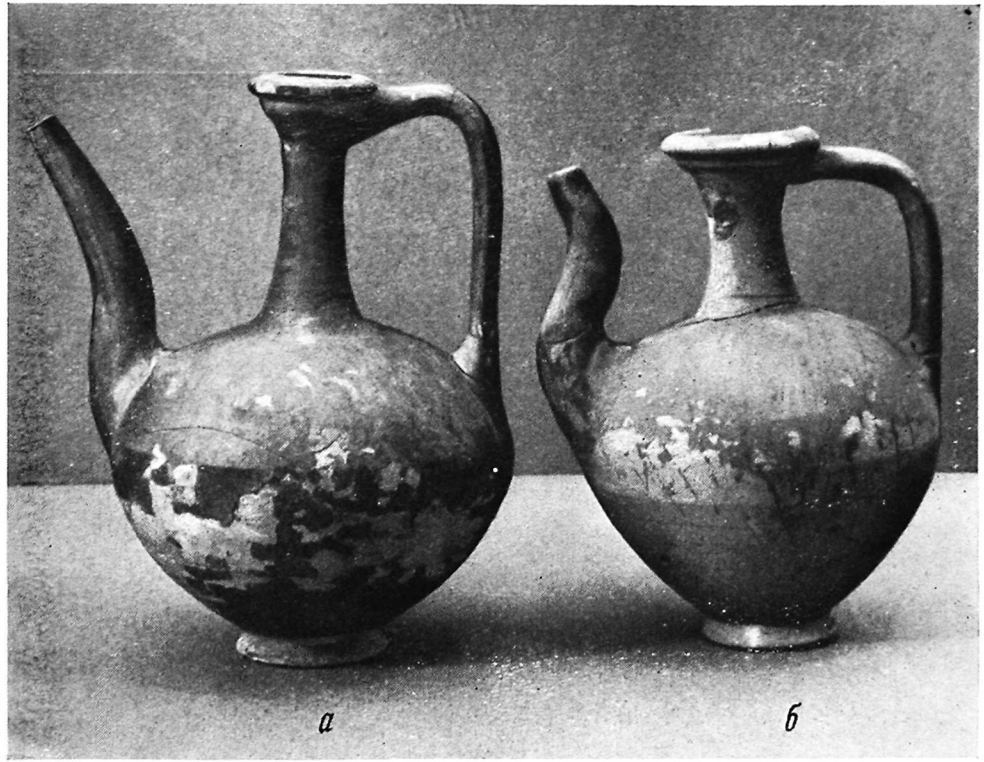
Нал. 20

Илл. 21

Илл. 22

Илл. 23

Цена 1 р. 24 к.

